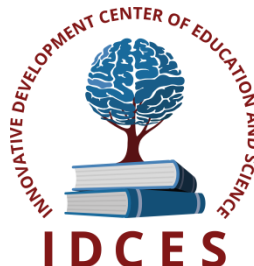

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 апреля 2015г.)**

**г. Самара
2015 г.**

Теория и практика современной юридической науки / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Самара, 2015. 135 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсаямов Р.Г. (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова А.Г. (г.Омск), кандидат юридических наук Голубева Л.А. (г.Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Е.И. (г.Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Р.Ю. (г.Казань), кандидат юридических наук Киракосян С.А. (г.Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко А.А. (г.Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова В.В. (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент Корниенко В.Т. (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова К.А. (г.Москва), кандидат исторических наук Кужалова Л. (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов В.В. (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева М.Л. (г.Москва), кандидат юридических наук Павлова А.А. (г.Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов М.Г. (г.Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк М.Г. (г.Москва), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов А.В. (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Е.В. (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Е.Ф. (г.Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикула И.Р. (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Теория и практика современной юридической науки» (г.Самара) представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)	6
КООРДИНАЦИЯ, КООПЕРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В ПРАВЕ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ Максуров А.А.	6
МУЗЫКА И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МУЗЫКАНТОВ В ДРЕВНЕМ РИМЕ Кравцов Н.А.	7
НИГИЛИЗМ РУКОВОДИТЕЛЯ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, КАК ПРОБЛЕМА И ОЦЕНКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВЯЗАННАЯ С ПОНЯТИЕМ «СЛУЖЕБНАЯ ЭТИКА» Апсальмов Р.Г.	9
НИКОЛАЙ I И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Рядчин А.А.	15
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО СОВЕТА МВД ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ АРЕСТАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Домрачева С.Л.	18
ПРАВО И МОРАЛЬ (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА) Фролова Е.А.	20
СТАНОВЛЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Лукьянчикова Л.В.	23
СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЙ «ФЕДЕРАЛИЗМ» И «ФЕДЕРАЦИЯ» Башерев Д.С.	25

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02).....

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВООТВЕТСТВИЯ Дерхо Д.С.	27
КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВООРЯДОК: СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ Голубева Л.А.	29
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА Кудинов В.В.	31
К ПРОБЛЕМАМ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОСНОВЫ ОХРАНЫ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ Губайдуллина Э.Р., Аминов И.Р.	35
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ С НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ Г.ТАМБОВА) Лавренченко Е.Г.	37
ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ Емельянова В.С.	39
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Чепус А.В.	41
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЙ ПОКУПКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВООРЯДКАХ Трубачев Д.О.	43
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ Демьяненко А.В.	46
СОВЕТ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА Курычая М.М., Воробьева Е.И.	48

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО;

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03).....

ЗАЧЕТ ТРЕБОВАНИЙ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ НАТУРАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ Большевская Е.С.	51
К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УСЛУГ Кудрявцева Л.В.	53
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ Князев А.А.	55

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК	
Абдулаев А.Х.	56
ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕННОЙ БУМАГИ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ	
Корнилова Н.В.	59
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОНЯТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ	
Богатикова А.Ю.	61
О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И Г.СЕВАСТОПОЛЕ	
Баранов С.Н.	64
ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД	
Воронов А.А., Федорков А.Е.	65
ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НОТАРИАТА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
Беляева Н.А.	67
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
Щербачева Л.В.	69
ПРОБЛЕМАТИКА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЗАЛОГА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ	
Шаина М.А.	71
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СМЕШАННЫХ И НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРОВ	
Киракосян С.А., Околович Б.А.	74
ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Алилуева Н.А., Брякина А.В.	77
СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)	79
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)	79
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)	79
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЫСТНОГО МОТИВА В КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ФСИН РОССИИ	
Хрипушин Э.Н.	79
КЛАССИФИКАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ	
Савинова Е.А.	81
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	
Минин Р.В.	84
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
Ветошкин С.А.	87
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	
Кравец И.П.	91
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С КОРЫСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ	
Корж О.В.	94
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	
Бытымбаев А.М.	95
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)	100
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
Пашаева Э.Х.	100
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА	
Картушина Д.В., Ефимова Е.А.	104

ПРЕНИЯ СТОРОН В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ И УЧАСТИЕ В НИХ ПРОКУРОРА ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА	
Сеничева И.С.	106
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РОЗЫСКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИЕЙ)	
Васильевым Ф.П., Лепехин Д.И.	109
СУД КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	
Утренинова А.М.	114
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)	118
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)	118
ПРЕДМЕТ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ	
Рубцова М.В.	118
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)	120
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕАЭС	
Трунина Е.В.	120
ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ КАК КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫЙ ОРГАН	
Воронов Е.Н., Лагутин И.Б., Ювченко С.В.	124
СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)	126
АКТУАЛЬНОСТЬ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	
Хуснутдинова С.А.	126
ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО НОВЫМ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	
Назарычева Л.В.	127
СВОЙСТВА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	
Лебедь К.А.	130
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	133

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.01)

КООРДИНАЦИЯ, КООПЕРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ В ПРАВЕ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧИЯ

Максуров А.А.

Кафедра теории государства и права Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова, г.Ярославль

В последнее десятилетие наблюдается повышенный интерес как представителей науки, так и практических работников к категории «координация». Если воспользоваться услугами «мировой паутины» - сети Интернет или хотя бы его «русскоязычной части» – Рунета, то мы убедимся, что вопросы координации поднимаются не менее чем на 14324-16789 сайтах и в 89541-233876 документах (по информации поисковых систем Рамблер, Яндекс и других).

Такое внимание не случайно. Именно феномен координации позволяет решить казалось бы неразрешимые проблемы, снять существенные противоречия, объективно возникающие между людьми в процессе их повседневной деятельности.

С точки зрения этимологического подхода координация (от латинского, со – с, вместе и *ordinatio* – расположение в порядке) представляет собой согласование, целесообразное соотношение каких-либо действий, явлений и т.п. Координировать, значит, согласовать, то есть «установить целесообразное соотношение между какими-либо действиями, явлениями».

Из самого понятия координации исходит ее нацеленность на конкретный результат, а результатом здесь может быть только повышение эффективности координируемых действий и усилий. Кстати, современный уровень социально-психологической разработки проблематики совместной деятельности в качестве ее отличительных признаков позволяет назвать и «координацию общих и частных действий».

Ее ценность как общенаучной категории заключается в возможности посредством ее получения эффекта синергии той или иной деятельности, каких-либо процессов согласования и координационного взаимодействия.

Синергия - научное понятие, означающее соединение энергий различных элементов. Иногда под «синергией» понимается также «реакция на комбинированное действие двух или более..., при котором эффект превышает действие каждого... в отдельности». Слово «синергия» в переводе с греческого означает «совместное действие». Соответственно, «синергетика изучает такие явления, которые возникают от совместного действия нескольких различных факторов, в то время как каждый фактор в отдельности к этому явлению не приводит. В наиболее содержательном случае в такой круг явлений попадает явление самоорганизации систем, то есть самопроизвольного усложнения формы, структуры и функции системы - скачком при медленном и плавном изменении ее параметров».

Путем координации должна достигаться большая эффективность деятельности субъектов как если бы они действовали в условиях отсутствия координационного согласования и взаимодействия. Интересно, что эффект синергии уже становится объектом серьезных современных правовых исследований.

Говоря о синергетическом эффекте координации необходимо предостеречь и от ошибки смешения категории «координация» с другими однопорядковыми явлениями, среди которых одними из основных сегодня признаются кооперация и интеграция.

Кооперация – сотрудничество, совместная деятельность для достижения конкретной цели. Это, своего рода, обмен навыками и умениями, средствами и технологиями в процессе совместной работы. То есть, речь идет даже не о взаимодействии, а об общем действии. Да, синергетический эффект присутствует и здесь, но это эффект не от согласования отдельных видов деятельности, а от деятельности единой, общей. Согласование уже происходит в процессе самой деятельности между ее субъектами и заключается во взаимобмене. Здесь нет и не может быть признака властности, который, как мы это впоследствии увидим, обязателен для любого координационного процесса.

Несколько сложнее обстоит дело с интеграцией. В последние годы интеграционные процессы в тех или иных формах приобретают в нашей жизни все большее значение. Интеграционные процессы свойственны многим сферам общественной жизни, оказывают активное воздействие не только на развитие отдельных государств, но и всего международного сообщества.

Этимологический подход свидетельствует, что интеграция (лат. *integratio* - восстановление, восполнение от *integer* - целый) – состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы в целом, а также процесс, ведущий к такому состоянию. Различают интеграцию экономическую, политическую, языковую, научно-техническую и др. Особенно актуальны на современном этапе межгосударственные интеграционные процессы, относящиеся к сфере реализации внешних функций любого государства. С.А. Киреева в этой связи пишет, что «межгосударственная интеграция – внешняя функция государства, содержание которой составляют разносторонние формы межгосударственного сотрудничества, подчиненные единым принципам, целям и задачам».

Как видим, речь снова идет о сотрудничестве (соответственно, об отсутствии властности в отношениях), да иного и не может быть в международном публичном праве и в межгосударственных отношениях.

То же самое можно сказать и касаясь конкретных форм реализации функции интеграции. Например, А.С. Мордовец пишет, что право-охранительная форма реализации межгосударственной интеграции РФ требует укрепления межгосударственного сотрудничества органов внутренних дел РФ с соответствующими службами иностранных государств».

Таким образом, «интеграция» и «координация» – самостоятельные категории, так же как и их антиподы: «дезинтеграция (дифференциация)» и «рассогласованность».

Различение координационной юридической технологии от смежных (схожих) правовых явлений, процессов и систем является обязательным и одним из наиболее важных условий единственно научно-достоверного исследования данного правового феномена. Не менее значимо такое различие и в практике конструирования координационных правовых норм правоприменении.

Список литературы

1. Головки В.В. Высшие синергии. Изд-во Томского госуниверситета. – Томск, 2003. – С.5. О важности применения синергетики в социальных науках и сложности такого применения см. также: Князева Е.Н. Интуиция как самодостраивание / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. 1994. № 2. – 234 с.;
2. Киреева С.А. Межгосударственная интеграционная деятельность как выражение внешней функции Российского государства / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов, 2005. – 345 с.
3. Мордовец А.С. Международное сотрудничество органов внутренних дел России / Вопросы теории государства и права. Вып.2 (11). 2000. - С.60-64. См. также: Лунеев В.В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и права. 2002. № 6. – 180 с.
4. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск, 2003. – 915 с.
5. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Под ред. Т.Ф. Ефремовой. - М., 2003. Т.2. – 615 с.
6. Ныркин В.В., Шундинов К.В. Синергетика как перспективный методологический ресурс правоведения // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов – Москва. 2007. № 3. – 432 с.
7. Ожегов С.М., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. - М., 1990. – 1015 с.

МУЗЫКА И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МУЗЫКАНТОВ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Кравцов Н.А.

Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону

Несмотря на то, что музыка окружала римлян в их повседневной жизни, при знакомстве с римскими источниками – и философского и исторического характера, не возникает ощущения, что этому искусству придавалась такая же социально-политическая ценность, как в Греции. Поэтому, вполне естественно, что если уж в самой Греции музыканты относились к низам социальной иерархии, то в Риме их положение, по определению, не могло быть лучшим.

Концертирующими музыкантами в Риме были, как рабы (зачастую – иностранцы по происхождению), так и свободные профессионалы. Есть основания полагать, что положение рабов-музыкантов было несколько благоприятным, чем положение рабов, занятых в менее творческих сферах. Как писал К. Куманецкий, «более свободными себя чувствовали и греки-музыканты, такие, как раб Марципор, автор музыкального сопровождения к комедии Макция Плавта «Стих» (1. С. 206).

Сохранившиеся свидетельства говорят о том, что среди музыкантов-профессионалов рабов было значительно больше, чем свободных граждан. Е. Герцман приводит в своём исследовании любопытные надписи, одно только знакомство с которыми свидетельствует о том, что рабы вообще часто занимались сочинением музыкального сопровождения к театральным постановкам. То, что их имена фиксировались, говорит о том, что они могли быть популярны и даже, в определённом смысле, уважаемы, хотя это и не отражалось существенно на их правовом положении. Это также свидетельство того, что, несмотря на статус рабов, они не теряли возможности считаться авторами. Но, естественно, говорить о каком-либо «авторском праве» в их отношении было бы безобразной модернизацией истинного положения вещей. «Вот что было начертано на дидаскалии, посвященной комедии Теренция «Евнух»: «Представлена на Мегаласийских играх, при курульных эдилах Луции Постумии Альбионе и Луции Корнелии Меруле. Играли [актеры] Луций Амбивий Турпион и Луций Атилий Пренестинец. Мелодии для двух правых тибий сочинил Флакк, раб Клавдия». Фрагмент из дидаскалии о комедии Теренция «Самоистязатель» гласит: «Мелодии сначала для двух неравных тибий, а потом для двух правых сочинил Флакк, раб Клавдия». Имя раба Флакка присутствует и во всех других сохранившихся дидаскалиях, посвященных комедиям Теренция. Музыку к комедии Плавта «Стих» написал некий «Маркипор, раб Оппия» (2. С. 203).

Вообще это хороший повод поразмыслить о справедливости ещё одного стереотипа в восприятии античности. Согласно этому стереотипу, античность, ценой рабства, превратила граждан в среду научного и художественного творчества. Это было бы справедливым, если бы исторически подтверждался бы тот факт, что, избегая тяжкого физического труда, граждане бы занимались искусствами, не теряя социального престижа. Однако, многочисленные сведения о восприятии гражданами античных государств профессиональных занятий искусством, как непрестижных, а тем более, наличие рабов – деятелей искусства опровергает распространённое заблуждение, согласно которому, античное рабовладение, возложив на рабов тяжёлую работу, освободило свободных граждан для наук и искусств.

Общественное положение музыкантов, если они даже были свободными людьми, не шло ни в какое сравнение с положением поэтов. У Атенея мы нашли отличную иллюстрацию соотношения социального признания поэтов и музыкантов. Он пишет: «Хиларод – более почитаемый поэт, чем все предшествующие... Он даже носит золотой венец... Мужчина или женщина сопровождают его со струнным инструментом, подобно тому, как Авледа сопровождал флейтист. Венец даётся в знак признания Хилароду и Авледу, но не музыкантам, которые их сопровождают» (3). Возможно, что музыканты, сопровождавшие поэтов, пользовались их покровительством и защитой, но они явно выступали как «оруженосцы», и вряд ли имели возможность для собственной творческой реализации.

Уровень оплаты труда музыкантов-профессионалов нам известен только весьма приблизительно. Е. Герцман приводит сравнительные сведения, из которых мы можем сделать только условные выводы: «В I в. до н. э. в Риме дрозд стоил 3 денария..., во II в. девочка-рабыня шести лет оценивалась в 205 денариев ..., трубач при носителе высшей власти в римской колонии (*duumvir*) получал ежегодно до 217 г. до н. э. 30 денариев, а впоследствии — 75 ..., во времена Диоклетиана (284—305 гг.), когда в обиход вошли менее ценные денарии, учитель греческого и латинского языков получал их ежемесячно в количестве 200, а учитель арифметики — 75, брадобрею же за одного человека платили 2 денария» (2. С. 176). Получается, что заработок трубача долгое время был ниже среднего, и только довольно поздно достиг среднего уровня. Причём нет никаких оснований полагать, что заработок трубача на государственной службе есть показатель, по которому можно судить о финансовом положении музыкантов вообще. Если даже этой категории музыкантов более-менее приличное содержание было предоставлено только в 4-м веке, то можно предположить, что заработок прочих был гораздо скромнее. Нельзя забывать и о том, что музыкант на государственной службе – фигура довольно редкая. Большинство из них были свободными ремесленниками и зарабатывали, как и прочие ремесленники, сколько позволяла фортуна. О заработках же музыкантов-рабов рассуждать и вовсе нет смысла.

Если среди свободных музыкантов кто-то и получал достойное содержание, то это были военные музыканты. Такое положение объяснимо, исходя из того почтения, которое римляне питали к военному делу. Достойный заработок военного музыканта, без сомнения, – не дань уважения искусству, а дань уважения армии! «Есть основания считать, что в каждом римском легионе находилось тридцать пять музыкантов или, как их называли, «энеаторов»... Причем тридцать два были прикомандированы к пехотным подразделениям, а три — к кавалерии. Энеаторами называли и тубистов, и букцинистов, и рожкистов. Судя по всему, всякий энеатор мог играть на любом военном инструменте. Каждая преторианская когорта имела одного тубиста и одного рожкиста. В когортах же охраны состоял один букцинист, а в городских когортах — тубист и букцинист. Конечно, в различные исторические периоды и при разных военачальниках музыканты неодинаково распределялись между подразделениями. Поэтому приведенные данные нужно понимать только как один из принципов комплектования

войск музыкантами. Вопрос о денежном вознаграждении военных музыкантов также решался неоднозначно. Известно, например, что рожкист в среднем мог получать ежегодную сумму в 500 денариев. Но, конечно, в разные времена и в неодинаковых условиях эта сумма изменялась в обе стороны и порой очень существенно. Согласно традиции, восходящей к реформам VI в. до н. э., приписывающейся этрусскому царю Сервию Туллию, было установлено деление всех свободнорожденных римлян по территориальному и имущественному признакам. По существовавшему положению вооружение и содержание воинов ложилось на самих граждан. В связи с этим все свободное население подразделялось на шесть классов. Но последний, шестой, считавшийся неимущим, освобождался от военной службы. Рожкисты же и тубисты причислялись к наименее обеспеченному пятому классу» (2. С. 246).

Всё вышесказанное приводит к тому, что, независимо от нюансов, социальное положение музыкантов-мужчин было незавидным. Ещё хуже, по всей видимости, должны были ощущать себя женщины, занимавшиеся музыкальным исполнительством. Как и в большинстве культур Древнего мира, их статус немногим отличался от статуса публичных женщин. И образ их жизни в Риме, как и в Греции давал возможность для сближения этих статусов. «Авлетистки и кифаристки нередко были одновременно гетерами и куртизанками. Такое «совмещение» предопределялось, прежде всего, средой, в которой разница между обязанностями музыкантши и куртизанки сводилась до минимума. Более того, в профессиональные навыки гетер и куртизанок, обслуживавших римских аристократов, входило умение играть на музыкальных инструментах. Это способствовало созданию своеобразной эротической обстановки и высоко ценилось. Гетеры, не умевшие петь и играть, оплачивались значительно ниже. Для них даже существовало особое определение — «пешие телочки», по аналогии с пехотинцами, выступавшими в поход без музыки, тогда как конница всегда имела музыкантов» (2. С. 265).

Вместе с тем, следует констатировать что, как и в Греции, низкий социальный статус профессионалов в области музыкального искусства не мешал римлянам восхищаться их наиболее значимыми произведениями, а государству – оказывать поддержку музыкальной жизни. Существует множество исторических примеров того, как императоры выступали учредителями масштабных музыкальных состязаний¹. А состязания эти вызвали искренний интерес и происходили при впечатляющем скоплении публики.

Список литературы

1. Куманецкий Казимиж. История культуры Древней Греции и Рима. – М., 1990
2. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима – СПб., 1995
3. Athenee. Le banquet des savants - <http://remacle.org/bloodwolf/erudits/athenee/index.htm>

НИГИЛИЗМ РУКОВОДИТЕЛЯ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, КАК ПРОБЛЕМА И ОЦЕНКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СВЯЗАННАЯ С ПОНЯТИЕМ «СЛУЖЕБНАЯ ЭТИКА»

Апсалямов Р.Г.

Южно-уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г.Миасс

Этика служебных отношений, имеет свою историю с первобытных времен и до настоящего времени. Но, как показывает время, уроки истории, как правило, нас ничему не учат, а более того, служебная этика в обществе зависит от массы причин и признаков, от окружающего нас социума и еще от многих иных воздействий как на индивида общества, так и на общество в целом.

В широком смысле «...этика - это кодекс, свод правил общения людей, выработанный многими поколениями. Существует и такое понятие, как этика производственных отношений - правила и нормы, а иногда традиции, которых следует придерживаться, встречаясь ежедневно с коллегами на работе и проводя вместе немало времени. Когда бы ни начинался рабочий день, исходным началом его всегда остается домашняя обстановка: ваше настроение, самочувствие во многом определяются тем, как вы отдохнули, каковы отношения в семье и т. д.» [12]. Начинается день, вы просыпаетесь, здесь самое уместное – это «Улыбка». Именно утренняя улыбка и «...утреннее приветствие оказываются сильным стимулятором хорошего настроения, например, для обоих супругов. Но настроение может испортиться уже позже - в дороге, в городском транспорте. Теснота в автобусах, трамваях и троллейбусах, особенно в часы пик, - повод для раздражения, а значит, и падения настроения. Можно ли сохранить хорошее настроение и в таких условиях? Можно. Вспомните, чему вас учили

¹ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима – СПб., 1995. С. 173-175

еще ребенком: толкнул кого-то - извинись первым. Любая зарождающаяся ссора может быть погашена шуткой, улыбкой. Последуйте совету: научитесь управлять своим поведением в любых условиях. Будьте приветливыми, вежливыми, внимательным, сочувственным к окружающим» [12]. Если бы каждый, кто сталкивается с началом конфликтной ситуации, «включал» этические инструменты в спорных моментах, то развитие дальнейшего деструктивного действия снизошло бы к нулю. Тем не менее, не всегда удастся, в силу разных причин (эмоциональных, гормональных, национальных, характерных только для индивида) избежать противоречия, конфликты или ссоры, тем самым, ощутить неприязнь в отношениях. Что же такое конфликт на производстве или служебный конфликт?

Конфликт может быть позитивным или негативным, конструктивным или деструктивным, в зависимости от того, как его разрешают. Он редко бывает застойным - перемены возможны в любое время [4, 13-82].

Недостатками в организации производства и управления, которые наиболее часто приводят к конфликтам, следующие:

- недовольство оплатой труда;
- неблагоприятные условия труда: (например, отсутствие вентиляции, загазованность, вибрация, шум, сквозняки, дискомфортная температура на рабочем месте и т.п.);
- недостатки в организации труда;
- несоответствие прав и обязанностей;
- неритмичность работы (простои, вынужденные отпуска, штурмовщина);
- неудобный график работы;
- упущения в технологии (особенно те, от которых страдает заработок работника, причем не по его вине);
- необеспеченность заданий ресурсами (в частности, перебои в обеспечении сырьем, материалами, комплектующими);
- отсутствие четкости в распределении обязанностей, в частности неэффективные, слишком расплывчатые или устаревшие должностные инструкции (т.е. забвение такого принципа управления: «Управлять предпочтительнее с помощью инструкций, а не приказов»);
- низкий уровень трудовой и исполнительской дисциплины;
- конфликтотенные (т.е. способствующие возникновению конфликтов) организационные структуры. Например, начальники цехов могут получать ежедневно по 15-20 указаний или требований от различных служб (дирекции, производственно-диспетчерского, планово-экономического отделов, главных специалистов, отдела труда и заработной платы, бухгалтерии и т.д.). Выполнить все эти требования бывает физически невозможно, неисполнение же указаний приводит к конфликтам;
- противоречивые отношения или цели технологических и экономических служб (например, служб, отвечающих за количественные показатели, за выполнение плана, и служб, отвечающих за качество, отдела технического контроля и др.) [10,11-70];
- правовой нигилизм руководителей и трудовому законодательству.

Правовой нигилизм (от лат. Nihil — ничто, ничего) — отрицание права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей [14]. Правовой нигилизм заключается в отрицательном отношении к законам, праву, правовым явлениям в обществе, что может приводить к противоправной деятельности и отрицательным действиям, хаосу, и в целом, резко тормозить развитие правовой системы любого общества, страны. Правовой нигилизм может быть активным и пассивным [15]. Известный юрист Сергей Сергеевич Алексеев [(28 июля 1924, Орёл — 12 мая 2013[1], Санкт-Петербург)] — [16], так говорил о правовом нигилизме в России: «О правовом нигилизме много говорят на самом высоком уровне, а я бы сказал жестче: мы сталкиваемся с тотальной недооценкой права. Именно с этим связаны все трудности, переживаемые нашим обществом. Стремление произвольно перекраивать существующую юридическую систему, манипулирование правовой материей приводят к крупным политическим и социально-экономическим просчетам, а то и к катастрофическим последствиям»

Положительное разрешение конструктивного конфликта – это, прежде всего устранение недостатков, причин, к нему приведших. «...Если вы успешно преодолели какой-то конкретный внутренний конфликт или отрицательную эмоцию, отметьте этот факт про себя и вознаградите себя за это достижение. Отметьте, что вы преодолели еще одно препятствие и готовы к новым достижениям, а также к более гармоничным взаимоотношениям с людьми, к внутренней гармонии...» [8, 20-56, 105-199].

Деструктивные (разрушительные) конфликты. Деструктивные конфликты порождаются чаще всего субъективными причинами и к ним относятся: - неправильные действия руководителя; - неправильные действия подчиненных; - неправильные действия и руководителя и подчиненных. Чаще всего деструктивные конфликты возникают при неправильных действиях и подчиненных и руководителя. «...Одна из наиболее распространенных

задач психотерапевтов - помочь пациентам осознать в себе подавленный гнев и научить их выражать его в соответствующих ситуациях неразрушительными, ненасильственными, а бесконфликтными, здоровыми путями...» [2, 19-29, 36-86, 124-128].

Служебная (административная) этика – это правила и принципы нравственного поведения руководителя или лиц, участвующих в управлении. Административная структура предполагает достаточно безразличные к индивидуальным характеристикам людей межличностные отношения. Однако не учитывать их нельзя. Чрезмерно строгое соблюдение служебной дистанции приводит к формализации деловых отношений, и, как следствие, отрицательно сказывается на процессе производства. Недооценка необходимости служебной иерархии затрудняет распределение производственных поручений и контроль за их выполнением – в конечном итоге возможно стирание специфики деловых отношений («панибратство»). Наверное, поэтому, известный философ эпохи Возрождения Никола Макиавелли советовал продуманно создавать себе врага для укрепления своей реальной власти. «Реальная власть руководителя имеет два основных источника: государственно-правовой статус и завоеванный общественный авторитет, которые могут находиться в разных соотношениях. Руководитель может обладать правовым статусом (быть назначенным), но не иметь необходимого авторитета для того, чтобы быть способным подчинить людей своим директивам. Неудобный коллективу руководитель может столкнуться, по меньшей мере, с игнорированием, саботажем, опротестовываем своей деятельности» [13]. Таким образом, для осуществления полноты своей власти в рамках фирмы руководитель должен завоевать доверие коллектива. Кроме проявления положительных личных качеств, авторитетность достигается различными формальными методами: рекламой различного содержания (телевизионные ролики, статьи в периодических изданиях, характеризующие потенциальных руководителей с выгодной стороны), социальная демагогия (раздача обещаний, отвечающих интересам коллектива; проявление своей солидарности с подчиненными; демонстрация заинтересованности в решении соответствующих производственных и социальных проблем), финансовая поддержка (достаточное количество средств позволяет совершать действия, влияющие на рост авторитета).

Действия руководителей, имеющие, к сожалению, серьезные недостатки, их несколько. Можно выделить основных, - например, три направления: - нарушение служебной этики; - нарушение трудового законодательства; - несправедливая оценка руководителем к подчиненному и к результату его труда.

К недостаткам (правонарушениям) служебной этики относятся: а) проявление грубости, высокомерия, неуважительного отношения к подчиненным; б) невыполнение обещаний; в) нетерпимость к мнениям, отличным от собственного; г) зажим критики; д) ущемление прав подчиненных; е) злоупотребление положением начальника (например, навязывание подчиненным поручений неслужебного характера); ж) поручение исполнителю «через голову» непосредственного руководителя; з) утаивание информации (особенно в условиях сокращения штатов или реорганизации); и) критика, принижающая достоинство человека; к) сознательное провоцирование конфликта между подчиненными – управление по принципу «разделяй и властвуй», л) постоянное принижение заслуг одного подчиненного, «в глазах», «на виду» у других подчиненных), м) навязывание противозаконные и имеющих анонимный характер, способы тестирования одной категории служащих посредством другой, применяя при этом весь административный ресурс по принципу: «прав тот у кого больше прав», или, основываясь на результатах тестирования, прибегать к порочному сталинскому принципу «не важно, как проголосуют, а важно, как посчитают», говоря уже о конечном его результате. Случаи же действительно психологической несовместимости сравнительно редки. Они могут быть установлены только специализированными тестами на /совместимость/-/несовместимость/.

Неуважительное отношения к подчиненному весьма распространенное явление: - Не ценить время сотрудника. Например, - заставлять его «ловить» себя или подолгу ожидать; - разговаривать с посетителем, не отрываясь от бумаг; - не предлагать посетителю присесть; - нетерпимость к инакомыслию подчиненных; - зажим критики; - выстраивать отношения «по уровню...» определенных требований (...идут рука об руку). Стендалю принадлежат слова, важность которых для взаимоотношения людей и для управления производством трудно переоценить: «Опереться можно только на то, что сопротивляется».

Профессионализм специалиста подчиняется принципу, сформулированному так: «Если двое специалистов во всем согласны, то один из них – лишний!»

Вышучивание подчиненного, насмешки над ним, можно смело отнести к злоупотреблениям руководителя своим служебным положением. Ведь подчиненный может просто побояться ответить так, как он ответил бы, не будь «шутник» его начальником. В своей книге Уэйн Дайер говорит относительно подчиненного: «...приучать других обращаться с Вами так, как Вы хотите...», и высказывает идею двух тысячелетней давности Римского философа Эпиктета: "Нас оскорбляет не обидчик, а наше отношение к обиде. Когда кто-то раздражает вас, вы сами в ответе за свое раздражение" [1, 127-159, 160-193].

Сегодня как никогда, актуальны проблемы, связанные с ситуацией ликвидации, реорганизации, сокращения штатов администрации: 1) не следует тянуть с принятием решения; 2) следует сразу же информировать о ситуации, на общих собраниях или через многотиражку о принятом решении; 3) если решение отдельных вопросов затягивается, то обнародовать то, что уже решено, тогда подавляющее большинство (как это обычно бывает) успокоится, что они не пострадают.

Несколько слов о нарушениях действующего законодательства, как духа, так и буквы закона о труде и о попытке действовать самовластно, не считаясь с их положениями. Происходит это от правового нигилизма руководителей. В результате суды восстанавливают на работе более чем в половине случаев уволенных работников, обжаловавших решение об увольнении. Исключением является тот случай, когда работник давно уже был «достойн» быть уволенным, и администрацию можно понять. Однако несоблюдение формальностей заставляет суд признать решение администрации об увольнении незаконным. Юридическая безграмотность чиновников налицо, и как правило, где имеются юридические конторы с громкими названиями их фирм, там и происходит большинство юридических «промашек», правонарушений.

Там, где отсутствует продуманная система поощрений и наказаний, то, ошибки в применении поощрений и наказаний налицо. Во многих организациях у нас отдается предпочтение наказаниям перед поощрениями. И это несмотря на то, что достоверно установлено: поощрения действуют значительно более эффективно, чем наказания. Ибо потребность в поощрении – одна из важнейших потребностей человека.

Для разрешения конфликтов применяется: сетка и оценка эффективности стилей Томаса Килменна, см. ниже (Приложение А, Приложение Б).

Если вклад в работу меньше, а оклад больше, чем у других работников, то конфликтная ситуация неизбежна. Часто бывает, когда новому работнику устанавливают более высокий оклад, чем был у его предшественника. Если новичок с первых шагов не покажет, что он на голову выше предшественника в своем деле, то и он, и «выбивший» ему повышенный оклад руководитель почувствуют негативное отношение к себе со стороны коллектива. Такая же ситуация возникает, когда превышение оклада над остальными «выбил» себе кто-то из сотрудников, ничем не выделяющийся в работе. Приглашение работника «со стороны», когда на должность есть претендент «из своих». Вообще в приглашении руководителей со стороны есть свои плюсы и минусы. Плюсом может явиться привнесение ими новых идей, расширение арсенала применяемых методов. Это как бы свежая кровь в организме предприятия, препятствующая «заболачиванию».

Минусом же является неуверенность своих работников, уменьшение шансов на продвижение. Ведь прецеденты с приглашениями подсказывают каждому, что он может до пенсии просидеть на нынешней должности. Наиболее активные заявляют о несправедливости к себе, либо задумаются о переходе в другую организацию, либо будут конфликтовать.

Таким образом, приглашение со стороны должно иметь веские основания и, в частности, накладывает на приглашенного обязанность привнести существенное, новое в работу. А если этого не происходит, и руководитель болезненно относится к авторитету подчиненного? Именно в данном случае, имеется в виду, что руководитель не только не хочет отметить хорошего работника, но и старается снизить его авторитет в глазах окружающих.

Поскольку и действия подчиненного, и оценка их руководителем происходят на глазах коллектива, то несправедливость этих оценок является секретом Полишинеля [11], или - секрет, который всем известен, мнимая тайна, «секрет - на весь свет». Такие поступки руководителя, прежде всего, принижают авторитет его самого. А если авторитетный подчиненный «примет вызов» руководителя, возникнет конфликт, то нет сомнения, на чьей стороне будут симпатии подчиненных. Весьма часто огульная критика руководителя к коллективу, особенно если она направлена «для укрепления» плохо работавшего подразделения. Такая критика безадресная, так как каждый может счесть, что уж к нему-то она не относится. В то же время возникает противопоставление руководителя подчиненным, что сплачивает их против обвинителя. При этом обвиняемые дружно объявляют себя потерпевшими.

«Работать так, как вы работали до сегодняшнего дня, вы больше не будете» – категоричное приглашение к конфликту, который может тянуться годами. Выступивший допустил еще одну ошибку, кроме уже названных: он снял вину предшественника и полностью переложил ее на коллектив. Такая позиция свидетельствует, что и впредь виноватых будут искать только среди подчиненных. Именно из-за нечеткости заданий нашли широкое распространение утверждения подчиненных о руководителях, «которые не знают, чего хотят», и встречные претензии руководителей по поводу «бестолковости» подчиненных. Отсутствие четкой и своевременной информации нервирует, порождает слухи, одни хуже других. Во многих случаях руководители скрывают неблагоприятную информацию (например, о предстоящем сокращении штатов), чтобы не нервировать людей. Эффект же от сокрытия бывает противоположным.

К сожалению, практическим приемам убеждения нигде не учат. Однако, 14 наиболее важных приемов убеждения приведены, в частности, в книге Виктора Шейнова [10,11-70]: "Как управлять другими. Как управлять собой (Искусство менеджера)". Всегда необходим фактор совместимости. Как часто в действительности приходится слышать слова: "Мы с ним не совместимы". Однако на самом деле психологическая несовместимость бывает значительно реже, чем о том говорится.

Таким образом, можно сказать, что себе признаться стыдно, например, при элементарной зависти которая порождает постоянную неприязнь. Зависть служит источником огромного числа конфликтов, в том числе и на работе.

Порою люди не осознают свои поступки, а выполняют волю навязанную другими: «Люди делают так, как захотите вы...» [6,14-108].

Какие факторы работы руководителя могут вызвать зависть? Это обладание властью, более высокий социальный статус, большая зарплата, комфортные условия труда (кабинет, личный телефон, секретарь, помощники), большая свобода действий и передвижений, лучшая информированность, административный ресурс руководителя, используемого в личных целях, в том числе и в целях наживы (При этом, для самого руководителя, как бы все это "компенсируется" стрессовым характером работы, большей ответственностью, более длительной рабочей неделей и т.п.)

О вызывающих зависть факторах руководитель должен помнить и не подчеркивать своего привилегированного положения, быть более демократичным. И уж вовсе должно быть исключено из обихода руководителя «хвастовство», «зазнайство» и прочие проявления позиции «превосходства» над другими подчиненными.

Приложение А

Определение стилей разрешения конфликтов

Существует пять таких основных стилей. Они описаны и широко использованы в программах обучения управлению делами, в основу которых положена система, называемая методом Томаса-Килменна (разработан Кеннетом У. Томасом и Ральфом Х. Килменном в 1972 году). Система позволяет создать для каждого человека свой собственный стиль разрешения конфликта. Основные стили поведения в конфликтной ситуации связаны с общим источником любого конфликта - несовпадением интересов двух и более сторон. Ваш стиль поведения в конкретном конфликте определяется той мерой, в которой вы хотите удовлетворить собственные интересы (действуя пассивно или активно) и интересы другой стороны (действуя совместно или индивидуально). Если представить это в графической форме, то получим сетку Томаса-Килменна, позволяющую определить место и название для каждого из пяти основных стилей разрешения конфликтов.

Сетка Томаса-Килменна:

Мера, в которой вы стараетесь удовлетворить собственные интересы	Стиль конкуренции		Стиль сотрудничества	Активное действие
		Стиль компромисса		
	Стиль уклонения		Стиль приспособления	Пассивное действие
	Индивидуальные действия		Совместные действия	

Мера, в которой вы стараетесь удовлетворить интересы другой стороны

Эта сетка поможет вам определить собственный стиль или стиль любого другого человека. Начните со стороны, на которой отмечены активные и пассивные действия. Если ваша реакция пассивна, то вы будете стараться выйти из конфликта; если она активна, то вы предпримете попытки разрешить его. Такие оценки вы можете сделать для себя и для других участвующих в конфликте сторон. Верхняя часть сетки относится к совместным действиям. Если вы предпочитаете совместные действия, то вы будете пытаться разрешить конфликт вместе с другим человеком или группой людей, которые в нем участвуют. Если же предпочитаете действовать индивидуально, то вы будете искать свой путь решения проблемы или путь уклонения от ее решения. Степень корпоративности в поведении также легко может быть оценена для вас и для других людей.

Когда вы сложите вместе эти две части сетки, вы получите матрицу из пяти стилей со стилем компромисса в середине. Он в равных мерах включает кооперативное и индивидуальное, а также пассивное и активное поведение. Если вы внимательнее рассмотрите эти различные стили, то вы можете узнать тот, к которому вы обычно прибегаете в конфликтных ситуациях; вы можете также определить и те стили, которыми обычно пользуются связанные с вами люди. Однако в определенных условиях вы можете отдать предпочтение другому стилю. Каждый человек может в какой-то степени использовать все эти стили, но обычно имеет приоритетные. Кроме того, некоторые стили могут быть наиболее эффективными для разрешения конфликтов определенного типа.

Г

Разработал: Скотт Д.Г. Способы разрешения Конфликтов. – Киев. 1991.: С. 20-56, 105-199. J

Приложение Б
Таблица 1

Оценка эффективности использования стилей разрешения конфликтов

1. Конфликтная ситуация.
2. Использованный стиль.
3. Общая эффективность (от -3 до +3).
4. Результат применения этого стиля (описать положительный или отрицательный итог).
5. Альтернативный подход.
6. Почему лучше было бы использовать альтернативный подход.

Впишите в таблицу некоторые самые важные для вас конфликтные ситуации, с которыми вам доводилось сталкиваться; укажите стиль или стили, которые вы при этом использовали; оцените общую эффективность каждого стиля в конфликтной ситуации; отметьте, каков, по вашему мнению, был результат использования того или иного стиля - положительный или отрицательный. Наконец, отметьте, какой другой стиль (или стили) вы могли бы использовать с большим успехом. (Логическая схема определения альтернативного подхода: Что бы вы

могли сказать? Как бы реагировали на это другие и вы сами? Какими бы могли быть сейчас ваши взаимоотношения?)

Г
Разработал: Скотт Д.Г. Способы разрешения
Конфликтов. – Киев. 1991.: С. 20-56, 105-199.¹

Список литературы

1. Дайер У. Быть свободным. – К.: 1995. С. 127-159, 160-193.
2. Дэна Д. Преодоление разногласий. – СПб. 1994. С. 19-29, 36-86, 124-128.
3. Каппони В., Новак Т. Сам себе психолог. – СПб. 1994. С. 145-159.
4. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. - М., 1992. С. 13-82.
5. Литвак М.Е. Психологическое айкидо. - Ростов-на-Дону. 1992. С. 7-37.
6. Паркинсон Д.Р. Люди сделают так, как захотите вы. – М.: 1993. С. 14-108.
7. Рейнуотер Дж. Ваши межличностные отношения. Это в ваших силах. – М.: 1992. С. 54-98.
8. Скотт Д.Г. Способы разрешения конфликтов. – Киев. 1991.: С. 20-56, 105-199.
9. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения. - М.: 1990. С. 109-154.
10. Шейнов В.П. Конфликты в нашей жизни и их разрешение. Мн.: 1997. С. 11-70.
11. Толковый словарь иностранных слов Л.П.Крысина. М.: ЮРИСТЪ. 2005.
12. Электронный ресурс. URL: http://www.etiket.ru/official/official_etiquette.html / Дата посещения 28.02.2015 г.
13. Электронный ресурс. URL: <http://obsheniedel.ru/etika-biznesa-i-delovogo-obshheniya-ponyatie-i-osobennosti-administrativnoj-etiki.html> Дата посещения 28.02.2015 г.
14. Правовой нигилизм // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. / — 3-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1969—1978.
15. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007; Он же. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления (монография). Саратов, 2009.
16. Скончался один из авторов Конституции РФ [С.С. Алексеев] // Lenta.ru, 13.05.2013. (Конституция Российской Федерации, принятая 12.12.1993 г. Всероссийском народным голосованием на референдуме).

НИКОЛАЙ I И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рядчин А.А.

Волгоградский Государственный Университет, г.Волгоград

Первая половина XIX века в России, консерватизм ее политической надстройки, а также личные жизненные позиции Николая I, повлиявшие на будущую политику императора, во многом предопределили специфику российской правовой системы. Все изменения в гражданском законодательстве в этот период производились с целью отстоять основы феодализма и порядки абсолютизма.

Так, в Манифесте «О совершении приговора над государственными преступниками», изданном 13 июля 1826г., выделялась непоколебимость существующего порядка «в государстве, где любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа; где есть отечественные законы и твердость в управлении», где «свыше усовершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления»[4, № 465].

Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «при охранительном направлении нового правительства нельзя было и думать о реформах не только государственного строя, но и гражданско-правового порядка. Однако неудобства, возникающие вследствие невозможности знать действующие законы, сказались настолько сильно, что и император Николай I счел необходимым обратить внимание на состояние законодательства»[7, с. 87].

Подобные «неудобства», наиболее явно проявляющиеся в правоприменительной практике, в последствии опосредованно отражались на состоянии российской экономики, а значит, и на способности власти поддерживать имперский статус России.

Общеполитический курс нового императора, диктовал вполне определенный подход к решению законодательных проблем. Но не смотря на размышления Николая I о необходимости отмены крепостного права, нельзя считать, что он дал директиву открыть путь новым веяниям. Николай указал не создавать что-то новое в праве, не менять его, а лишь в тех границах в которых это необходимо привести в порядок уже существующие

нормы права. Позднее Николай I сам сформулировал суть такого подхода: «... недостаток результатов происходил, главнейше, от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва основать старые на твердых началах ... из предложенных мне путей, я выбрал совершенно противоположный прежним. Вместо сочинения новых законов, я велел собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют»[1, с. 300].

В дворянско-буржуазной историографии высказывались противоположные точки зрения об отношении Николая I к созданию уложений, причем большая часть исследователей придерживалась точки зрения, что Николай I отказался от предложения М. М. Сперанского составить уложения и намеревался остановиться на создании Полного Собрания и Свода законов. При этом они лишь декларировали свое мнение, ничем его не аргументируя и явно не опровергая доводов оппонентов.[8]. Намерения Николая I ограничивались упорядочением существующих феодально-крепостнических норм права, хотя в первые годы его царствования заметны определенные колебания в сторону кодификации отдельных отраслей законодательства. И все же первостепенным для императора являлся Свод законов как результат инкорпоративной деятельности II отделения. Однако необходимо учитывать, что созданием систематического Свода нельзя было устранить назревшую потребность в реформировании действующего законодательства в соответствии с социальными нуждами страны.

За претворением в жизнь своей директивы Николай I следил лично, в связи с чем не создал комиссию при Государственном совете, который по своей сущности должен был заниматься подготовкой законопроектов, а лишь преобразовал во 2 отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В дальнейшем, при уже возданном Своде законов, Николай второй учредил семь ревизионных комиссий, основная цель которых состояла в проверке и утверждении тождества созданного Свода существующему законодательству. Так, в своем рескрипте император счел нужным определить работу над сводом как должную «служить основанием к Уложению. Чем она будет полнее и точнее, тем и Уложение может быть совершеннее»[4, № 1983]. При этом следует отметить, что каждая статья Свода ссылалась на соответствующий акт в Полном собрании законов, имела дату и номер.

При таком общем подходе, обращение власти к использованию знаний и опыта в области систематизации законодательства, которыми обладал М.М. Сперанский, было, несмотря на предубеждения Николая I, которому были известны прежние либеральные настроения последнего, достаточно рациональным и оправданным действием. Хотя личные предубеждения императора и привели к тому, что во главе 2 отделения был поставлен М.А. Балугьянский.

М.М.Сперанскому поручили изложить свои взгляды на возможные пути совершенствования законодательства, и он, в начале января 1826 г., представил Николаю 2 два доклада: историческое обозрение деятельности комиссий составления законов, в котором были указаны все предпринятые правительством меры для исправления и приведения в порядок действовавших законов вместе с причинами, объяснявшими нерезультативность этих мер, и собственное мнение автора доклада по наилучшему способу осуществления окончательных составления и систематизации законов.

По второму вопросу М.М. Сперанский предложил сначала собрать в хронологическом порядке все существующее законодательство и на его основе затем составить своды законов: гражданских, уголовных, полиции и хозяйства. Создание уложений, по мнению Сперанского, могло осуществляться только как завершающая стадия этих работ. Сами уложения в представлении М.М. Сперанского должны были бы представлять «систематическое изложение законов по их предметам» и быть составлены так, чтобы общие законы предшествовали частным и предшествующие законы всегда «приготовляли бы смысл и разумение последующих». Базисом нового Уложения должен был стать существующий свод законов, а пропуски и недостатки должны были восполняться «по сравнению с другими уложениями и с лучшими в сем роде сочинениями», все недостающие в своде законы должны были быть дополнены в уложении и охватывали как можно более случаев.

Николай I, рассмотрев предложенные Сперанским варианты, из двух возможных - «составить Уложение сводное или составить Уложение исправленное» - избрал составление Свода законов без всяких изменений[2, с. 69-70]. Есть множество мнений почему Николай I сделал такой выбор, но, следует полагать, что главенствующую роль в его решении сыграли личные воззрения императора на роль права, которое закрепляло существующие в обществе отношения, обеспечивало поддержку установленного государственного порядка, поддерживало «стабильность», так необходимую Николаю I. Тем не менее несправедливо считать, что предпочтение, отданное своду законов, являлось отказом верховной власти от составления уложений.

Создание Свода было необходимым этапом для составления Уложения. Сам М.М. Сперанский в это время полагал, что «Уложение без Свода есть умозрение без практики; Уложения не изобретаются, но слагаются из

прежних законов с дополнением и исправлением их сообразно нравам и обычаям и действительной потребности государства»[3, с. 2]. Постоянство взглядов Сперанского показывает и тот факт, что, при приближении к концу работы над гражданской частью Свода, в докладе императору от 14 января 1828 г. он сообщал о принятии Свода законов гражданских за основу к составлению Гражданского уложения.

Первичное обращение к составлению Свода законов проистекало и из острой практической потребности государства и общества, так как такой свод «был единственным средством отвратить особенные трудности в порядке суда и управления, в порядке усовершенствования законов и в порядке их изучения, проистекавшие из многосложности и раздробительности нашего законодательства»[5, с. 176].

Мнения о том, что создание Гражданского уложения после Свода законов продолжало оставаться в сфере зрения верховной власти, можно встретить и у современных авторов. Так, И.В. Ружицкая отмечает, что в 1833 г. после создания Свода законов Николай I лично указал на необходимость приступить к дополнению и совершенствованию законов, и что такая работа действительно велась, причем был не только утвержден громадный закон «Уложение о наказаниях», содержащий 2 тысячи статей и вступивший в действие с 1 мая 1846 года, но и рассматривалась возможность создания гражданского кодекса или уложения, и некоторые шаги в этом направлении Вторым отделением Собственной Е.И.В. канцелярии предпринимались[6, с. 200-207].

Можно полагать, что, как в предпочтении, первоначально отданном императором Своду законов перед новым Уложением, так и в самой сущности последующих работ по совершенствованию законодательства, в ходе которых Уложение о наказаниях получило явный приоритет перед Гражданским уложением, можно отчетливо проследить кардинальную черту всего политического курса Николая I. Так, первоначально курс отрицал всякого рода общественную инициативу, и только после этого ставилась подготовка социальных преобразований. В результате чего мы видим, что те преобразования, которые и были осознаны Николаем I, принимали форму бюрократического бега на месте. Имели место и исключения, но зачастую они не в последнюю очередь были связаны с «исполнительным органом» воли императора.

Организация работы над Сводом была организована Сперанским поэтапно. Первый этап заключался в собрании всех законов, которые были изданы с момента принятия Соборного уложения. Сначала приступили к созданию Полного собрания законов, которое включило в себя все нормативные акты с Соборного уложения до начала царствования Николая I.

Несмотря на большую работу, сделанную на первом этапе, нельзя считать ПСЗ полным собранием. Государственные архивы в России того времени были в ужасающем состоянии, ни в одном из них не было полного реестра существующих законов, также не стоит отрицать и умышленного невнесения отдельных актов в ПСЗ, значительную часть которых составляли документы внешнеполитического характера, сохранявшие секретность. ПСЗ также характеризуется наличием актов, по существу не имевших характера законов, в ПСЗ можно найти акты как не юридического характера, так и судебные прецеденты.

Стоит также отметить и специфику свода законов, в основу которого было положено деление права на публичное и частное, идущее от западноевропейских буржуазных концепций, которые в свою очередь восходили к римскому праву.

Созданное 31 января 1826 года Второе отделение Собственной Е.И.В. канцелярии, взамен распущенной Комиссии составления законов повлияло на всю дальнейшую систематизацию российского законодательства.

Первые три года существования Второго отделения все доклады подписывались М.А. Балугьянским, а М.М. Сперанский лишь представлял их императору. Но с апреля 1829 г. он сам стал вести переписку.

Среди положительных качеств работы II Отделения выделяется его состав, который включал в себя не только чистых чиновников, но и профессоров и выпускников Царскосельского лицея и университетов. Необходим был план каждой части будущего Свода, который бы разграничивал его предметы, деление на разделы, главы и отделения. Чем и занимался в течении первых трех месяцев с момента учреждения II Отделения М.М. Сперанский. При создании Свода законов М.М.Сперанский исходил из того, что «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование».

После издания Свода М.М.Сперанский планировал приступить к третьему этапу систематизации, к созданию Уложения, которое должно было содержать не только старые нормы, но и содействовать развитию права. Само уложение предполагало кодификационный метод работы, против которого и был император.

В первой половине 19 века абсолютизм в России достигает своего апогея, Николай I концентрирует всю государственную власть в своих руках, а его канцелярия становится одним из важнейших органов управления. Само стремление укрепить феодально-крепостнические порядки способствует систематизации законодательства.

Таким образом, процесс систематизации законодательства во время правления Николая I, / приведший к созданию Свода законов, имел своим результатом:

-во-первых, отделение действующих законов от утративших силу;

- во-вторых, разрешение возникающих противоречий между законами, что говорит о достаточно консервативном подходе Николая I к решению законодательных проблем;
- в-третьих, формирование основы для будущей судебно-правовой реформы;
- в-четвертых, увеличение роли права в обществе.

Список литературы

1. Корф, М.А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. / М.А. Корф. – Изд. испр. – СПб.:Импер. Публ. б-ка, 1861. – Т. 2 (ч. 3, 4 и 5). – 388 с.
2. Обзорение исторических сведений о Своде законов. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. – 204 с.
3. Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских графа М.М. Сперанского // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1859. Кн. 2. С. 2 (далее - Объяснительная записка...).
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830-1861. – Т. I-XXXIV.
5. Рождественский, Н.Ф. Обзорение внешней истории русского законодательства / Н.Ф. Рождественский. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. – 206 с.
6. Ружицкая, И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I / И.В. Ружицкая. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 316 с.
7. Шершеневич, Г.Ф. История кодификации гражданского права в России / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Тип. Импер. ун-та, 1898. – 128 с.
8. Латкин В.И. Лекции по истории русского права. СПб., 1891 —1892. С. 1078—1879; Майков П. М. О Своде законов Российской империи. СПб., 1905. С. 8—9;Пахман С. В. История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 2. С.3.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО СОВЕТА МВД ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ АРЕСТАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Домрачева С.Л.

Межрегиональный открытый социальный институт, г.Йошкар – Ола

На основании Указа императора Александра I от 31 декабря 1803 года был создан Медицинский Совет при Департаменте полиции Министерства внутренних дел, который являлся высшим гражданским медицинским управлением. Он был создан для контроля за деятельностью медицинских и фармацевтических учреждений Российской Империи. В него в основном входили ученые – эксперты с медицинскими знаниями. Медицинский Совет имел совещательную функцию и представлял собой коллегиальный совещательный орган. Решения по всем вопросам принимались в Медицинском Совете большинством голосов и утверждались министром внутренних дел.

С 17 июня 1836 года в состав Медицинского Совета входили: председатель и действующие члены, один из которых обязательно должен был быть фармацевтом или химиком, и неопределенное количество почетных членов совета, которые утверждались повелением императора по представлению министра внутренних дел.

Медицинский Совет работал по нескольким направлениям.

1. По ученой части:

Рассматривал медицинские рассуждения наблюдений, историй болезней, медико – топографических описаний, врачебных открытий и их испытаний, исследования новых фармацевтических средств, а так же искали способы замены иностранных лекарств отечественными. Отчеты заседаний Медицинского Совета печатались в журнале МВД. Здесь же решали, кому из иностранных врачей могли позволить свободную практику без экзаменов, а кому только после испытаний. [1,19].

2. По полицейской части:

Обсуждали цензуру медицинских сочинений и публичных объявлений, относящихся к Медицинской полиции, Судебной медицине и народным врачеваниям. Давали разрешение на продажу и употребление новых фармацевтических средств. Рассматривали и утверждали пробы хирургических инструментов, аптекарских

материалов, а также вновь составленные каталоги лекарств и все требования на медицинские препараты, и другие прочие пособия для армии и флота.

3. По судебной части.

Медицинский Совет рассматривал случаи скоропостижно умерших людей, свидетельства в сомнительных случаях по гражданским и уголовным делам, а также химические испытания разных составов на судебных следствиях.

Согласно Ст. 437 – 439 и Ст. 445 Свода Законов Российской Империи Т. XIV. Устав о ссыльных (издания 1890г), для ссыльно – каторжных и ссыльно – поселенцев телесное наказание плетьюми, лозами и розгами приводилось в исполнение на месте суда.[2,417].

В Указе Правительствующего Сената от 2 июня 1832 года было прописано, что в случае приглашения лекарей полицией, явиться им нужно было немедленно, в их обязанность входило оказание медицинской помощи арестанту, наказываемому по приговору уголовного суда. Лекарь или врач должен был определить, когда и в каких случаях по болезни преступника, телесное наказание могло привести к смерти заключенного.

Медицинский Совет определил болезни, при которых на определенное время отменяли телесные наказания:

- падучая болезнь (эпилепсия);
- приросшую грыжу;
- внутренние и наружные аневризмы;
- грудную жабу;
- весьма затруднительное дыхание, происходящее от опрелостей и нарывов в легких, также от частого кровохаркания, грудной водяной болезни, и от сильного искривления позвоночного канала;
- Частые приступы кровавого апоплексического удара с продолжающейся явной склонностью к их повторению.

Медицинский Совет постановил, что все эти болезненные случаи должны быть предварительно строго исследованы и засвидетельствованы Врачебной Управою. Основываясь на таком мнении Медицинского Совета было необходимо, чтобы преступников, у которых были засвидетельствованы эти болезни, наказывать следующим образом:

1. Преступников подлежащих наказанию кнутом и ссылке в каторгу ссылать без всякого телесного наказания, а вместо него прибавлять, смотря по важности вины и сопровождавших совершение преступления обстоятельства, от двух до шести лет к определенному судом времени каторжных работ.

2. Осужденных к наказанию плетьюми и к ссылке в Сибирь на поселение, ссылать без всякого телесного наказания по статье 193 Устава о ссыльных издания 22 июля 1822 года. Назначавшихся на пополнение заводским работникам, которые по ст.267 того же Устава положено было находиться на заводах и фабриках один год, то вместо телесного наказания, от которого они были освобождены, срок этот удвоить.

3. Преступников, подлежащих наказанию плетьюми или розгами с оставлением на месте жительства необходимо было заключать в смирительные или рабочие дома на определенное время или же выдерживать время на хлебе и воде в тюремном замке. [5, 2].

4. В именном высочайшем Указе от 8 декабря 1801 года было указано, что в случае, если преступник положенного числа ударов перенести не может, тот час экзекуцию остановить, взять его в полковой госпиталь для лечения. Когда же он выздоровеет, необходимо было провести преступнику вторичное наказание, при котором наблюдать за самочувствием арестанта, как и в первом случае. [4, 2].

Помимо этого, Медицинский Совет должен был рассматривать меры борьбы с эпизоотиями и эпидемиями в Российской Империи, вопросы об изучении минеральных вод, о пересмотре аптекарской таксы, о составлении списка ядовитых веществ и судебной медицины. [3, 74].

Таким образом, на Медицинский Совет возлагалась обязанность популяризировать новые открытия в области медицины, награждать лиц на этом поприще, помогать в научном организации врачебного дела в государстве, путем проведения медицинских экзаменов, давать свои заключения по санитарии, исследовать качество аптекарских припасов, покупаемых казной.

Царское правительство, и сам император, утверждая законы и поправки к ним, заботились о том, чтобы сосланные в каторгу или ссылку преступники самостоятельно дошли до места отбывания наказания, отбыли его и, оставшись на поселении в той же местности, закрепили ту территорию за Российской Империей своим присутствием на ней. Создавали поселения – деревни и села, обзаводились семьями и по мере сил крепили Российское государство. Своей цели они достигли. Именно поэтому Дальний Восток является частью нашего государства, а не Китайской или Японской территорией.

Список литературы

1. Геллинг К. Опыт гражданской медицинской полиции примененной к законам Российской Империи. Т.1. Вильна. 1842. 590с.
2. Коковцов В.Н., Рухлов. С.В. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. СПб. 1894. 624с.
3. Пристанкова Н. И. Правовое регулирование врачебно – санитарной деятельности в Российской Империи (XIX–XXвв): дис... канд. юрид. наук. СПб. 2007. 186с.
4. РГИА Ф. 1149, Оп. 2 Д. №7 Л.2
5. РГИА Ф.1149 Оп. 2 Д. №31 Л.12

ПРАВО И МОРАЛЬ (ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА)

Фролова Е.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, юридический факультет, г.Москва

Большое значение для развития правовой культуры и преодоления правового нигилизма имеют вопросы морально-правового характера. Их постановка и, тем более, решение невозможны без уяснения природы, содержания и назначения права и морали. В статье предпринята попытка анализа основных теоретических аспектов этого соотношения.

В литературе по теории, социологии, философии права мораль и право относят к наиболее важным элементам нормативной системы общества: их основное назначение заключается в регулировании общественных отношений. Вместе с тем, право и мораль являются примерами форм оценочного мышления, которые позволяют лицам ориентироваться в социальных отношениях, выстраивать системы общественных координат и определять их приоритеты.

Социальные нормы образуют не только систему регулирования в обществе, но и систему социальной ориентации, где каждая личность занимает определенное положение и формирует к этой системе собственное отношение: приспосабливается, желает в чем-то ее реформировать или изменить полностью. [2.154] Социальные нормы - важная часть духовного мира, они являются конструкцией образа жизни общества. Специалисты различают правила нравственности и права по содержанию и по формам своего осуществления. Нравственные обязанности доводятся до человека в форме совета; правовые обязанности предписываются как веления, то есть требования, несоблюдение которых влечет меры государственного воздействия. Государственная власть, обладающая аппаратом принуждения, заботится о надлежащем выполнении юридических обязанностей своими гражданами, однако в область нравственных обязанностей не должна вмешиваться.

Однако возникали теоретические вопросы противопоставления права и морали.

Если признать, что право безразлично к требованиям морали, это неизбежно приведет к тезису о вседозволенности и произволу в правовой области; четкая реализация правовых норм фактически может оказаться несправедливостью: *summum jus, summa injuria*. Такие крайности разграничения права и морали философы права постарались сблизить. Право в реальной жизни не обособляется от морали: оно не отграничивается только лишь внешней стороной человеческих действий, а оценивает и внутренние стимулы поступков. Так, например, для установления договорных обязательств требовалось действительное согласие воли участников правоотношения, а не только (и не столько) их внешнее согласие. [1.138-139]

С другой стороны, мораль требует не только благих помыслов, но и конкретных добрых дел. По содержанию предписаний нормы права и морали совпадают лишь частично; их связь проявляется в том, что мораль является целью права и, как следствие этого, функцией его обязывания. При всем различии природы и содержания правовых и моральных предписаний, тем не менее, высказывается обоснованное положение, что только мораль может обосновывать правовые обязанности. Нормы права, как веления воли, можно вывести из категории «должного» в силу необходимости. Однако из правового долженствования нельзя вывести понятия морального долга. Исходя из этого ученые делали вывод о частичном присоединении права к области морали: нормы права становятся специфической нормой морали. [4.56] Такая «спецификация» правовой нормы в сфере морали имеет двойную ценность.

Правовые обязанности в социальной этике рассматриваются как моральное благо. Наряду с тем, как логические законы научной истины не принижают их самостоятельности и значения, а наоборот, возвышаются к

общепризнанным понятиям, так и независимость правовых категорий сохраняется при оценке их с позиции «культурных обязанностей», то есть с точки зрения морали.

Признание права частью морали возможно только потому, полагал известный немецкий философ права Г. Радбрух, что целью права (при всем многообразии его содержания) является мораль. Право служит морали не посредством возложения правовых обязанностей (правовыми санкциями нельзя принудить к моральному поведению), а с помощью прав: позитивное право гарантирует лицам субъективные права с тем, чтобы эти права обеспечивали индивидам выполнение моральных обязательств. При этом первичную форму права теоретики и философы права видят по-разному: Теоретики права выстраивают логическую цепочку таким образом: объективное право, юридическая обязанность, субъективное право. В философии права логика понятий другая: во имя морального долга – субъективное право; ради субъективного права – объективное право и юридическая обязанность. [4.58]

Однако в реальности право может выступать средством как обеспечения человеческого достоинства без учета собственных интересов, но может мотивироваться эгоистическими интересами, лишенными моральной ценности.

Таким образом право является возможностью как морали, так и аморальности.

Этика, как философская дисциплина, изучающая мораль в целом, включает в себя деонтологию (наука о должном) и аксиологию (наука о ценностях). В деонтологии изучаются предписания нравственности, обязанности, соотношения между должным и фактическим. Аксиология исследует понятия добра и зла, представления о справедливости, достоинстве личности, нравственные оценки поведения людей. [2.177,187] Моральные нормы строятся по принципам абсолютной деонтической логики, то есть предписания морали сводятся к обязыванию или запрету, адресованному отдельным лицам. Правовые нормы выстраиваются по принципам относительной деонтической логики, выражающей предоставительно-обязывающий характер права.

Мораль - важнейшее духовное средство сплочения общества или какой-либо ее части. Она, как и право, способствует созданию «замыренной» среды в социуме. Предписания морали адресуются человеку вообще; так называемая «общечеловеческая мораль» призывает людей к единению на основе признания достоинства каждой личности («человек есть мера всех вещей», «будь лицом и уважай других в качестве лица»).

Право и мораль обеспечивают социальный порядок, однако эта цель достигается ими различно. Правом регулируются действия и отношения, доказуемые в случае спора, исполнимость правовых отношений обеспечивается средствами юридического процесса. Предмет моральных оценок — это качества личности, выраженные в ее поведении. Связь людей в праве выражается через правовые отношения (связь сторон через субъективные права и юридические обязанности); моральные отношения характеризуются взаимопомощью, солидарностью, милосердием. Право современного общества содержится в основном в письменных источниках, подлежащих систематизации (инкорпорации, консолидации, кодификации). Мораль не имеет формальной определенности, не классифицирует факты и состояния, порождающие отношения людей, так как ситуации, в которых проявляются моральные качества личности сложно поддаются типизации — эти обстоятельства индивидуализированы и непредсказуемы. В правовых текстах возможны неточности, проблемы, противоречия, в связи с чем право часто порицается за несовершенство своей системы. Моральные оценки содержатся в общественном сознании и не подлежат критике за свое несовершенство. Право провозглашенное, но не реализованное государством (или им не соблюдаемое) вызывает недоверие к праву вообще и политическое отчуждение в обществе: государственная власть говорит одно, а делает — другое. Моральные призывы и сентенции, не соблюдаемые в жизненных ситуациях, порождают разочарование в лицах, которые их провозглашают, то есть к лицемерам, а не к нормам морали. Право ориентировано на регулирование общественных отношений, которые подлежат формальной определенности; цель права — охрана и воспроизводство (или пресечение) определенных общественных отношений, то есть создание и поддержание правопорядка. Цель морали заключается в формировании честной, порядочной, добродетельной личности.

В связи со сказанным, можно утверждать, что нормы права выражают государственную волю, направленную на стабильный правовой порядок; в моральных нормах выражаются представления о добре, положительных качествах личности и отношениях между людьми, характерных для данного времени и общества. Деяние, противоречащее праву, называется правонарушением; лица, нарушившие запреты норм права или не выполнившие свои обязанности (или ненадлежащим образом выполнившие) — правонарушители. Человек, нарушивший требования морали, именуется порочным человеком. Нормы права обязательны для всех членов общества и государственных органов; в морали в следствие субъективности оценок, то, что для одних является нормой поведения, для других оказывается только лишь одним из возможных вариантов поведения. [2.166,175-176] Право оценивает действия людей и обращается к мотивации поступков только в тех случаях, когда эти мотивы влияют на квалификацию этих действий либо их последствий.

Для моральных оценок мотивация поведения имеет принципиально важное значение: поступок (внешне нравственный) не будет соответствовать предписаниям морали, если его стимулами являются иные (аморальные) побуждения. Право определяет и регулирует внешний порядок, с правом связаны социальные ожидания стабильности этого порядка. Определенные ожидания, связанные с моральной оценкой людей, основываются на нравственном облике человека и его моральной репутации.

Одной из основных причин противопоставления права и морали является формальная определенность права: право своей регламентацией может уравнивать жизненные обстоятельства, различные с точки зрения морали, или, наоборот, может по-разному оценивать ситуации, одинаковые с моральных позиций (Не без основания еще древние утверждали: Чрезмерно точное следование праву порождает наивысшую несправедливость).

Как отмечалось, нормы морали исследуются абсолютной деонтической логикой, но для права этого изучения недостаточно: правовые нормы регулируют поведение людей не только с помощью обязывающих и запретительных норм, но и с помощью предоставительно-обязывающих норм, наделяющих участников правоотношения субъективными правами и обязанностями.

Изложенные теоретические подходы к содержанию права и морали содержат важные аспекты их соотношения.

Во-первых, социальное значение права по созданию и охране правового порядка усиливается во времена падения общественной нравственности, когда возрастает потребность расширения сфер правового воздействия.

Во-вторых, хорошо известно, что высокоморальные лица практически не совершают правонарушений. [3.232] Это проявляется в обыденном поведении людей и их отношениях между собой. Однако данный факт возможен только в случае непротиворечия права требованиям морали. Опыт законотворчества научил законодателей не навязывать обществу правовых норм, противоречащих массовому сознанию (общественной морали), которые порождали бы всеобщий протест или, в крайнем случае, не настаивать на их соблюдении. При развитии законодательства необходимо учитывать критерии справедливости норм права, однако моральное сознание общества, оценивающее текст закона, не может определить содержание лучшего закона — моральных критериев для этого недостаточно. [2.193-194] Каждый человек, исходя из собственного жизненного опыта, правосознания, интеллекта, может оценить закон, но редко кто способен стать хорошим законодателем.

Еще Ш.Л. Монтескье разъяснял, что не все политические пороки являются пороками нравственными и наоборот: не все пороки нравственные являются пороками политическими. «Это всегда должны иметь в виду те, кто издает законы, противные общему духу». [3.415] Вообще же, законодатель должен следовать «духу народа», быть архитектором, который прежде чем построить здание, учитывает множество необходимых для строительства факторов, а в данном случае, оценивать моральное сознание членов общества.

В различных аспектах человеческого общежития выделяются личная область (мысли индивидов, их интересы, решения, мотивы поведения, принципы и жизненные установки и др.) и институциональная сфера (форма экономических отношений, право, государство, социальные институты и др.). В первом случае справедливость получает личный характер, во втором — характер институциональный. С помощью «личной справедливости» оцениваются отдельные действия (воздержание от них) людей. Если человек следует принципам справедливости систематически (и не из страха наказания), руководствуясь собственными убеждениями, то в этом случае оцениваются не только его конкретные поступки, но и человек в целом. «Личная справедливость» образует основу личности и в этом случае она — нравственная добродетель. Аналогично можно оценить единичное действие какой-либо социальной инстанции. В случае если действия власти носят положительно стабильный характер, можно утверждать справедливый правовой порядок в социуме.[5.32]

Понятийное различие личной и институциональной справедливости проявляется в следующем. Когда какое-либо отдельно взятое должностное лицо позволяет себе превышение своих полномочий, в этом случае оценивается конкретный поступок лица с точки зрения личной справедливости.

Если речь идет о методическом нарушении законности со стороны какого-либо органа государства (например, если взятка — характерное явление для данного сообщества), то оценке подлежит не только конкретное должностное лицо государственного органа, но и весь государственно-правовой порядок, попустительствующий несправедливости и даже являющийся ее источником. На этом основании различается понятие законности в узком (конкретное должностное лицо или государственный орган) и в широком смысле (социально-правовой порядок).

Соотношение личной и институциональной справедливости может проявляться по-разному; политические условия могут способствовать или препятствовать развитию личной справедливости.

Многообразные отношения между правом и моралью характеризуются сложностью и напряженностью. Изначально право чуждо, а возможно и противоположно природе морали, как средство по отношению к своей

цели. Однако рассматривая соотношения права и морали в понятийном и познавательном ряду, как культурные ценности, очевидно, что право является средством реализации моральных ценностей. Право относится к области морали, но должно сохранить при этом свою собственную природу и содержание.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
2. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
3. Монтескье Ш.Л. О духе законов. В кн.: Монтескье Ш.Л. Избр. произв. М., 1955.
4. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
5. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М., 1994.

СТАНОВЛЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Лукьянчикова Л.В.

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Политические партии как вид общественных объединений являются одним из самых многофункциональных институтов непосредственного народовластия. Особенный интерес представляет проблема оформления однопартийной системы в условиях политической трансформации России, вызванной крушением монархического строя и установлением советской власти.

В первую очередь укажем, что советская власть как антитеза буржуазному парламентаризму, не исключая наличия в стране различных общественных объединений граждан. Однако в целях упрочения своего лидерства на начальном этапе, большевики избирательно относились к каждому из своих политических оппонентов, от открытого противодействия до сотрудничества. Так кадеты, основные политические конкуренты большевиков, были объявлены «партией врагов народа» уже 28 ноября 1917 г., однако при слабой устойчивости большевистской власти, до конца мая 1918 г. вели легальную деятельность – функционировали районные и городские комитеты, работали комиссии при ЦК, продолжало работу издательство «Народная свобода», продолжался выпуск «Вестника партии народной свободы», преследования лидеров партии носили, в целом, единичный характер. Аресту подлежали все, кто угрожал завоеваниям революции, в том числе и представители партии эсеров и меньшевиков, изблеченных в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с «явными контрреволюционерами».[5, 52; 6, 431]

С другой стороны, считая соглашение социалистических партий желательным, партиям мелкобуржуазной демократии предоставлялась возможность «на деле в открытой работе доказать свою готовность поддерживать пролетариат и крестьянство в борьбе с внутренней и внешней буржуазной контрреволюцией».[8,437] Так, различные партийные небольшевистские организации сохранили значительный авторитет среди населения и имели своих представителей в Советах, в высших государственных учреждениях. Например, в состав ВЦИК первых четырех созывов входили левые и правые эсеры, социал-демократы-интернационалисты, меньшевики-объединенцы, эсеры-максималисты; левые эсеры входили в состав СНК, ВЧК.[5, 200;7,36;11,12;13,385; 16,27-46]

Отдельные труды советского периода, в которых руководящее положение большевиков признавалось сложившимся исторически [9,58], вызывают критику в ряде работ постсоветского периода за излишнюю идеализацию советской власти, идеологическую зашоренность и т.п. Однако выводы советских ученых не были беспочвенны, так как большая часть оппозиции, в лице членов общественных организаций и политических группировок, в противовес большевикам образовывала разного рода блоки и союзы с целью открытого военного противодействия советской власти с опорой на помощь из-за рубежа. Например, известна прогерманская ориентация кадетских комитетов в Казани, Самаре, Омске, Киеве. Также укажем, что в декабре 1917 г. Франция, без согласований с советским правительством открыла в Кишиневе свое консульство, во главе с П. Сарре, который установил связь с молдавскими националистами, монархистами и проч., и, имевшимися в его распоряжении средствами направлял их деятельность против советской власти. Данную работу консульства поддерживал штаб Румынского фронта, в котором фактическими руководителями были: американский посол в Румынии Ч. Випичка, французский посол Д. Сент-Олер и английский – Д. Барклай. Сюда же отнесем

выступление против советской власти, подготовленного разведками Держав Согласия, Чехословацкого корпуса в мае-июне 1918 г. вместе с антибольшевистской коалицией, куда входили, в том числе, представители партий социалистической направленности - народных социалистов, эсеров, меньшевиков и т.п.[15, 170; 4,46;10, 524]

Показательным, в этой связи представляется Нота Верховного Совета союзников, адресованная А.В. Колчаку в 1919 г. В акте содержалась «ясность той политики», которую «союзные и объединившиеся державы... имеют преследовать в отношении России» в случае победы коалиционных сил над большевистским правительством. В числе задач, помимо восстановления в России мира путем предоставления русскому народу возможности взять на себя управление своими собственными делами через посредство свободно избранного учредительного собрания и реальных демократических свобод, значились также задачи разрешения территориальных вопросов. Примечательно, что проблемы самоопределения территорий бывшей Российской империи, ограничения степени ее обороноспособности, союзники предлагали осуществлять «с совета и при сотрудничестве Лиги Наций», как известно, находившейся под сильным влиянием США. [2,239-241] Очевидным является то, что свержение советской власти в России повлекло бы, в первую очередь, потерю ее государственной независимости.

Решения советского руководства относительно политической оппозиции, принимались с учетом имеющихся обстоятельств, а также прогноза дальнейших перспектив сосуществования. Помимо участия в открытом военном противодействии, последовал ряд запретов в отношении партий, «окончательно доказавших свое контрреволюционное направление», использующих затруднения и сотрудничавших с белогвардейцами. [8,438-439]

В отдельных случаях, оппозиционеры сами устранили разногласия по принципиальным вопросам в пользу большевиков, разумно полагая, что сотрудничество в одной партии даст возможность всем членам работать на равных в органах власти. Так, на последнем съезде (декабрь 1919 г.) члены Российской социалистической рабочей партии интернационалистов приняли решение о слиянии с РКП (б).[14, 66-67] При этом, в ряде исследований имеются убедительные доказательства, что политическая оппозиция просуществовала в стране до 1925 г.[1, 30]

Следует отметить, что политические отдельные деятели продолжили свою борьбу в эмиграции, нередко занимая антироссийские позиции. Так, изгнанные за пределы нашей страны лидеры мелкобуржуазных контрреволюционных партий (например, Ф.И. Дан, Ю.О. Мартов) приняли самое активное участие в организации белогвардейской эмиграции, превратившись в агентуру русской и иностранной буржуазии. Здесь укажем движение молодых эмигрантов «Молодая Россия», ставшее крупнейшей политической партией Русского Зарубежья, целью которой значилось реставрация монархии в России. [3,189; 11,20]

Становление однопартийной советской системы, таким образом, явилось постепенным процессом, что было вызвано и ростом общественной популярности РКП (б) как партии, выступающей за национальные интересы. Бывший член Временного правительства В. Львов писал, что «захват власти большевиками был закономерен, так как советская власть как магнит, притягивает к себе все отдельные народности России, спаивая их в единое русское государство. И то, чего императоры не могли сделать полицейскими мерами», отмечал автор, «делается естественно во имя человеческой солидарности и защиты угнетенных классов. Пока советская власть отстаивала права русского народа, реакция науськивала на Россию иноземные правительства».[12,11]

«Большевизация» государственного управления, таким образом, явилась чрезвычайной и, вместе с тем, естественной реакцией в экстремальных условиях гражданской войны с участием иностранной интервенции, что, в результате, способствовало сохранению государственной целостности и изменению политической роли РКП(б), которая к тому же, в силу своей организации и четкой программы вывода страны из затяжного кризиса, получила вотум народного доверия.

В заключение укажем, что любые проявления кризиса государственной системы, непопулярные меры внутренней политики, неизбежно провоцируют конфликты и протестные настроения общественности. Этим активно пользуются не только конкурирующие партии и альянсы, но и спецслужбы отдельных иностранных государств, что ставит под угрозу государственную независимость. Как неизбежное следствие многолетнего сбоя функционирования власти, отягощенного внешней угрозой, становление однопартийной системы в первые годы советской власти явилось все же мобиливающим фактором политической стабильности социума и послужило сохранению национального суверенитета России.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в РФ: конституционно-правовые основы. М., 1996.
2. Антология мировой политической мысли. Т. V. Политические документы. М., 1997.

3. Бобков Ф.Д. Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки. М., 2006.
4. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925 гг.) М., 1975.
5. Декреты Советской власти. Т. I. (25 октября 1917 – 16 марта 1918 гг.). М., 1957.
6. То же. Т. II. (17 марта -10 июля 1918 гг.). М., 1959.
7. То же. Т. III. (11 июля – 9 ноября 1918 гг.). М., 1964.
8. То же. Т. IV. (10 ноября 1918 – 31 марта 1919 гг.). М., 1968 г.
9. Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты октябрь 1917 г. – январь 1918 г. М.-Л., 1966.
10. История России. XX век: 1894-1939. М., 2009.
11. Клеандрова В.М. Организация и формы деятельности ВЦИК (1917-1924 гг.). М., 1968.
12. Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность. Берлин, 1922.
13. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.
14. Политические партии: история, теория, практика. Сб. трудов. Вып. I. М., 1993.
15. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х томах. Т.3. Кн.2. 1918-1920 гг. М., 2000.
16. Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы Советской власти 1917-1920 гг. М., 1957.

СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЙ «ФЕДЕРАЛИЗМ» И «ФЕДЕРАЦИЯ»

Башерев Д.С.

Юридический институт СКФУ г.Ставрополь

На протяжении многих десятилетий остаются актуальными проблемы административно-территориального устройства государств как в теоретическом, так и практическом плане. На сегодняшний день насчитывается огромное количество терминологических проблем в определении таких явлений, как «федерация» и «федерализм»; учёные не приходят к единому мнению о классификации моделей федерализма и видов федераций. Помимо этого недостаточно внимания уделяется исследователями следующим основным вопросам: во-первых, по какой же причине государство отдаёт предпочтение той или иной форме административно-территориального устройства и, во-вторых, почему государства с федеративным устройством настолько разнообразны и не похожи, что ученые не могут прийти к общему мнению по поводу их классификации – в общей сложности выделяют до 60 видов федеративных государств (в научных работах их иногда называют «моделями федерализма»).

Целью настоящей научной статьи является определение сущности таких явлений, как «федерация» и «федерализм».

Для достижения поставленной цели следует рассмотреть следующие аспекты данной проблемы: во-первых, историю становления федерализма; во-вторых, различные подходы к определению этих двух явлений; в-третьих, причины многообразия форм федеративного устройства.

Ещё в античности возникла идея объединения народов и государств. Так, Платон повествует в диалоге «Критий» о легендарном острове Атлантида. На нём был образован союз десяти независимых частей, который сочетал в себе признаки федерации (им запрещалось нарушить единство союза).

В Древнем Риме существовали федеративные общины (*foederatae civitates*). Свобода в них обеспечивалась договором (*foedus*), они могли пользоваться некоторой самостоятельностью, но в то же время находились под властью Рима. Цицерон, говорил о необходимости союза человечества. Этот союз воспринимался как юридический принцип, который вытекал из единого естественного права. А. Яценко отмечал, что античный мир «в теории и на практике пришёл к единой юридической организации человечества в виде построенной на монархическом принципе всемирной империи».

В Средние века идея «единства мира» набирает новую силу на основе христианского понимания божественной воли как направления мира к единой цели.

Немаловажными являются процессы, которые происходили на рубеже XV—XVI веков в Западной Европе: начало формирования капиталистических отношений, а в политическом плане процесс оформления национальных государств, чему способствовали бесконечные войны и конфликты из-за государственных границ.

Итальянский философ Н. Макиавелли на фоне этих процессов разработал учение, которое касалось государственного устройства, роли государя, методов его управления страной. Объединение государства с целью

создания более сильного союза, которое будет способно противостоять агрессии – вот основная идея итальянского мыслителя. Н. Макиавелли считал, что добиваться этого путем завоевания наименее приемлемо. Рациональным вариантом он считал присоединение добровольным путём при сохранении государством верховенства. Конечно же, главным достоинством такого союза Н. Макиавелли видел в возможности избежания войн и насилия. Ещё одними из важных идей для современного понимания федерализма представляют размышления Макиавелли о характере объединяющихся государств. Он считал, что структурные элементы таких объединений должны быть схожими по своей характеристике и не должны находиться слишком далеко друг от друга.

«Политику» И. Альтузиуса считают первой современной теорией федерализма, потому что именно он один из первых исследователей, кто обозначил проблему сохранения отдельных культурно-религиозных и социально-экономических сообществ (как сегментов общего образования) в пределах целостного государства.

По мнению английского мыслителя Дж. Локка, федерализм – это сообщество людей, подданных государству, противопоставленных его остальной части человечества. Отсюда следует, что ущерб, нанесенный одному из членов сообщества, приравнивается к ущербу, причинённому всему народу и государству в целом.

Неоценимый вклад в развитии идей современного федерализма сыграл французский философ, правовед Ш. Монтескье. Он исходил из парадокса: настоящая демократия может быть реализована лишь в небольшом по размерам государстве, но такое образование, как правило, легко может стать добычей врага. С другой же стороны, огромная Империя неуязвима для неприятеля, но реализация демократии внутри такой огромной структуры невозможна.

Ш. Монтескье считал, что следует синтезировать две формы власти: использовать преимущества обеих. С одной стороны, большое и сильное государство должно состоять из ряда локальных демократических республик, с другой стороны, они должны быть во многом автономны, но обязаны делегировать центру права в особо значимых областях (внешняя политика, коллективная оборона, денежное обращение).

Ш. Монтескье в первых трёх главах IX книги «О духе законов» рассуждает о положительных и отрицательных сторонах федеративных отношений. Федерация по его размышлениям договор, основанный на доброй воле государств, заключающих его с целью создания более сильного государства, сознательно идя на утрату международно-правового статуса и права самостоятельного заключения международных договоров.

Перед «отцами-основателями» США встали вопросы, касающиеся прежде всего самой сущности федеративных отношений, полномочий федеративных государственных органов и органов штатов. Впоследствии чего был создан знаменитый «Федералист», который представляет собой серию статей Д. Мэдисона, А. Гамильтона, Д. Джея.

В некоторых исследованиях, понятие федерализма применяется к ООН, другим международным объединениям.

Для того, чтобы подобных ситуаций не возникало, следует различать (но это не значит, противопоставлять) эти два явления друг от друга. Хотелось бы отметить, что не все ученые это поддерживают.

Почти все исследователи, признающие самостоятельность такого явления, как федерализм, считают то, что оно шире понятия «федерация». Оно предполагает собой такую систему, в которой помимо знаний об имеющихся федерациях, включены и другие структурные части этой системы.

Рассматривая эту систему, следует упомянуть о понятии «федерализация», который в самом широком смысле предполагает процесс образования, становления, развития и функционирования отдельных федераций (и не только, так как некоторые признаки «федерализации» характерны в той или иной степени для других объединений, что было упомянуто ранее).

Таким образом, «федерализм» и «федерация» — различные явления, причём первое намного шире. Когда мы говорим о федерализме, нам должны представляться динамика, развитие, определённые взаимоотношения в процессе становления, также мы должны учитывать геополитические свойства и культурные особенности различных государств в этих процессах. Что касается понятия «федерация», то оно характеризуется институциональной организованностью, особенностями территориального деления, особым распределением властных полномочий между субъектами и федеральным центром. Такая сущностная характеристика даёт понять, что не все государства, которым свойственна федеративная форма государственного устройства, применяют единые принципы построения федерации. Кроме этого, далеко не каждое государство способно стать федерацией, и такая форма государственного устройства одним народом может восприниматься как благо, ценность, а другим — как произвол. Изучая геополитические и культурные особенности, можно делать выводы: во-первых, по поводу того, какой объем полномочий и свободы способны реализовать те или иные субъекты при осуществлении своей компетенции; во-вторых, как более эффективно организовать становление государства в

процессе федерализации; в-третьих, как, исходя из культурных, этнических, экономических предпосылок более рационально выделить количество субъектов и разделить территорию.

В теоретическом плане рассмотрение этих двух явлений с указанных мною позиций с одной стороны, уменьшает путаницу, которая сложилась на сегодняшний день в интерпретации этих явлений, способствует раскрытию сущностной характеристики этих двух феноменов; с другой стороны, даёт возможность каждому из них иметь свои предмет и цели исследования, что поможет лучше понять явление, которое остается одним из самых популярных и перспективных.

Список литературы

1. Гамильтон А., Дж. Мэдисон и Дж. Джей. Федералист. Политические эссе / пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. Н. Н. Яковлева. М., 1993.
2. Гоптарева И. Б. Политико-правовые истоки учения о федерализме // Право и политика. 2001. № 9. С. 133.
3. Елазар Д. Сравнительный федерализм // Политические исследования. 1995. № 5. С. 5.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 347—348.
5. Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1996. С. 234-237.
6. Монтескье Ш. Избр. произведения. М., 1955. С. 215.
7. Платон. Критий // Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 502-508.
8. Ященко А. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908. С. 25.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.02)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Дерхо Д.С.

Судья Челябинского областного суда, соискатель степени кандидата юридических наук

В общей теории права вопрос о структуре правотворчества достаточно детально разработан, широко освещен в учебной литературе [см., например, 1, стр. 416-417; 9, стр. 544-551; 12, стр. 169-183] и выступал предметом многих специально-правовых исследований [см., например, 2, стр. 109-114; 8, стр. 384-386; 11, стр. 106-119; 14, стр. 18-23]. При этом практически все авторы сходятся во мнении о том, что правотворческая деятельность – это длящийся, структурированный процесс, состоящий из последовательных этапов (стадий) и имеющий своей целью совершенствование существующей нормативной базы для приведения ее в соответствие с меняющимися реалиями общественной жизни.

Поскольку правотворчество есть процесс познания (в идеальном представлении – научного познания [6, стр. 86]) и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур [6, стр. 13], постольку структура правотворчества чаще всего рассматривается в научной литературе в форме двух этапов (двух категорий действий [3, стр. 331]) – предварительного (иногда именуемого так же начальным [6, стр. 23] или предпроектным [см., например, 4, стр.13; 15, стр. 21]) и основного (проектного [5, стр. 137]), которые в свою очередь подразделяются на стадии. При этом стадии могут быть простыми и сложными (состоящими из двух или более подстадий), обязательными и факультативными.

Известно, что рождение нового закона обычно связано с назревшими потребностями развития общества, вызывается требованиями жизни, необходимостью законодательного урегулирования тех или иных возникших в обществе вопросов [10, стр. 21]. По этой причине, в рамках предварительного этапа правотворчества устанавливается объективная потребность в создании нормативного акта или изменении действующего законодательства путем глубокого изучения объективных факторов, которые определяют необходимость нового правового регулирования [15, стр. 15], после чего принимается решение о подготовке проекта, составляется его первоначальный текст, который подвергается доработке, предварительному обсуждению и оформляется в качестве предмета законодательной инициативы.

В рамках основного этапа осуществляется деятельность, которую принято именовать «непосредственным правотворчеством», - это официальная фаза прохождения проекта через компетентный правотворческий орган. В зависимости от вида нормативного акта, планируемого к принятию и, соответственно, от конкретных аспектов законодательно закреплённой правотворческой процедуры, количество, последовательность и содержание стадий, составляющих второй этап правотворчества, могут различаться. Вместе с тем, в большинстве случаев речь идет о таких стадиях, как официальное внесение проекта в компетентный орган уполномоченным на то субъектом правотворческой инициативы, включение вопроса о его рассмотрении в повестку дня заседания, обсуждение проекта, последующее его принятие, опубликование и введение в действие.

Анализ процесса конституционного правотворчества в России на современном этапе его развития позволяет сделать вывод о том, что структура этого правового явления во многом повторяет приведенную выше конструкцию и также может быть условно разделена на два этапа (предварительный и основной), каждый из которых состоит из нескольких обязательных и факультативных элементов (стадий), которые последовательно сменяют друг друга.

Вместе с тем, особенности конституционно-правового уровня нормативного регулирования общественных отношений определяют существенную специфику процесса конституционного правотворчества и оказывают заметное влияние на его структуру. Такая специфика видится, в частности, в следующем.

Учитывая, что результат – это то, что получено в завершение какой-либо деятельности, работы [7, стр. 674] (то есть процесса), необходимо признать, что заранее заданный результат неизбежно определяет суть деятельности по его достижению и непосредственно влияет на структуру соответствующего процесса. Таким образом, особенности структуры конституционного правотворчества во многом обусловлены тем, что результатом этого процесса является принятие (изменение, отмена) норм Основного закона страны.

Во-первых, данное обстоятельство уже само по себе обеспечивает уникальность конституционно-правотворческого процесса, поскольку только посредством этой деятельности (с легальной точки зрения) может быть создана конституционная правовая норма.

Во-вторых, нормы Конституции РФ направлены на упорядочивание основных, базовых общественных отношений, на установление исходной парадигмы их развития, то есть имеют учредительный характер. С учетом структуры России, как федеративного государства, это означает, что любая правка Конституции РФ должна происходить с участием обоих уровней государственной власти (как федерального, так и регионального), а полный пересмотр Основного закона или пересмотр его отдельных ключевых положений возможны лишь путем инициирования особых учредительных процедур.

В-третьих, в силу своего предназначения Конституция РФ призвана служить нормативным фундаментом российского общества и государства, поэтому ей свойственна (целенаправленно придана) существенная степень конструктивной жесткости, устойчивости. Конституция должна быть в меру консервативна с тем, чтобы противостоять возможности произвольного вмешательства в ее содержание по причине сиюминутного изменения политической конъюнктуры.

Такая задача решается путем установления особого (усложненного) механизма изменения конституционных положений, суть которого состоит в ограничении круга лиц, наделенных правом на внесение предложений о поправках и пересмотре положений Конституции РФ, а также в закреплении таких процедур изменения (пересмотра) Основного закона страны, реализация которых становится возможной лишь при определенном (весьма высоком, переходящем в консенсус) уровне общественно-политического согласия.

Кроме того, специфика процесса конституционного правотворчества состоит также и в том, что он урегулирован специальными нормами права, отличными от предписаний, которые определяют порядок принятия всех других видов нормативных правовых актов. В частности, его основу составляют нормы главы 9 Конституции РФ, Федеральный закон от 04 марта 1998 года № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации», а также специальные положения регламентов обеих палат российского парламента (Государственной Думы РФ и Совета Федерации).

Совокупность указанных выше обстоятельств, напрямую сказывается на структуре конституционного правотворчества, усложняет ее, определяет особый субъектный состав и порядок реализации, как на предварительном, так и на основном этапах, что свидетельствует о необходимости осуществления комплексных научных исследований этой категории конституционного права в целях обеспечения ее теоретической целостности и практической эффективности.

Список литературы

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. – М.:Юриспруденция. – 2000;

2. Деев С.В. Механизм правотворческого процесса: основные стадии и динамика развития // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 58;
3. Дюрюгин И.Я. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. – М.: Юрид.лит., 1987;
4. Лебедев В.А., Ройзман Н.В. Законодательная инициатива – стадия законодательного процесса в Российской Федерации: монография. – Челябинск: изд-во ИИУМЦ «Образование», 2010;
5. Лебедев В.А. Теория государства и права: учебное пособие / В.А. Лебедев, Е.А. Киреева, В.М. Шадрин. – Челяб.гос.ун-т. Челябинск: Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2007;
6. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц. – М.: Прогресс, 1974.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник. – 1999.
8. Сапун В.А. Механизм правообразования и правотворчества: проблемы соотношения и демократизации // Юридическая техника. – 2014. – № 8;
9. Теория государства и права / учебник под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – М.: Юрайт. – 2010;
10. Седугин, П.И. Рождение закона / П.И. Седугин. – М.: Профиздат, 1991;
11. Сырых В.М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 2;
12. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. – М.: ЗАО «Юридический дом «Юстицинформ». – 2002.;
13. Тихомиров, Ю.А. Общая теория государства и права. Академический курс / отв. ред. М.Н. Марченко. В 3-х т. Т. 2. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002;
14. Трофимов В.В. Структура правообразовательного процесса (опыт теоретического анализа) // Юрист-Правовед. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России. – 2010. – № 2;
15. Халфина, О.Р. Научные основы советского правотворчества. Монография / отв. ред. Р.О. Халфина. – М.: Наука, 1981.

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК: СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНОВ

Голубева Л.А.

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г.Гатчина

В современных государствах, с учетом происходящих в мире политических, экономических, социальных изменений одну из ведущих позиций в рамках теоретических исследований занимает вопрос изучения законности и правопорядка. В связи с направленностью движения мировой государственности в сторону правового государства все большее значение приобретает не просто установление законности как банальное соблюдение и исполнение законов в государстве, но и как обеспечение правовой значимости данных законов.

В демократическом государстве не только провозглашается первичность, верховенство, прямое действие конституции и конституционного права в целом, но и реально обеспечивается их действие специальной системой мер обеспечения и защиты. Система обеспечения действия конституции включает гарантии наиболее полной реализации конституционных положений, усиливающих действие положительных факторов, повышающих эффективность реализации конституции, меры и средства профилактики конституционных правонарушений, направленные на устранение причин такого рода правонарушений, на ослабление действия негативных факторов, влияющих на действие норм конституции.

Для обеспечения конституционной законности как центрального момента государственного управления в правовом и демократическом государстве важное значение приобретает, естественно, роль самой конституции как основного закона государства. В этой связи значительное внимание привлекает деятельность органов государственной власти как первоответственных за обеспечение и поддержку юридической силы конституции и обеспечении целостности правовой системы государства. Правосудию принадлежит решающее слово при признании лица виновным в совершении преступления и назначении ему наказания либо иной определенной законом меры воздействия, а также при определении юридических последствий правонарушения.

Наличие законодательства и существование законности не являются тождественными фактами в правовой действительности современного государства: нередко существующие законы являются неправовыми, признаются противоречащими действующим конституциям либо прямо нарушают права и свободы человека и гражданина

(например, в тоталитарных государствах). В этом случае количество нормативно-правовых актов, обладающих силой закона, увеличение объема конституционного регулирования не обеспечивает, в свою очередь, повышение уровня законности, а может привести к обратному результату в случае возникновения путаницы и противоречивости внутри самой системы законодательства государства.

Именно для обеспечения центральной роли, объединяющей всю систему законов и иных нормативно-правовых актов государства, и существуют конституции как главенствующие законы внутри правовой системы конкретного государства.

В разработке учения о законности отечественными юристами можно выделить несколько этапов. На первом этапе законность понималась в сугубо позитивистском ключе как неуклонного соблюдения закона. На этом этапе выделились две основные трактовки законности. Согласно одной из них («широкой»), законность состоит в требовании неукоснительного соблюдения законодательных предписаний всеми субъектами права. Сторонники второй («узкой») трактовки, соглашаясь с тем, что требование правомерного поведения адресатов является важной составляющей режима законности, полагали, что данное требование относится прежде всего к деятельности государственных органов и должностных лиц. Другим камнем преткновения была предметная сфера законности, т.е. объем рассматриваемых нормативных актов: только законы или и подзаконные акты, т.е. совершались попытки определить содержание понятия «законодательство».

На втором этапе развития доктрина законности усложняется и приобретает новые черты. Исходя из общего положения о нетождественности закона и права, ряд исследователей разработали представление о правовой законности (правозаконности), под которой понимается «точное и неуклонное соблюдение и исполнение требований правового закона всеми субъектами права», отношения между которыми регулируются на основе принципа формального равенства [2, с. 247]. Здесь, таким образом, снимаются противоречия, присущие более ранним точкам зрения, и устраняются различия между «узкими» и «широкими» интерпретациями термина «законность». Одновременно с этим сама данная категория приобретает содержательное наполнение. Наконец, что самое существенное, устанавливается связь между законностью и правопорядком как результатом реализации законодательных предписаний.

Третий этап обогатил доктрину законности новыми идеями и представлениями. В первую очередь, по мысли Л.С. Спиридонова, «законность есть правовой режим общественной жизни, заключающийся в неуклонном соблюдении юридических норм всеми ее правоспособными участниками» [6, с. 187]. Близких позиций придерживается в данном вопросе и С.С. Алексеев, по мнению которого, законность может быть рассмотрена в трех взаимосвязанных ипостасях: как аспект права, выражающий его общеобязательность; как идея, формирующаяся в правосознании общества и его членов; и, наконец, как особый режим общественно-политической жизни. Таким образом, «содержание законности, ее субстанция как раз и складывается из того, что именуется требованиями законности. Однако в этих требованиях нужно видеть ... политико-юридические реальности, воплощающие соответствующие идеи и принципы ... Объективируются требования законности в праве, в свойственных ему механизмах, в правовой системе, а также во всех иных общественно-политических институтах, в их организации и деятельности» [1, с. 197-198]. Критику подобных определений законности осуществляет А.В. Поляков, указывая, что законность, понимаемая таким образом, «неизбежно носит формальный характер, в том смысле, что она представляет собой требование соблюдения всех законов, не нарушающих положений законов» [3, с. 624].

Впрочем, по мнению современных теоретиков права, концепция законности, развиваемая А.В. Поляковым, «будучи ориентирована в основе своей на ситуацию, имеющую место лишь в тех правовых системах, которые относятся к романо-германской семье, где закон обладает высшей юридической силой, рассматриваемая концепция совершенно не учитывает альтернативных моделей законности, характерных, скажем, для правовых систем, относящихся к семейству «общего права» [5, с. 11].

Таким образом, дискуссионность содержания термина «законность», и, как следствие, «конституционная законность», обеспечивается не только плюрализмом мнений в политико-правовой науке, но и различиями конкретных правовых систем. При этом законность видоизменяется с течением времени, представляя собой объективную характеристику общества, которое невозможно застать в статике.

Под правовым законом при этом имеется в виду объективное право (и, следовательно, предусмотренный им абстрактно-должный идеальный правопорядок), соответствующее принципу формального равенства. Очевидно, что реальный правопорядок может быть результатом соблюдения требований лишь правового закона и соответствующей правовой законности. Само же по себе соблюдение правонарушающего закона, сколь бы всеобщим и точным оно ни было, не может превратить неправо в правовой и преобразовать неправо в реальный правовой порядок [1, с. 159-164].

При рассмотрении системы права с точки зрения синергетики становится явным, что закон занимает особое место внутри системы нормативных актов государства, обладая определенной совокупностью особых правовых качеств, которые не свойственны другим формам права. Таким образом, преобладание закона в системе нормативно правовых актов и обеспечивает необходимость рассмотрения вопроса конституционной законности, т.к. именно конституция наделена высшей юридической силой (в данном случае приоритет исследования уделяется романо-германской правовой семье, т.к. российская правовая система все же явно тяготеет к принципам именно этой семьи).

Правопорядок является реальным итогом, результатом действия законности как конституционного принципа и режима жизни общества. Он включает в себя сложившуюся систему правовых отношений общества и правомерное поведение, в том числе акты правомерного поведения в рамках общей правовой структуры, установленной нормами о правосубъектности (в рамках общего правового положения субъектов).

В переходный период, в силу его динамичности и относительной быстротечности, особенно ярко проявляется как реальный, так и формальный характер конституции и других конституционных актов; обнаруживается совпадение или, наоборот, несовпадение формальной, писаной конституции с реальной, жизненной «конституцией» – самой жизнью со всеми ее сложностями и противоречиями; выявляется адекватность или же неадекватность отражения в конституции реальных экономических и социально-политических процессов, происходящих в обществе, а следовательно, ее жизненность или же искусственность [4, с. 132].

Таким образом, конституционная законность представляет собой объем принципов устройства государства и общества, обеспечивающих соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении государственного управления. Конституционный правовой порядок, следовательно, выступает качественным измерением конституционной законности, характеризуя фактическое, реальное воплощение конституционно-закрепленных принципов в жизни общества – прежде всего при формировании иных правовых актов государства по причине системообразующей роли конституции как центра правовой системы современного государства. Обеспечение конституционного правового порядка (и, таким образом, приближение его к идеалу законности) в большинстве современных государств возложено на уполномоченные на то органы государственной власти, осуществляющие конституционную юстицию (в зависимости от реализуемой модели конституционной юстиции в конкретном государстве – например, суды общей юрисдикции при американской модели, специализированные органы при европейской модели).

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2008. 576 с.
2. Нерсесянц В.С. Общая теория государства и права. М.: Манускрипт, 1996. 552 с.
3. Поляков А.В. Общая теория права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 845 с.
4. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие. М.: ПРОСПЕКТ, 1999. 504 с.
5. Режим законности в современном российском обществе. / Науч. Ред. И.Л. Честнов. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004. 150 с.
6. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: Учебник. М.:ПБОЮЛ М.А. Захаров, 2001. 304 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Кудинов В.В.

Курганский государственный университет, г.Курган

Аннотация к статье: в статье рассматриваются особенности конституционно-правового регулирования деятельности органов местного самоуправления в обеспечении пограничной безопасности России, проанализированы основные нормативные правовые акты Российской Федерации, закрепляющие полномочия органов местного самоуправления по участию в охране государственной границы.

Ключевые слова: безопасность, пограничная безопасность, государственная граница, государство, защита государственной границы, охрана государственной границы, органы местного самоуправления.

Многие особенности современной военно-политической обстановки обусловлены развивающимся процессом глобализации, которая привела к созданию новой системы международных отношений и значительной

трансформации базовых принципов безопасности. Осмысление произошедших перемен, места и роли России в современном мире в контексте обеспечения национальной и международной безопасности — важнейшая задача, стоящая сегодня[5].

Об этом свидетельствуют масштабы вооруженного насилия и терроризма вблизи государственной границы и в приграничных регионах нашей страны, растущая криминализация хозяйственной, промышленной и иных видов деятельности, дестабилизация жизнедеятельности населения приграничных регионов под воздействием неконтролируемых миграционных процессов, контрабанды, религиозного фанатизма, регионального сепаратизма и других факторов, наносящих ущерб жизненно важным интересам Российской Федерации. В этих условиях первоочередной задачей деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является поиск наиболее эффективных путей надежной защиты национальных интересов и мер по нейтрализации основных угроз безопасности России.

Стабильность любого государства тесно связана с безопасностью его границ и в значительной мере обуславливается состоянием пограничной безопасности. Поэтому проблемы обеспечения пограничной безопасности занимают особое место в системе безопасности Российской Федерации. Именно в приграничном пространстве сопредельных государств формируется значительная часть угроз и вызовов безопасности России и нашим согражданам.

К числу основных угроз интересам и безопасности Российской Федерации в пограничной сфере можно отнести: наличие и возможную эскалацию вооруженных конфликтов[1] вблизи ее государственной границы; незавершенность международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с отдельными сопредельными государствами; деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий; активизацию трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей; организации каналов незаконной миграции.

Потребность в пограничной безопасности обусловлена и объективными обстоятельствами. Прежде всего, она является закономерным следствием образования государств и процессов территориального разграничения между ними, установления и сохранения границ, а также государственного суверенитета в пределах своей территории, возможного возникновения односторонних или взаимных территориальных претензий, попыток пересмотра существующих границ, обострения пограничных споров и перевода их в стадию открытого конфликта, чреватого эскалацией вооруженного насилия. Кроме того, неотъемлемой функцией государства во все времена была и остается защита своих жизненно важных интересов и противодействие угрозам национальной (государственной) безопасности на границе и приграничной территории[6].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее Стратегия) определяет, что национальные интересы России в пограничной сфере заключаются в создании политических, правовых, организационных и других условий для обеспечения надежной защиты[2] и охраны[2] государственной границы Российской Федерации.

Обеспечение пограничной безопасности России предполагает: создание и совершенствование нормативно-правовой базы, определяющей полномочия и регламентирующей деятельность государства, общества и личности в пограничном пространстве, а также устанавливающей ответственность за нанесение ущерба национальным интересам России; приоритетное развитие системы обеспечения пограничной безопасности России на основе разработки и реализации государственных целевых комплексных программ; прогнозирование развития обстановки, выработку и реализацию мер по оптимизации механизма координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в пограничном пространстве.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года определяет национальные интересы России это совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства. Они обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции, в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации органами местного самоуправления.

Территория нашего государства является неприкосновенной, на ней обеспечиваются единое экономическое пространство, единая валюта, устанавливаются единое гражданство Российской Федерации, верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории страны, а органы государственной власти и местного самоуправления Российской Федерации составляют единую систему, действующую на основе общих принципов, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством.

Граница закрепляет общность территории, принадлежность всех субъектов к единому правовому, социально-политическому, экономическому и оборонному пространству, выполняет роль социально-политического пояса, «стягивающего субъекты и другие территории Федерации» [13]. Это характерно для всей государственной границы. Для субъектов Российской Федерации и местного самоуправления государственная граница означает единство территории, являющейся условием их существования. Все они в пределах своей территории пользуются ресурсами и богатствами через механизмы государственного распределения с учетом потребностей. Государственная граница выступает средством обеспечения единства и целостности нашего государства, народы которого являются носителем суверенитета и единственным источником власти.

Государственная целостность Российской Федерации означает, что органы местного самоуправления не могут не выполнять положения, закрепленные в Конституции Российской Федерации, федеральных законах, указах Президента Российской Федерации и постановлениях Правительства Российской Федерации и должны организовывать свою работу по реализации конкретных мер, направленных на предотвращение и преодоление угроз национальным интересам России.

А.А. Васильев отмечает, что государственное управление подразумевает управляющее воздействие и организационное сотрудничество государства и его субъектов с местным самоуправлением, обеспечивающее целенаправленное и эффективное функционирование муниципальных образований. При этом по его мнению, в прямых связях основными являются управляющие воздействия, а в обратных - на первое место выдвигаются моменты сотрудничества, взаимодействия и инициативы снизу, восприятия и результативность прямых связей. В системе государственного управления важное значение имеет оптимальное сочетание прямых и обратных связей [7].

В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России отмечал: «Мы создали «острова» и отдельные «островки» власти, но не возвели между ними надежных мостов. У нас до сих пор не выстроено эффективное взаимодействие между разными уровнями власти. Центр и территории, региональные и местные власти все еще соревнуются между собой, соревнуются за полномочия»[11].

«Рассматривая деятельность органов местного самоуправления в сфере защиты Государственной границы Российской Федерации, можно сделать вывод, что их деятельность направлена на достижение общей цели – эффективной и надежной защиты интересов Российской Федерации, повышения уровня и качества жизни населения каждого муниципального образования» [7].

Основные полномочия органов местного самоуправления закреплены в Конституции Российской Федерации (глава 8), Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», других федеральных законах, законодательных и нормативных актах субъектов Федерации. Указанные органы наделены полномочиями по непосредственному управлению муниципальной собственностью, финансами, хозяйственной, социально-культурной и иными сферами жизнедеятельности в пределах муниципального образования.

Согласно Конституции России и Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления в пределах своих полномочий являются самостоятельными органами власти, не входящими в систему органов государственной власти. Органы местного самоуправления поселений и органы местного самоуправления городских округов вправе в соответствии с уставами муниципальных образований принимать решение о привлечении граждан к выполнению на добровольной основе социально значимых для государства обязанностей (в том числе дежурств) в целях решения вопросов местного значения поселений и вопросов государственного значения [9]. Органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обязаны передавать находящиеся в муниципальной собственности и необходимые для охраны и защиты государственной границы: земельные участки, здания и помещения, создавать общественные объединения; уставами муниципальных образований, расположенных полностью или частично на приграничной территории, могут быть предусмотрены должностные лица местного самоуправления по пограничным вопросам) вопросов обеспечения интересов Российской Федерации в пограничной сфере, так как это является частью системы обеспечения национальных интересов и безопасности Российской Федерации и представляет собой определенный законодательством Российской Федерации порядок и содержание деятельности органов местного самоуправления, направленной на обеспечение интересов личности, общества и государства на государственной границе и приграничной территории Российской Федерации, отвечает современным требованиям и характеризуется высокой способностью государства обеспечивать эффективную защиту интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, проявляющихся в пограничной сфере России.

В статье 37 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» устанавливаются полномочия органов местного самоуправления прилегающих к государственной границе

муниципальных образований. В соответствии с указанной статьей органы местного самоуправления оказывают помощь пограничным органам ФСБ России, Войскам противовоздушной обороны, Военно-Морскому Флоту, государственным органам, осуществляющим различные виды контроля на государственной границе, исполняют их законные предписания, предоставляют необходимую для их деятельности информацию, а также создают условия для участия граждан на добровольных началах в охране государственной границы. Уставами муниципальных образований, расположенных полностью или частично на приграничной территории, могут быть предусмотрены должностные лица местного самоуправления по пограничным вопросам.

Таким образом, рассмотрев особенности конституционно-правового регулирования деятельности органов местного самоуправления, следует отметить, что эффективное использование возможностей органов местного самоуправления при охране и защите государственной границы России, будет способствовать обеспечению пограничной безопасности нашего государства.

Список литературы

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ), текст доктрины опубликован в «Российской газете» от 30 декабря 2014 г. № 298.
2. О Государственной границе Российской Федерации : закон Рос. Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 // Рос. газ. 1993. № 84. 04 мая. [По состоянию на 10.03.15.].
3. Основы пограничной политики Российской Федерации, утв. Президентом Рос. Федерации от 05 октября 1996 года // Рос.газ. 1996. 6 нояб.
4. Шенгенское соглашение «Об отмене паспортного и таможенного контроля между рядом государств Европейского союза» подписано в июле 1985 г. семью государствами и вступило в силу в марте 1995 г. Сейчас в зону Шенгена входят 25 государств ЕС. Вне зоны по-прежнему остаются Великобритания и Ирландия.
5. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей. Под общей редакцией Квашнина А.В. - М: ГШ ВС РФ, 2004.-456с.
6. Пограничная политика Российской Федерации: Монография / Под общ. ред. А.И. Николаева.-М.: Граница, 1998.-543с.
7. Васильев А.А. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления: принципы, направления и формы. М., 2000. С. 11-12.
8. Инчин Е. На рубежах державы // Кр. звезда. 2010. 28 мая
9. Можаров А.В. Полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасности России в пределах приграничных территорий // Законодательство и экономика. 2008. № 3. С. 9.
10. Мельников В.И. Введение к Аналитическому вестнику Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 12 (379) Серия: Проблемы национальной безопасности, Москва, 2009 год, www.council.gov.ru
11. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газ. 2000. 11 июля.
12. Путин В.В. Из выступления на расширенном заседании коллегии ФСБ России, посвящённом итогам работы службы в 2012 году. |<http://news.kremlin.ru/media/events/photos/big/41d44730319c2a4e8482.jpeg>|<http://news.kremlin.ru/media/events/photos/medium/41d4473031a4ef89a89d.jpeg>
13. Першин А.А., Ярлыченко В.В. Государственная граница: эволюция представлений // Вестник границ России. М. : Граница, 2001. № 1. С. 44-51.
14. Шилова Н.В. Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации в пограничной сфере Проблемы обеспечения безопасности России в пограничном пространстве Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 12 (379) Серия: Проблемы национальной безопасности, Москва, 2009 год, www.council.gov.ru

К ПРОБЛЕМАМ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ОСНОВЫ ОХРАНЫ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Губайдуллина Э.Р., Аминов И.Р.

Башкирский государственный университет, Институт права, г.Уфа

Частная жизнь, все, что находится за пределами трудовой, общественной, служебной деятельности человека относиться к его частной жизни и в данном случае не государство, не общество не вправе вторгаться и регулировать его частную жизнь, только если она не носит противоправный характер.

Согласно ст. 23 Конституции РФ: Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Конституция РФ гарантирует защиту личной, семейной тайны и никто не вправе без согласия лица собирать, хранить, распространять сведения о его частной жизни. К личной и семейной тайне относятся любые сведения, которые человек не желает сообщать о себе никому. Это могут быть сведения связанные о состоянии здоровья, личные и семейные отношения, взгляды, убеждения, банковские вклады, это и будет являться тайной для него и для всех иных лиц. Они могут содержаться в дневниках, фотографиях, аудио и видеозаписи, медицинских картах и другие документы. Все эти сведения составляют личную и семейную тайну человека.

«В правовом государстве запрещается вмешательство в частную жизнь человека. Каждый имеет право на защиту от произвольного вмешательства в его личную жизнь со стороны государства, его органов и должностных лиц, а также на охрану чести и репутации. Посягательство на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений не допускается за исключением прямо предусмотренных законом. Личность неприкосновенна». [5, с. 140].

Закон гарантирует неприкосновенность частной жизни, но нарушения происходят довольно часто. Такие действия со стороны человека могут быть совершены намеренно, но и по не знанию. Запрещено незаконное собирание любой информации о частной жизни человека без его согласия, человек не должен давать своего согласия, например, вести свой личный дневник, иметь личные фотографии и если постороннее лицо просматривает данную информацию без согласия этого лица, это уже считается вмешательством в личную жизнь. Что представляет собой проблему, как для каждого человека, так и для общества в целом. Однако если сведения личной или семейной жизни уже были опубликованы или оглашены ранее, это не является тайной, соответственно Закон их не защищает. Довольно часто люди по незнанию используют фотоматериалы личного характера, публикуют это в Интернете и не имеют понятия, что за это предусмотрена ответственность: уголовная, гражданская, административная.

Недавний скандал с Эдвардом Сноуденом и обнародованные факты о тотальной прослушке, подняли многие вопросы. Рабочая группа Совета Федерации, которая занимается проверкой соблюдения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни и обработки персональных данных, представило предложения о внесении изменений в российское законодательство. Эти изменения касаются в первую очередь ужесточения правил по соблюдению конфиденциальности в вопросе персональных данных граждан, которые они размещают в социальных сетях. Так же группа представила доклад, где отражены основные угрозы для персональных данных и новый подход для регулирования данного вопроса.

Согласно данным, Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций количество зафиксированных СМИ в Интернете случаев утечек информации российских компаний и государственных учреждений в 2013 году выросло в 5 раз. По количеству утечек Россия занимает третье место после США и Великобритании. Пострадавшими признаны более 500 тыс. человек. Явно злонамеренных характер носит 77% всех утечек, когда информацию сливают с целью получения выгоды, доля случайных утечек составляет 18% и оставшиеся 5% приходятся на случаи, когда характер утечки не удалось определить. В век высоких технологий это особенно актуально в случае утраты мобильных носителей, ноутбуков, планшетов, флэш карт. Наши показатели сильно отличаются от мировых, на долю злонамеренных сливов лишь 46% утечек, случайные 38% и неопределенные 16%. По типу данных лидируют персональные данные 65% на втором месте коммерческая тайна 26%. Самым распространенным каналом утечек называют бумажную документацию. [2, с. 1]

Таким образом, необходимо усиление ответственности, как за утечку персональной информации, так и за распространение различных баз с подобными данными. В наши дни утечки допускают социальные сети, т.к. там легче всего получить информацию, но и крупные компании.

Возможно, ли физическим лицам самостоятельно узнать об утечке собственных данных? Первую помощь должны оказать администраторы сайта, на котором были обнаружены персональные данные. Если ответной реакции от сайта не последовало, нужно обратиться в государственные органы, уполномоченные на фиксирование нарушений персональных данных граждан РФ.

В нашем обществе необходим строгий регламент обращения с персональными данными в компаниях. Лица, обладающие персональными данными, то есть организации, юридические лица, коммерческие и некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели должны принимать организационно-технические меры защиты этих данных. И чем больше объем этих персональных данных, тем больше должны существовать меры защиты.

Мы хотим еще раз подчеркнуть, что в Законе упоминается о лицах, которые осуществляют контроль над организацией персональных данных. Главное условие для того чтобы данные никуда не утекали, должен соблюдаться строгий порядок, как порядок на рабочем месте так и в любой организации на своем месте должны находиться персональные данные. Любой доступ должен быть обязательно зафиксирован.

Теперь обсудим механизмы реализации. Мы предлагаем уделить особое внимание обезличиванию персональных данных, которое упоминается в ФЗ "О персональных данных". Сейчас это не представляет особой важности, так как в нашей стране только разрабатывается данное направление. Хотя, именно это одна из мер по защите персональных данных, это разделение определенного объема данных на несколько частей и содержание их в разных частях. После разделения становится невозможным их похитить и использовать в дальнейшем в противоправных действиях.

На наш взгляд, эти мероприятия окажутся наиболее эффективными для повышения безопасности получения, хранения, использования и передачи персональных данных.

С одной стороны не стоит думать о теории заговора и считать, что за нами кто-то следит, преследуют цель подловить нас в жизненных ситуациях, но нужно осторожно относиться к своим персональным данным и где попало их не оставлять.

Верно, отметил Юрченко И.А. «Состав преступления, предусмотренный ст. 137 УК, — материальный. Обязательным признаком объективной стороны является причинение вреда правам и законным интересам граждан. Он может выражаться в причинении морального, материального, а также физического вреда, например, в недоверии со стороны других лиц, в отказе в приеме на работу или увольнении с нее, в разладе в семье, в срыве выгодной сделки либо попытке самоубийства. Необходимо установить наличие причинной связи между совершенным виновным общественно опасным деянием и наступившими последствиями». [6, с. 10]. Можно ли добиться возмещения морального вреда в нашей стране? Как сказал известный русский правовед начала века И.А. Покровский «в девятнадцатом веке гражданское право защищало только “типичные”, имущественные интересы и не склонно было признавать категорию морального вреда, то есть вреда, который не может быть исчислен в денежном выражении. Теперь же перед гражданским правом стояла новая задача: “помимо охраны человека... в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей...”». [4, с. 153].

Ст. 150 ГК РФ предусматривает компенсацию морального вреда за нарушение личных неимущественных прав. Под моральным вредом понимается те нравственные страдания, которые испытал человек. Компенсация должна осуществляться в денежной форме. В рамках уголовной ответственности правонарушитель понесет определенное наказание. Насколько наше государство придает значение именно моральному вреду и страданиям, которые претерпел человек в той или иной ситуации? Компенсация достигает, согласно судебной практике, около 30 тыс. рублей. Ее определение исходит из нравственных страданий, причинённых человеку. То есть учитывается человеческий фактор, непосредственно человек как личность, его возраст, состояние здоровья, материальное положение, как была размещена данная информация, ее масштабы. Довольно сложно определить вред, нанесенный противоправными действиями другому человеку, однако стоит бороться за свои права. Тем самым происходит воспитание, как самого себя, так и всего общества в целом.

Не стоит уповать на одно только прямое действие Конституции РФ. Нам необходимы законы — четкие, детально разработанные законы, содержащие гарантии от несанкционированного вмешательства в нашу частную жизнь со стороны государственных и частных институтов, а в случаях, когда такое вмешательство объективно необходимо и санкционировано законом — обязательные процедуры, которые исключили бы произвол в осуществлении ими своих полномочий. Ибо если правами не пользуются, нарушение их перестает быть просто неприятным инцидентом и становится повседневной практикой.[3, с 46].

Список литературы

1. Аминов И.Р. Конституционно-правовое обеспечение самоопределения народов в Российской Федерации. Вестник Башкирского института социальных технологий. Серия "Общественные науки". - 2014. - № 4 (25).
2. Муртазин Э.Р., Предупрежден? Защищайся! М.: Электронное периодическое издание «Портал персональных данных Уполномоченного органа», 2013.
3. Петросян М.Е., Неприкосновенность частной жизни в эпоху современных технологий. М.: ТАСИС, 2012. – 46 с.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2011. – 153 с.
5. Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права. М.: ИЗД «Право и государство», 2003. — 140 с.
6. Юрченко И.А. Нарушение неприкосновенности частной жизни. М: Вестник, 2011. – 10 с.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ С НАСЕЛЕНИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛУЖБ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ Г.ТАМБОВА)

Лавренченко Е.Г.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г.Тамбов

В зависимости от региональных условий и особенностей муниципальных образований в субъектах Российской Федерации публичная власть использует различные коммуникативные технологии взаимодействия с населением как один из основных инструментов эффективной социальной коммуникации. Под коммуникативными технологиями нами понимается «система алгоритмов, процедур, способов и средств, комплексное применение которых ведет к заранее намеченным результатам деятельности, гарантирует получение продукта заданного количества и качества. <...> Использование в коммуникации технологий позволяет управлять организационными или социальными процессами» [1].

Функции коммуникативного взаимодействия с общественностью и формирования положительного образа региональной публичной власти возложены администрацией г. Тамбова на структурное подразделение – управление по связям с общественностью. Его деятельность регламентирует «Положение об управлении по связям с общественностью администрации города Тамбова», в котором в качестве основных определены такие задачи:

- «1) содействие гражданам в реализации права на осуществление местного самоуправления, привлечение населения к непосредственному участию в решении вопросов местного значения городского округа – город Тамбов;
- 2) поддержка инициатив граждан по созданию условий для формирования территориального общественного самоуправления;
- 3) оказание методической помощи органам территориального общественного самоуправления в организации их деятельности;
- 4) регистрация уставов территориального общественного самоуправления и др.» [3].

Управление осуществляет организацию социокультурной деятельности с населением по месту жительства, совместную работу с советами территорий при администрации г.Тамбова. Налаживание коммуникативных связей крайне важно в системе муниципального управления. Именно для подобных целей в управлении по связям с общественностью администрации г.Тамбова создан отдел по взаимодействию с общественностью и организации социокультурной деятельности. Основные задачи отдела включают:

- создание общегородской системы управления и координации социокультурной работы с населением по месту жительства при участии советов территорий при администрации г.Тамбова;
- обеспечение взаимодействия с органами администрации г.Тамбова, учреждениями, предприятиями, общественностью города в сфере реализации социально значимых городских проектов.

Важным фактором в успешной реализации поставленных перед управлением по связям с общественностью задач явилось создание при администрации г. Тамбова советов территорий. Совет территории – это «постоянно действующий коллегиальный орган, который создается для взаимодействия администрации города Тамбова с населением городской территории с целью развития и совершенствования форм участия горожан в самоуправлении и принятии социально значимых решений на всех уровнях организации городского сообщества; «в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами

Российской Федерации, Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», законами Тамбовской области, Уставом городского округа – город Тамбов, постановлениями администрации города Тамбова и настоящим Положением»; «советы территорий формируются исходя из принципа территориальности, т.е. территория города Тамбова условно делится на 18 округов»; «срок полномочий советов территорий – 2 года со дня проведения первого заседания совета территории [2].

К коммуникативным технологиям, которые способствуют развитию общественного самоуправления, повышению социальной активности и инициативы горожан в решении вопросов жизнедеятельности города, в частности в вопросах благоустройства помещений общего пользования, благоустройства и озеленения дворовых территорий многоквартирных домов, улиц индивидуального жилищного фонда, центральных городских территорий относится проведение городских акций, конкурсов и фестивалей. В 2010 г. совместно с советами территорий при администрации г. Тамбова впервые в городе управлением по связям с общественностью администрации города Тамбова разработана новая акция «Лучшая городская территория», которая включала организацию и проведение четырех конкурсов: «Дворовая территория многоквартирного дома образцового содержания», «Улица индивидуального жилищного фонда образцового содержания», «Подъезд образцового содержания», «Лучшая территория предприятия и учреждения города». В 2013 г. конкурсы этой акции были преобразованы в общегородскую акцию «Лучший двор, подъезд, улица», с целью привлечения советов территорий при администрации города Тамбова, жителей города, управляющих жилищных компаний к решению актуальных социально значимых городских проблем, благоустройству дворовых территорий многоквартирных домов, улиц индивидуального жилищного фонда, расположенных на внутригородских территориях советов. Общегородская акция «Лучший двор, подъезд, улица» включает в себя проведение трех конкурсов: «Лучшая дворовая территория многоквартирного дома», «Лучший подъезд», «Лучшая улица индивидуального жилищного фонда». Каждое из проводимых мероприятий имеет организационно-правовую основу: во-первых, разрабатывается положение о проведении мероприятия, которое содержит цели, задачи и регламент мероприятия, во-вторых, положение проходит процедуру утверждения, результатом которой является постановление главы администрации г.Тамбова, в-третьих, информация о мероприятии размещается в официальных СМИ и на официальном сайте администрации г.Тамбова.

Анализ опыта проведения городских конкурсов по благоустройству на протяжении нескольких лет подтверждает эффективность применения данной коммуникативной технологии, возросшей социальной активностью населения г.Тамбова.

Правовым механизмом, определяющим взаимодействие управления по связям с общественностью с советами территорий является также и «Регламент взаимоотношений органов администрации города Тамбова, физических, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при подготовке и проведении массовых мероприятий на территории городского округа – город Тамбов (с изменениями, внесенными постановлениями администрации города Тамбова от 13.07.2009 № 5160 и 06.04.2012 № 2634)», который утвержден постановлением главы администрации города Тамбова от 19.11.2007 № 7713 [4]. При проведении публичного мероприятия, которое рассматривается нами как коммуникативная технология, необходимо направление в администрацию города Тамбова соответствующего «Уведомления о проведении публичного мероприятия на территории города Тамбова», в котором содержится информация о публичном мероприятии следующего характера: цель, место проведения, дата, время, информация об организаторе, участниках и др. [4]. В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» каждый из участников мероприятия в обязательном порядке письменно дает согласие на обработку персональных данных.

Таким образом, описанные правовые механизмы реализации коммуникативных технологий в деятельности управления по связям с общественностью позволяют учесть интересы всех субъектов этого взаимодействия. Их эффективное применение способствует повышению степени доверия населения к органам местного самоуправления, что положительно влияет на социально-экономическую атмосферу региона в целом. Данная проблематика является междисциплинарной и находится в поле актуального в настоящее время в правовой науке коммуникативного подхода.

Список литературы

1. Макович Г.В. Коммуникативные технологии в деятельности профессиональных групп // Вопросы управления. 2014. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2014/03/21/?print> (дата обращения 23.03.2015 г.)
2. Положение о Совете территорий при администрации города Тамбова (в ред. Постановлений администрации города Тамбова от 03.06.2010 N 4812, от 30.07.2013 N 6356), утвержденному Постановлением администрации города Тамбова от 02.03.2009 № 1464). Официальный сайт

Администрации города Тамбова. URL: <http://city.tambov.gov.ru/index.php?id=342> (дата обращения 21.03.2015).

3. Положение об управлении по связям с общественностью администрации города Тамбова (утверждено Постановлением № 7915 главы Администрации города Тамбова от 20.10.2008 г.). Официальный сайт Администрации города Тамбова. URL: <http://city.tambov.gov.ru/index.php?id=342> (дата обращения 21.03.2015).
4. Уведомление о проведении публичного мероприятия. Официальный сайт Администрации города Тамбова. URL: <http://www.city.tambov.gov.ru/index.php?id=549> (дата обращения 21.03.2015).

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Емельянова В.С.

Башкирский государственный университет, г.Уфа

Конституция Российской Федерации прописывает один из основных элементов основ конституционного строя – местного самоуправления, которое выступает самостоятельной формой осуществления народом принадлежащей ему власти [1].

Повышение роли местного самоуправления в Российской Федерации актуализировало проблему организации деятельности муниципальных служащих, а именно проблему профессионализма – одного из главных факторов управления.

Муниципальные образования нуждаются в молодых, профессиональных управленцах нового мышления, новой парадигмы. Это особенно важно в современных условиях, где происходит быстрое развитие общества, модернизация экономики, социальной сферы, совершенствование государственного и муниципального аппарата. Недостаточные меры социальной защиты и социальные гарантии, учитывая и уход на пенсию, невысокая заработная плата, низкий престиж муниципальной службы, скромные перспективы, связанные с дальнейшим кадровым ростом не способствуют созданию необходимого качественного состава кадров [2]. Система оплаты труда не претерпевает изменений уже долгое время, в то время как требования к муниципальным служащим, к исполнению их обязанностей меняются из года в год. Это препятствует привлечению на муниципальную службу профессионалов своего дела, особенно из молодежной среды.

Зачастую в органах местного самоуправления возникает проблема с квалифицированными молодыми служащими. Для решения этого вопроса, возможно, ввести отбор на конкурсной основе будущих служащих муниципального образования, установить минимальные квалификационные стандарты на должности муниципальной службы. А в целях последующего развития работы в муниципалитетах, на высшие должности назначать служащих, проявивших стремление к профессиональному росту. Также в кадровые службы необходимо брать специалистов, имеющих юридическую, психологическую, экономическую подготовку. Именно такие работники способны понять насущные задачи становления местного самоуправления и комплексно подойти к кадровому обеспечению муниципального управления.

Кадровая проблема – ключевая проблема всей системы местного самоуправления и данному вопросу уделяется недостаточно внимания. На сегодняшний день подготовка муниципальных кадров является достаточно актуальным вопросом. Именно от решения кадрового вопроса на муниципальной службе зависит полноценная реализации собственных полномочий органов местного самоуправления. А это и надлежащая работа ЖКХ, строительство и ремонт дорог, и многие другие задачи, которые входят в компетенцию органов местного самоуправления.

Отметим, что после реформы, начатой в 2003 году, число муниципальных образований возросло практически вдвое. При этом в большинстве существующих муниципальных образований не хватает квалифицированных специалистов, особенно это ярко выражено в сельских поселениях. Вероятно, следует осуществлять государственную поддержку в области привлечения на муниципальную службу в сельской местности специалистов, которая может быть выражена в предоставлении различных социальных льгот, таких как повышенная заработная плата, предоставление беспроцентных кредитов, снабжение жильем, бесплатное питание, оплата транспортных расходов и т.п. Либо же вовсе исключить передачу полномочий органам местного самоуправления без увеличения штата и привести норму численности муниципальных служащих в соответствие с количеством возложенных на органы самоуправления, полномочий [3].

Основной проблемой кадровой политики на муниципальной службе является подготовка и переподготовка кадров. Учебный процесс в большинстве случаев носит краткосрочный характер и не ориентирован на предметную деятельность муниципальных служащих. Программы подготовки зачастую не соответствуют потребностям в сфере муниципального управления, как в количественном, так и в качественном отношении. Действующие учебные курсы не отвечают реальным нуждам в организации деятельности муниципальных служащих, ввиду их направленности на теоретическую, а не на практическую работу. В равной мере это касается учебных пособий и преподавателей, не имеющих практический опыт работы в органах местного самоуправления.

В настоящее время существует достаточное количество курсов подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих, в основном при учебных заведениях, однако на деле, практических профессиональных знаний, умений, навыков эти курсы не дают и носят, всё чаще, формальный характер. Но сама практика сотрудничества органов местного самоуправления с профильными учебными заведениями имеет положительное влияние на организацию деятельности муниципальных служащих. Это безусловный плюс. Но нельзя отрицать, что устоявшийся порядок нуждается в дальнейшем совершенствовании. Отсутствует налаженная система привлечения к преподаванию работающих специалистов в требуемой сфере деятельности, использования инновационных методик.

Сложившаяся ситуация требует качественных изменений, а значит принятия безотлагательных мер. Таким образом, возникает необходимость в особой системе подготовки и переподготовки кадров на муниципальной службе, основами которой станут: постоянное улучшение методологии, методики и организации деятельности на местах; повышение профессионализма преподавателей; внедрение новых форм подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных кадров; введение системы управления качеством, базируемой на сочетании традиционных и инновационных подходов. Это станет толчком к повышению уровня вариативности программ, к взаимодействию между муниципалитетами с целью обмена опытом, а в дальнейшем к разработке дистанционного повышения квалификации. Система дистанционного обучения разрабатывается ведущими преподавателями, специалистами, учеными, что повысит качество обучения вне зависимости от местонахождения. Такой вид обучения позволит существенно снизить финансовые затраты, и считается лучшим вариантом для труднодоступных, малонаселенных регионов, а также для районов, значительно удаленных от научных и культурных центров.

Персонал муниципального управления играет важную роль в преобразовании российского местного самоуправления. Поэтому процесс построения муниципального служащего нового поколения является ключевым элементом механизма становления и обновления системы управления на местах. Такой муниципальный служащий обладает широким кругозором, компетентный, ставит перед собой задачи, он способен к новой модели действия, в обход устоявшемуся образцу.

Общеизвестно, что руководители не всегда с пониманием и поддержкой относятся к желанию сотрудников повысить свою квалификацию, пройти обучение, так как часто это связано с отрывом от работы. Поэтому целесообразно закрепить это не только, как право, но и как обязанность, а также внести ответственность за исполнение данного полномочия.

Необходимо, чтобы обучение, повышение квалификации и профессиональная подготовка кадров стали неотъемлемым элементом профессиональной культуры на государственной и муниципальной службе. Стратегической целью курсов подготовки, переподготовки и повышения квалификации должно являться обеспечение развития муниципальной деятельности, ради формирования надлежащей работы органов местного самоуправления, в первую очередь, по вопросам местного значения в городах, поселениях и на других территориях, а также ради создания условий, которые гарантируют высокий уровень и стабильность качества муниципальных услуг. В этом случае, уровень подготовки специалистов будет приносить максимально возможный результат.

Местное самоуправление – это уровень власти, который приближен больше всего к народу и от того из каких кадров состоят органы местного самоуправления зависит престиж в целом государственной (муниципальной) службы и лояльность граждан к действующей власти [4].

Поэтому очень важно сформировать систему взаимодействия органов местного самоуправления с институтами гражданского общества, населением и стать максимально открытыми для простых граждан[5].

В соответствии с действующим законодательством осуществление подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих лежит на плечах органов местного самоуправления. Отсюда следует вывод, что низкий уровень подготовки и принятия программ подготовки и переподготовки связан с нехваткой средств в местном бюджете. В связи с этим муниципальным образованиям необходимо пересмотреть свои расходы и направлять достаточное количество средств на реализацию различных программ обучения, подготовки и переподготовки муниципальных служащих.

Но стоит отметить, что органы государственной власти субъектов РФ также наделены правом участия в обеспечении подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих.

Наиболее эффективным механизмом подготовки кадров на муниципальной службе является принятие целевых программ. Также данный способ является действенным с точки зрения контроля за расходованием средств.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на сегодняшний день в сфере местного самоуправления существуют две главные проблемы – это финансовое обеспечение муниципальной службы и кадры.

Тратятся достаточно серьезные средства на подготовку и переподготовку муниципальных кадров. Но важно отметить, что эффективность и качество муниципальных кадров будет зависеть не только от того сколько средств тратится на обучение, не только от того какие существуют программы, а от того, кто осуществляет подготовку и переподготовку кадров, а также как отслеживается качество переподготовки кадров [6]. Поэтому необходимо создать единую общегосударственную программу подготовки и переподготовки резерва государственных и муниципальных служащих. В основу программы можно положить существующий положительный опыт городов в сфере подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. Для того, чтобы программа приносила максимальный результат, в обязательном порядке, требуется учреждение системы управления качеством. В связи с этим следует постоянно повышать качество оказываемых услуг в сфере повышения квалификации муниципальных служащих. Только в результате реализации предложенных решений можно будет говорить об эффективности, в организации деятельности органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года [Электронный ресурс]: (ред. от 21.07.2014) // СПС «Консультант Плюс».
2. Атситарова Р.Н., Аминов И. Р. Абсентеизм: проблемы и пути его преодоления // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции». Воронеж: ИЦРОН, 8 декабря 2014 г. С. 23-26.
3. Биккулова А.Д., Аминов И. Р. Правовой статус муниципального служащего // XVIII Международная (заочная) научно – практическая конференция «Вопросы состояния современного юридического образования и профессиональной культуры юристов», г.Казань, 26 ноября 2014 г.С. 143-145.
4. Искужина Г.Р., Аминов И. Р. Местное самоуправление как институт публичного управления в Российской Федерации //Научно-методический электронный журнал "Концепт". Киров, 2014.Т. 26.С. 251-255.
5. Аминов И.Р., Руденко С.К. Межмуниципальное сотрудничество, формы и проблемы правового регулирования // Экономика, социология, право. Москва, 2014 г. № 4. С. 143- 145.
6. Туриянов А.Р., Аминов И. Р. Прокурорский контроль и надзор за деятельностью местного самоуправления // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: Теория, методология, практика. Новосибирск, 2014 г. № 14. С.114-119.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИИ КАК СУБЪЕКТ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Чепус А.В.

Кандидат юридических наук, докторант, доцент кафедры Конституционного права юридического факультета им.

М.М. Сперанского Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г.Москва, Россия

В современных условиях развития государственного управления, следует особо остро обозначить проблематику парламентской ответственности правительства, ее законодательного обеспечения и правового регулирования, поэтому рассматривая Правительство РФ как субъект парламентской ответственности следует более пристально рассмотреть данные вопросы в контексте конституционного права. Инстанцией в процессе парламентской ответственности Правительства РФ может выступать широкий круг субъектов, воплощающих в себе права и наделенных властью. Согласно Конституции РФ, к таким субъектам возможно отнести: председатель Правительства РФ, его заместители, федеральные министры.

В рамках парламентской ответственности правительства взаимоотношения субъекта и инстанции строго регламентированы, а их действия четко предписаны нормами законов и являются строго обязательными. Важно

здесь учесть тот факт, что при такой ответственности, правительство выступает само как субъект ответственности, отвечая за свои действия перед другой инстанцией – парламентом и является субъектом, который может реализовывать свои властные полномочия по отношению к другим подвластным субъектам. Например: агентства и службы несут ответственность перед министерствами, любой министр перед председателем Правительства РФ и Президентом РФ, не говоря уже о том, что данные органы и должностные лица несут наряду с политической и моральную ответственность перед народом и обществом.

На практике процесс реализации парламентской ответственности правительства осуществляется достаточно непросто. Как справедливо полагает В.А. Виноградов, подчеркивая тот факт, что «важнейшим является вопрос об инстанции (субъекте юрисдикции): кто должен констатировать наступление конституционно-правовой ответственности в отношении соответствующего субъекта. Если инстанция ответственности (субъект юрисдикции) не установлена – нет и самой ответственности. В связи с этим при закреплении конституционно-правовой ответственности должны быть четко указаны не только субъекты ответственности, основания, меры воздействия, но и обязательно – инстанция» [2, с. 59].

Важно так же отметить, что «изменения, произошедшие в нашей государственности, в отношениях государства и личности (в частности, признание властью приоритета права над государством и т.п.), позволяют расширить круг субъектов юридической ответственности» [1, с. 38]. Фактически, до принятия Конституции 1993 года отвечали перед государством только граждане, организации и должностные лица, само же государство было выключено из числа субъектов такой ответственности. Сегодня уместно вести речь о такой классификации юридической ответственности как деление на общего и специального субъекта ответственности; деление на индивидуального и коллективного субъекта ответственности. Можно ввести классификацию и по отраслевой принадлежности видов ответственности, на субъекты конституционной и, ее подвида - парламентской ответственности, а также уголовной, гражданской, административной.

На наш взгляд, к субъектам коллективной парламентской ответственности возможно причислить Правительство РФ; все органы исполнительной власти (министерства, службы, агентства); а так же подведомственные Правительству РФ или федеральным органам исполнительной власти учреждения или организации; Федеральное Собрание в лице Государственной Думы РФ и Совета Федерации, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, органы исполнительной власти субъектов РФ. К индивидуальным субъектам парламентской ответственности можно отнести: Председателя и заместителя Председателя Правительства РФ; федеральных министров, руководителей остальных федеральных органов исполнительной власти и подведомственных организаций и учреждений Правительства РФ; Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), его заместители, региональные министры и руководители органов исполнительной власти субъектов РФ; Председателя Счетной палаты и его заместителей; Председателя Центрального Банка и его заместителей. Хотя следует заметить, что последние два субъекта, имеют особый правовой статус и полностью отнести их к субъектам парламентской ответственности было бы неверно.

Однако, во всех случаях субъекты парламентской ответственности должны обладать таким правовым качеством как конституционная деликтоспособность, т.е. способность своими действиями совершать те или иные конституционные поступки (принятие решения, акта, и т.д.), осознавать возможную противоправность своих действий а так же нести ответственность, закрепленную действующим законодательством. Не вдаваясь в дискуссию о субъектах конституционной ответственности и их правовых качествах (данные вопросы будут рассматриваться в следующих главах работы), следует отметить, что конституционная деликтоспособность субъектов парламентской ответственности определяется их конституционно-правовым статусом, а так же компетенцией, содержащейся в нормативных правовых актах.

Систематизируя субъекты конституционной ответственности правительства в РФ, считаем целесообразным, разделить их на две группы. К первой группе отнесем, тех на кого распространяется ответственность в виде претерпевания негативного воздействия в связи с совершением того или иного деликта. Во вторую группу можно включить субъекты, «которые привлекают других к ответственности, т.е. речь идет о лицах, определяющих конкретную меру конституционной ответственности» [3, с. 367]. Таких субъектов в юридической литературе предлагают считать «инстанциями». Инстанцией конституционно-правовой ответственности является субъект конституционно-правовых отношений, в компетенцию которого входит участие в решении вопросов о применении конституционно-правовых санкций к тем, кто совершил конституционные деликты [3].

О второй группе субъектов, так называемых «инстанциях», мы упоминали не раз, поэтому для нас более важной выступает необходимость разобраться с первой группой субъектов. В юридической литературе существуют разные подходы к вопросу о Правительстве РФ, как субъекте конституционной ответственности.

Одна группа исследователей, не без существенных на то оснований, считает, что правительственную ответственность правительства традиционно относят к ответственности конституционной (конституционно-правовой), которая является ответственностью за ненадлежащее осуществление публичной власти. Субъектами выступают преимущественно носители публично-властных полномочий [4]. Другие же ученые отмечают что правительство, выступая субъектом конституционной ответственности должно соответствовать определенным признакам. «Во-первых, субъект конституционной ответственности является участником конституционных правоотношений, т.е. обладает конституционной правосубъектностью (право- и дееспособностью). Во-вторых, на него возложена обязанность отвечать за свое юридически значимое поведение. В-третьих, в конституционном праве предусматривается возможность претерпевания им особых ограничений негативного воздействия норм конституционного права (то есть субъект обладает конституционной деликтоспособностью)» [5].

Таким образом, выступая как субъект парламентской ответственности, правительство в РФ, а так же его члены должны обладать деликтоспособностью, т.е. способностью нести юридическую ответственность за свои противоправные проступки. Этот критерий оценки является основным при характеристике правительства и его членов. Кроме того центральными элементами всей структуры парламентской ответственности Правительства РФ должны выступать ее субъекты, отношения между которыми представляют содержание ответственности.

Список литературы

1. Богданова М.С. О понимании юридической ответственности в современных условиях // Юрист. – 1997. - №7. - С. 32-39
2. Виноградов В.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Законодательство - № 10, - 2002. - С. 57-62.
3. Виноградов В.А. Ответственность в механизме конституционного строя. М., - 2005.
4. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: Учебное пособие. М., - 2005.; Дмитриев Ю.А., Измайлова В.Ш., Проблемы контроля и ответственности в деятельности органов государственной власти // Государство и право. - 1996. - № 4. - С. 81-91.
5. Данный вопрос затрагивается Виноградовым В.А. в следующих работах: Виноградов В.А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М., 2005.; Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., - 2000.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЙ ПОКУПКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВОПОРЯДКАХ

Трубачев Д.О.

Омская юридическая академия, г.Омск

Пожалуй, одной из наиболее противоречивых конструкций в современной цивилистике выступает преимущественное право покупки. Помимо того, что часть учёных полагает необходимым избавиться от данного института как пережитка феодального права, в науке до сих пор отсутствует единое мнение относительно его места в системе гражданского права. Дореволюционные отечественные цивилисты относили данную категорию к ограниченным вещным правам – вещным обременениям [10, С. 403]. Ныне доктрина рассматривает эти права как *suigeneris*, сочетающий признаки вещных и обязательственных прав, включающий в себя особую группу общественных отношений, составляющих изъятие из принципов гражданского права.

Специфика их содержания, способа защиты и подход законодателя к основаниям возникновения у сосособственника преимущественного права на приобретение отчуждаемой третьему лицу доли, влекут отсутствие единообразия в правоприменении.

Так, например, Верховный Суд указал, что внесение доли в праве общей собственности на имущество в уставный капитал корпоративного образования не требует предварительного уведомления участников долевой собственности, не наделяет их преимущественным правом на ее приобретение и, как следствие, не предоставляет возможности перевода на себя прав и обязанностей покупателя [2]. Свою позицию суд аргументировал тем, что в соответствии со ст. 250 ГК РФ правила о преимущественной покупке применяются при отчуждении доли в общем имуществе лишь по возмездным сделкам – договорам купли-продажи либо мены, за исключением продажи имущества с публичных торгов. Внесение же доли в праве общей собственности в уставный капитал общества не является таковой, поскольку приобретается статус участника этого общества с правами и

обязанностями, предусмотренными законом и учредительными документами общества. Тем не менее, суд признал возмездность данной сделки, указав на то, что доля в уставном капитале является встречным предоставлением.

По мнению Верховного Суда, преимущественное право покупки участника долевой собственности возникает лишь при отчуждении имущества на основании договоров купли-продажи либо мены. Ранее же Высший Арбитражный Суд выразил свою позицию по данному вопросу исходя из расширительного толкования ст. 246 ГК РФ. Основанием возникновения у сособственника преимущества перед третьим лицом, по мнению суда, выступает любая возмездная сделка по отчуждению спорного имущества последнему, за изъятиями, установленными законом. То есть необходимо исходить из наличия встречного предоставления. Высший Арбитражный Суд указал на то, что квалификация спорных отношений не как отношений купли-продажи не является безусловным основанием для неприменения положений ст. 250 ГК РФ, применив их к отчуждению имущества по соглашению об отступном [3]. Если обратиться к правовой позиции, сформулированной в совместном Постановлении Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Арбитражного Суда, в соответствии с п. 37 которого получение по сделке имущества в качестве доли (вклада) в уставный (складочный) капитал корпоративного образования является возмездным приобретением, то необходимо признать, что в данном случае право преимущественной покупки у участника долевой собственности возникло, и он был вправе требовать перевода на себя прав и обязанностей покупателя [1].

Справедливым будет замечание о том, что и в арбитражных судах отсутствует единообразие в практике применения ст. 250 ГК РФ. Так Президиум ВАС установил, что на отступное в виде цессии имущественных прав в строящихся объектах инвестиционной деятельности, правила этой статьи не распространяются [4].

Безусловно, многообразие позиций в судебной практике, каждая из которых носит казуистический характер, обусловлено несовершенством отечественного законодательства в части регулирования защиты преимущественного права покупки. В соответствии с п. 3 ст. 250 ГК лицо, указанное право которого нарушено, может требовать в судебном порядке перевода на себя прав и обязанностей покупателя. Встав же на место приобретателя имущества, собственник должен возместить ему в той же форме и объеме расходы на его приобретение. В случае с долей в уставном капитале это невозможно².

В такой ситуации суды при принятии решений вынуждены руководствоваться в первую очередь возможностью участника долевой собственности возместить покупателю затраты на приобретение доли в праве общей собственности, а не защитой его законных интересов. Так Верховный Суд указал, что наличие (либо отсутствие) у сособственника имущества достаточного для приобретения доли именно на тех условиях, на которых она отчуждается (в той же форме и объеме), является тем существенным обстоятельством, которое позволяет применить (не применить) положения ст. 250 ГК РФ к отношениям [5].

Исходя из указанного выше, становится очевидным несовершенство способа защиты права преимущественной покупки. Однако необходимо заметить, что в отечественном правовом порядке конститутивный (преобразовательный) иск исторически был не единственным способом защиты данного права. Так в соответствии со ст. 64 ГК РСФСР 1922 года сособственники обладали преимуществом на приобретение доли при ее отчуждении третьему лицу. Однако механизмов обеспечивающих это преимущество, как и способов его защиты, не существовало, посему норма носила сугубо декларативный характер. Судебная же практика выработала решение данной проблемы. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 18.07.1927 г. содержит указание на применение уполномоченным лицом, в случае нарушения его преимущественного права покупки, иска о переводе на него прав и обязанностей покупателя [7, С. 11]. Впоследствии Верховный Суд РСФСР в своем Определении от 9.06.1940 г. пришел к мнению о необходимости признания сделок, нарушающих преимущественные права участников долевой собственности, недействительными. Такое неоднозначное решение суд аргументировал тем, что продавец может не согласиться на продажу сособственнику доли на тех условиях, на которых она была продана третьему лицу (например, когда доля продается дружественному лицу по заведомо более низкой цене) [11, С. 365].

Однако указанный последним способ защиты преимущественного права покупки, по нашему мнению, противоречит существу данного права. Во-первых, преимущество участника долевой собственности перед третьим лицом призвано позволить сохранить объект права в руках одного собственника, а не являться способом

² Доля в хозяйственном обществе является совокупностью специфических имущественных и организационно-управленческих прав, принадлежащих участникам общества, среди которых основное значение имеют права на участие в управлении обществом и на получение прибыли от его деятельности. Так как сособственник не обладает комплексом прав (он не является участником общества с долей равной той, что выступает встречным предоставлением в сделке по отчуждению имущества), приобретение которого охватывается интересом отчуждателя, то заменить приобретателя, возместив ему затраты на приобретение доли в общем имуществе, не может. См.: Шиткина И. Доля участия в уставном капитале ООО: отчуждение, наследование, раздел // Юрист спешит на помощь. 2013. № 2. С. 42 - 44.

уничтожения результатов продажи[9, С. 195]. Во-вторых, возможность управомоченного лица оспорить сделку будет на руку недобросовестным субъектам, что позволит им злоупотреблять данным правом и негативно скажется на гражданском обороте. В-третьих, преимущественное право покупки у участника долевой собственности возникает при отчуждении имущества по сделке. Признание ее недействительности исключает возможность реализации права на преимущественную покупку, поскольку юридические основания, с которыми норма права связывает его возникновение, перестают существовать. Данное положение было поддержано в том числе и судебной практикой. Так невозможность признания сделок по отчуждению спорного имущества, связана не только с отсутствием прямого указания на то в ст. 250 ГК РФ, как ранее разъяснили пленумы высших судов. Но и с тем, что ее недействительность будет означать отсутствие правовых последствий ее совершения кроме тех, которые связаны с признанием ее недействительности. Следовательно, перевод каких-либо прав и обязанностей невозможен в связи с тем, что они не считаются возникшими[6].

Для решения проблем, возникающих на практике, мы считаем необходимым обратиться к европейскому законодательству, регулирующему данные отношения³. Так применение в Германии вещно-конститутивных способов защиты преимущественного права покупки позволило побороть обход закона путем совершения сделок направленных на отчуждение имущества по договорам отличным от купли-продажи⁴. В судебной практике была сформулирована позиция, в соответствии с которой данный титул позволяет лицу, в случае нарушения его права, истребовать имущество и выплатить приобретателю цену такового при условии, что оно было отчуждено по сделке, в которой встречное предоставление возможно оценить в денежной форме [12, С. 31]. На практике и в доктрине была обоснована возможность применения преимущественного права покупки при заключении договора мены (Tauschvertrag), кругового обмена (Ringtausch), внесении земельного участка в счет исполнения денежного обязательства (Leistungen an Erfüllungs Statt), внесении земельного участка в качестве вклада в товарищество (Einbringung in eine Gesellschaft), договоре строительства на земельном участке (Baurtragevertrag), договоре об оказании услуг (Dienstverträge), договоре ренты (Verpfundungsverträge) и т.д.[8, С. 109].

Так, например, в соответствии со ст. 264 Закона Эстонии о вещном праве в случае отказа покупателя и (или) продавца на вступление управомоченного лица в договор, на основании которого происходит отчуждение имущества, оно вправе предъявить иск о внесении записи в Крепостную книгу и признании права собственности на недвижимую вещь за собой. В случаях, когда отчуждение происходит по договору мены или иным способом, в соответствии со ст. 275 этого Закона его цена определяется на основании обыкновенной (рыночной) стоимости, если законом или договором не установлено иначе.

По нашему мнению, признание за управомоченным лицом права истребовать имущество у приобретателя, возместив ему при этом затраты на приобретение доли в денежной форме (вне зависимости от того в какой форме было выражено встречное предоставление в сделке по ее отчуждению). Такое решение позволит привести правоприменительную практику к единообразию и обеспечить действенную защиту преимущественных прав участников долевой собственности на приобретение доли.

Список литературы

1. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 // «Российская газета», № 109, 21.05.2010 г.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за январь - июль 2014 года. // утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.09.2014 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса РФ: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 г. № 102 // «Вестник ВАС РФ», № 4, 2006 г.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.11.2009 г. № 4795/09 по делу № А41-15487/08 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2007 г. № 5-В06-159 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 30.04.2010 г. по делу № А01-2107/2008 – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: § 1094 - 1112 Германского гражданского уложения 1896 г.; ст. 256 - 275 Закона Эстонии от 9 июня 1993 г. «О вещном праве»; ст. 1381 - 1400 Гражданского закона Латвии от 1937 г.

⁴ Справедливости ради стоит заметить, что законной вещной защитой в европейских правовых порядках пользуется только вещное право преимущественной покупки недвижимого имущества – земельного участка. В отношении движимого имущества оно носит сугубо обязательственный характер и возникает по соглашению сторон. Однако на основании соглашения, заключенного собственниками, обязательственное право может быть преобразовано в вещное со всеми вытекающими последствиями. В том числе изменяется способ восстановления и защиты нарушенного права. См: Емелькина И.А. «Система ограниченных вещных прав на земельный участок». М., С. 224-228.

7. Аскарханов и Иодковский. Справочник по судебной практике. М., 1937. С. 280.
8. Емелькина И.А. Вещное преимущественное право покупки недвижимости // Вестник гражданского права. 2010. № 3.
9. Зимелева М.В. Общая собственность в советском гражданском праве. Часть вторая // Вестник гражданского права. 2010. № 1.
10. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М., 2002. С. 800.
11. Советское гражданское право: Учеб. Т. 1 / Под ред. И.Б. Новицкого. М.: Юрид. лит., 1959. С. 494.
12. Филатова У.Б. Право преимущественной покупки в европейских правовых порядках: история и современность // Правовые вопросы недвижимости. 2012. № 2. С. 30-32.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Демьяненко А.В.

Тверской Государственный Технический Университет, г.Тверь

Общеизвестно, что реальность и эффективность местного самоуправления определяется прежде всего материально-финансовыми ресурсами, имеющимися в их распоряжении. Отсутствие достаточных финансовых средств в бюджетах городов заставляет власти города совершенствовать бюджетную и налоговую политику. И в первую очередь это установление платежей за пользование природными ресурсами и, в частности, платы за городскую недвижимость.

Эффективное управление муниципальной собственностью является неотъемлемой частью деятельности администрации города с целью пополняемости бюджета для решения экономических и социальных задач.

Определение муниципальной собственности указано в статье 215 ГК РФ – имущество, принадлежащее на праве собственности городским и сельским поселениям, а также другим муниципальным образованиям, является муниципальной собственностью.⁵

От имени муниципального образования права собственника осуществляют органы местного самоуправления и лица, указанные в статье 125 ГК РФ.

Управление муниципальной собственностью – научно-экономическая дисциплина, изучающая систему отношений ее субъекта (собственника) к принадлежащему ему имуществу как к своему, которое выражается во владении, пользовании, и распоряжении названным имуществом, а также в устранении вмешательства всех третьих лиц в ту область хозяйственного господства, на которую распространяется власть собственника.

В последние годы все более заметен интерес ученых и практиков к проблеме эффективности использования муниципальной собственности. Повышение актуальности данной проблемы обусловлено неэффективным использованием муниципальных земель, которые часто сдаются или, что еще хуже, продаются по минимальным ценам. Муниципальное имущество находится в изношенном состоянии, часто непригодном для использования и нуждающимся в капитальном ремонте.

Муниципальная собственность наряду с местными финансами составляет экономическую основу местного самоуправления. Вопросы формирования эффективного управления и распоряжения муниципальной собственностью являются поэтому приоритетными для муниципальных образований. Для вновь созданных муниципальных образований особую актуальность приобретает проблема скорейшего и полноценного нормативно-правового обеспечения деятельности органов местного самоуправления по управлению муниципальным имуществом.⁶ Решение проблемы создания эффективной системы управления муниципальным имуществом предполагает сосредоточение нормотворческих, организационных и управленческих усилий органов местного самоуправления на следующих основных направлениях:

1. Обеспечение надлежащего (т.е. полного и своевременного) учета муниципального имущества и ведение его реестра, включающего многоаспектное (техническое, экономическое, правовое) описание соответствующих объектов учета.

2. Обеспечение оптимальности управленческих решений по распоряжению муниципальным имуществом (соблюдение взвешенного баланса социальных, фискальных и инвестиционных целей), в том числе при его

⁵ ГК РФ ст. 215 «Право муниципальной собственности»

⁶ Некрасов В. И. Муниципальная собственность в системе муниципального управления // Проблемы региональной экономики. – 2010. – № 3/4. – С. 302-310.

отчуждении, закреплении в хозяйственном ведении или оперативном управлении, передаче в пользование или доверительное управление, внесении в качестве вклада при создании хозяйственных обществ, использования в качестве обеспечения кредитных обязательств (ипотека).

3. Обеспечение надлежащего содержания и эффективного использования муниципального имущества, включая меры по повышению инвестиционной привлекательности муниципальной недвижимости.

4. Обеспечение эффективного контроля за сохранностью и использованием по назначению муниципального имущества.⁷

Построение целостной системы управления муниципальной собственностью предполагает проявление активных нормотворческих усилий со стороны самих муниципальных образований. В своей нормотворческой деятельности муниципальные образования сегодня идут по пути принятия отдельных нормативных актов по отдельным направлениям деятельности по управлению и распоряжению муниципальным имуществом. Уже накоплен определенный опыт применения на практике таких нормативно-правовых актов. Представляется, что этот опыт может быть использован для разработки комплексного нормативно-правового акта, в котором будут урегулированы практически все аспекты деятельности по управлению и распоряжению муниципальной собственностью.

Отдельные разделы комплексного нормативно-правового акта могут быть посвящены следующим вопросам:

1. Учет муниципального имущества;
2. Контроль за использованием муниципального имущества;
3. Создание и реорганизация предприятий и учреждений;
4. Ликвидация предприятий и учреждений;
5. Управление предприятиями;
6. Участие в хозяйственных обществах;
7. Распоряжение недвижимостью, закрепленной за предприятием;
8. Продажа муниципального жилищного фонда;
9. Передача имущества в пользование по договору;
10. Зачет стоимости капитального ремонта в счет арендной платы;
11. Передача имущества в субаренду;
12. Доверительное управление имуществом;
13. Участие в инвестиционной деятельности путем передачи имущества инвестору;
14. Залог муниципального имущества;
15. Списание муниципального имущества.

Несмотря на свой комплексный характер, указанный документ будет тем не менее делать отсылки и к иным нормативно – правовым актам. Так, уполномоченным органам местного самоуправления следует дополнительно разработать и принять следующие нормативно-правовые акты:

- Положение о комиссии по вопросам распоряжения муниципальным имуществом;
- О порядке и условиях страхования муниципального имущества;
- Об утверждении примерных форм уставов муниципальных унитарных предприятий и муниципальных учреждений;
- Об утверждении примерной формы контракта с руководителем муниципального унитарного предприятия;
- Положение о наблюдательном совете;
- О порядке установления и изменения размера перечисляемой в бюджет части прибыли муниципального унитарного предприятия;
- О доверенных представителях муниципального образования в некоммерческих организациях;
- Положение о порядке материального стимулирования деятельности представителей муниципального образования в органах управления хозяйственных обществ;
- О конкурсном назначении продавцов муниципального имущества;
- О порядке приватизации муниципального жилищного фонда;
- О порядке проведения торгов на право заключения договоров на передачу муниципального имущества во временное владение, пользование и распоряжение;

⁷ Васин В. В. Стратегия управления собственностью муниципального образования: механизмы разработки и реализации // Изв. Урал. гос. эконом. ун-та. - 2010. - № 1. - С. 116-123.

- Об использовании средств, полученных от аренды нежилых помещений;
- Об организации содержания и эксплуатации объектов муниципального нежилого фонда, находящегося в муниципальной казне.

Следует также иметь в виду, что комплексный нормативно – правовой акт не будет распространяться на порядок управления и распоряжения таким муниципальным имуществом как земельные участки и иные природные объекты, средства бюджета, внебюджетных и валютных фондов муниципального образования, а также ценными бумагами (кроме акций). Порядок управления и распоряжения указанным муниципальным имуществом будет устанавливаться также иными нормативными правовыми актами.

Таким образом, проблемы, связанные с эффективностью управления муниципальной собственностью обусловлены, прежде всего, несовершенством законодательства, которое призвано создавать условия для нормального функционирования всех участников правовых отношений, в том числе в экономической и социальной сферах. Именно здесь и реализуется система управления муниципальной собственностью в отдельно взятом муниципальном образовании. Особенно важной является социальная направленность муниципальной собственности.

Список литературы

1. Васин В. В. Стратегия управления собственностью муниципального образования: механизмы разработки и реализации // Изв. Урал. гос. эконом. ун-та. - 2010. - № 1. - С. 116-123.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 №51–ФЗ (действующая редакция от 22.10.2014)
3. Некрасов В. И. Муниципальная собственность в системе муниципального управления // Проблемы региональной экономики. - 2010. - № 3/4. - С. 302-310.

СОВЕТ КАК ФОРМА УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

Курячая М.М., Воробьева Е.И.

Кубанский государственный университет, г.Краснодар

Совет – это избираемый населением на определённый срок коллегиальный представительный орган публичной власти в Российской Империи с 1905 по 1907 год. Советы существовали в Российской и других республиках, в СССР, а также в Российской Федерации до октября 1993 г. В советский период советы являлись органами руководства стачек (забастовок), в последующем руководство советов боролось с правительством [5]. Если обратиться к истории термина, то на начальном этапе совет представлял собой классовый орган, который выражал интересы пролетариата. В советский период форма государственного устройства отражала марксистскую теорию построения коммунизма через власть диктатуры пролетариата, что отличало власть буржуазной демократии в обществе капитализма. Советы получали свою легитимность при помощи поддержки народа, т.е. образование советов происходило снизу. Так, Александр Бенуа в апреле 1917 г. писал: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов» [4].

При советской модели правления советы считались полновластными органами на всей территории, при этом они являлись и представительными-законодательными, и распорядительными, и контрольными органами [6]. Для реализации своих полномочий, зачастую, создавались государственные органы, которые учреждались также советами. Важно отметить, что судебные органы были подотчётны совету, за которыми они были закреплены. Таким образом, в советский период советы являлись системой представительных органов власти, которая имела разделение на нижестоящие уровни, но не лишала статуса и полномочий советов низшего уровня. Иначе говоря, отличие между советом высшего и низшего уровня отсутствовало.

Деятельность советов отражала наказания избирателей, которые, в свою очередь, могли отозвать их, однако на практике советы руководствовались к исполнению решениями правящей коммунистической партии. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, идейной основой советов был не марксизм, а «народная философия, тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества» [4]. Однако существует другая точка зрения о статусе и деятельности советов СССР, которую выражал исследователь политической системы СССР М.С. Восленский: «Центрами принятия решений являются не Советы, столь щедро перечисленные в Конституции СССР, а органы, которые в ней не названы. Это партийные комитеты разных уровней: от ЦК до райкома КПСС. Они и только они принимали все до единого политические решения любого масштаба в СССР»

[2]. Советы играли важную роль на протяжении всей истории России: от свержения Российской Империи до образования СССР и Российской Федерации.

Развитие современного гражданского общества России было бы невозможным без создания «советов», которые в народе часто называют «общественный совет». Сущность, деятельность и статус советов современных отличается от деятельности советов советского периода. В совет всё также входят активисты из народа, которые представляют интересы общества, он также создаётся на государственном и местном уровнях, но существенным отличием является статус органа – его решения носят консультативный характер. Современная интерпретация термина «совет» – это образование, в деятельности которого принимают участие представители общественности, с закреплённой формализованной структурой[6]. Государственные органы закрепляют ряд полномочий за конкретным советом и консультируются по вопросам, касающимся компетенции того или иного совета. Советы образуются при органах исполнительной власти на всех уровнях: федеральном – например, Совет безопасности РФ, предусмотренный Конституцией РФ (п. «ж» ст. 83), региональном – например, Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, и местном – например, молодёжный совет при главе администрации муниципального образования город-курорт Геленджик. Цель создания советов на всех уровнях государственного управления может быть разной, зачастую советы создают для консультации с экспертами по специальным (отраслевым) вопросам. Также советы помогают в разработке законодательства и государственного, регионального или местного бюджета. В некоторых отраслях советы создают для отслеживания (мониторинга) за исполнением решений органов власти. Ещё одной причиной создания советов может быть помощь в осуществлении некоторых государственных полномочий, делегированных советам государственными органами.

С точки зрения формирования структуры гражданского общества, создание советов говорит о заинтересованности государства в позиции своего народа. Основным показателем, т.е. подтверждением того, что государство – в лице органов власти – проявляет интерес к своему народу, является использование и непосредственное применение в своей деятельности тех рекомендаций и предложений, которые оно получило при взаимодействии с тем или иным советом.

На федеральном уровне остановимся на советах при Президенте РФ. Спектр направления их деятельности обширен, об этом говорит их количество –18[7]. Выделить самый важный или доминирующий из всех советов при Президенте РФ невозможно, так как у каждого совета свои функции и назначение. Как отмечает С.А. Авакьян, практика образования советов и комиссий при Президенте РФ весьма динамична. За годы существования президентуры ряд таких органов появился, какое-то время функционировал, далее их упраздняли, реорганизовывали, создавали новые. Каких-то четких критериев образования или советов, или комиссий при Президенте тоже не обнаруживается, скорее всего это вопросы усмотрения Президента, тем более, что были факты преобразования одного органа в другой [1]. Например, Совет по делам инвалидов преобразован в Комиссию при Президенте РФ по делам инвалидов; Комиссия по правам человека при Президенте была преобразована в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Сначала была образована Комиссия по правам человека при Президенте РФ. Указом Президента РФ от 6 ноября 2004 она преобразуется в Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. В свою очередь, Указом от 1 февраля 2011 г. данный Совет преобразуется в Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Этим Указом утверждены Положение о Совете и его состав.

Основные задачи Совета предопределены его названием. Он оказывает содействие главе государства в реализации его конституционных полномочий в области обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, содействует развитию институтов гражданского общества в Российской Федерации.

Это один из немногих Советов при Президенте РФ, председателем которого является ученый, одновременно представляющий общественные объединения, а среди членов Совета – журналисты, правозащитники, политики, ученые и нет чиновников публичной власти.

Более регулярными являются заседания Совета – не реже одного раза в два месяца (другие советы заседают, как правило, один раз в шесть месяцев). В случае необходимости могут проводиться внеочередные заседания. Совет формирует из числа членов Совета постоянные и временные комиссии и рабочие группы по направлениям своей деятельности.

Для решения текущих вопросов деятельности Совета формируется президиум Совета. В состав президиума Совета входят представители комиссий и рабочих групп Совета, избираемые из составов комиссий и рабочих групп на заседаниях. Персональный состав президиума Совета подлежит ротации один раз в полгода. Президиум

Совета возглавляют три сопредседателя, одним из которых по должности является председатель Совета, а двое других избираются из состава президиума Совета на заседании президиума Совета.

На региональном уровне также действует ряд советов, например, Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Помимо этого, согласно постановлению главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 21.03.2014 № 217 «О порядке образования общественных советов при органах государственной власти Краснодарского края» в крае действует ещё ряд советов по отраслям. Например, Общественный совет при управлении по надзору в области долевого строительства Краснодарского края или Общественный совет при государственном управлении ветеринарии Краснодарского края и другие. Ежегодно Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека представляет губернатору отчёт о своей деятельности в виде докладов. В рамках доклада освещается два раздела: «Гражданское общество Кубани: институты и процессы» и «Общество и власть: обратная взаимосвязь», которые имеют подразделения. По каждому направлению освещаются проблемы и пути их решения, итогом каждой главы служит заключительный пункт: выводы и рекомендации. Руководство Совета уделяет внимание взаимодействию общественных организаций (в том числе и НКО) с органами местного самоуправления[3]. Ведь власть на местах должна отражать интересы и потребности своего населения, что не всегда соответствует действительности. При помощи ряда благотворительных и социально-ориентированных организаций, Совет при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека провёл ряд мероприятий, таких как «День добра» 4 декабря 2014г в МБДОУ МО г.Краснодар «Детский сад №24», профилактическое занятие «Зимние правила безопасности» 3 декабря 2014 в ГКУ СО КК «Краснодарский реабилитационный центр» [9]. На сайте Совета можно найти информацию о предстоящих заседаниях и мероприятиях.

В последние годы в обществе очень активно обсуждается истинность тех общественных представителей, которые должны представлять интересы народа в советах. Так, в одном из эфиров радио «Свобода» 29.09.2011 года, обсуждалась данная проблема: «Общественные советы при исполнительной власти: ширма или институт гражданского общества?». Особый интерес уделялся третьему созыву членов Общественного совета при ГУВД г. Москва, так как в него вошли актёры и артисты, а известных российских правозащитников оставили без внимания. В обсуждении приняли участие член Общественной палаты, поэт – Андрей Дементьев, президент фонда «Холокост» и по совместительству бывший член Общественной палаты г.Москва – Алла Гербер, а также адвокат и член Общественной палаты г. Москва – Елена Лукьянова. Так, Андрей Дементьев отметил: «...Мы все работаем честно, мы все работаем на общественных началах. Время, которое отнимаю на командировки, на заседания, на письма, на почту и так далее, я отнимаю у своего творчества» [8]. Эти слова подтверждают тезис о том, что общественные советы – это институты гражданского общества, а не ширма или орган, созданный для отвода глаз.

В заключении отметим, чем больше различных советов в сферах деятельности и уровнях государственного управления создаётся государством, тем меньше вероятность, что органы власти допустят ошибку в той или иной сфере. Так как советы отслеживают динамику и решают проблемы в отраслях своей компетенции, привлекая при этом народных представителей и общественные организации (включая НКО).

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб.пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА –М, 2014. Т. 2. С. 395.
2. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. 1990г. Главы 1,3-5,9. // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/woslenskij.txt>
3. Ежегодный доклад главе администрации (губернатору) Краснодарского края о состоянии гражданского общества в Краснодарском крае 2013 году// [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL:<http://sovetsk-nko.ru/index.php/doklady-gubernatoru>
4. Кара-Мурза, С. Г. Советская власть / Советская цивилизация. — Т. I. // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL:http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a26.htm
5. Революция и гражданская война в России: 1917—1923 гг. Энциклопедия в 4 т. — М.: Терра, 2008. — Т. 4. — 560 с. — (Бол. энциклопедия).
6. Сайт Академик: словари и энциклопедии «Советы» // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL:<http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/88785/%D0%A1%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%A2%D0%AB>
7. Сайт Президента РФ «Советы при Президенте РФ» // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL: <http://state.kremlin.ru/council>

8. Сайт радио Свобода «Общественные советы при исполнительной власти: ширма или институт гражданского общества?» // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24344066.html>
9. Сайт Совета при главе администрации (губернаторе) Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека // [Электронный ресурс]/ Режим доступа: URL: <http://sovet-nko.ru/index.php>

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.03)

ЗАЧЕТ ТРЕБОВАНИЙ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ НАТУРАЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Болычевская Е.С.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г.Москва

Проблематика прекращения натурального обязательства зачетом связана с принципом приоритета добровольного исполнения и недопустимостью совершения кредитором несогласованных односторонних реализационных действий, а также с природой зачета как односторонней сделки, для совершения которой необходимо и достаточно выражения воли одной стороны.

Для прекращения обязательства односторонним зачетом требуется, чтобы требования были встречными, однородными и «созревшими» (ст. 410 Гражданского кодекса Российской Федерации («ГК РФ»)). К активному и пассивному требованиям, помимо указанных, иных требований закон не предъявляет. В частности, отсутствует условие, что активное или пассивное требование должно подлежать судебной защите. При этом, хотя в отношении содержания понятия «однородные требования» развернулась определенная научная полемика, но однородность относится, скорее, к объекту обязательства (предмету исполнения), нежели к характеру требования или природе самого обязательства. Более того, однородность – не то же самое, что тождественность.

Возникает вопрос, может ли требование, вытекающее из натурального обязательства, быть активным или пассивным требованием для целей одностороннего зачета. На наш взгляд, надлежит разграничивать три возможных ситуации и установить, допускается ли односторонний зачет:

требования кредитора по натуральному обязательству против требования, подлежащего судебной защите («Ситуация 1»);

требования, подлежащего судебной защите, против требования кредитора по натуральному обязательству («Ситуация 2»);

требования кредитора по натуральному обязательству против требования из натурального обязательства («Ситуация 3»).

При решении поставленных вопросов, полагаем, следует руководствоваться принципом справедливости и основными принципами исполнения натуральных обязательств, а также соображениями необходимости соблюдения прав стороны, получающей заявление о зачете, в т.ч. в части недопустимости неоправданного ухудшения ее имущественного положения.

Ситуация 1: активное требование – это требование кредитора, вытекающее из натурального обязательства, а пассивное требование – это требование кредитора, вытекающее из «обычного» обязательства.

Полагаем, зачет требования кредитора по натуральному обязательству против встречного требования, подлежащего судебной защите, недопустим. Кредитор по натуральному обязательству («Кредитор 1») не может произвести зачет своего требования, не подлежащего судебной защите, против обеспеченного судебной защитой требования должника, который одновременно является кредитором в «обычном» обязательстве («Кредитор 2»).

Во-первых, поскольку требование Кредитора 1 вытекает из натурального обязательства, Кредитор 1 может использовать только доступные ему «косвенные» механизмы для побуждения или принуждения Кредитора 2 – должника по натуральному обязательству к исполнению его обязанностей. Вместе с тем обсуждаемый механизм не является надлежащим, т.к. заявление Кредитора 1 о зачете фактически является осуществлением несогласованных односторонних реализационных действий, которые недопустимы.

Во-вторых, в результате совершения подобного зачета может иметь место нарушение прав стороны, получающей заявление о зачете, т.е. Кредитора 2, и неоправданное ухудшение имущественного положения такой стороны.

В литературе даже указывается на неоднозначный, на наш взгляд, критерий гарантированности активного требования; здесь проявляются отголоски небесспорного доктринального требования достоверности.

Ситуация 2: активное требование – это требование из «обычного» обязательства, а пассивное требование – это требование из натурального обязательства. Ситуация 2 является зеркальным отражением рассмотренной Ситуации 1; разница заключается также в субъекте инициативы – стороне, заявляющей о зачете: здесь – это Кредитор 2, а в Ситуации 1 – это Кредитор 1. Зачет требования, подлежащего судебной защите, против требования кредитора по натуральному обязательству, на наш взгляд, допустим.

Кредитор по «обычному» обязательству, т.е. Кредитор 2, может произвести зачет своего требования, подлежащего судебной защите, к должнику против не обеспеченного судебной защитой требования должника, одновременно являющегося кредитором в натуральном обязательстве, т.е. Кредитором 1. В данном случае нет нарушения прав и интересов Кредитора 1 как стороны, получающей заявление о зачете, или неоправданного ухудшения его имущественного положения, принцип справедливости и базовые принципы исполнения натуральных обязательств соблюдаются.

Более того, Кредитор 2 даже упрощает задачу Кредитору 1, который, хотя и не получает надлежащее исполнение натурального обязательства, но, тем не менее, его имущественные интересы остаются защищенными. Кроме того, Кредитор 2, будучи должником в натуральном обязательстве, заявляя о зачете, тем самым признает свой долг из натурального обязательства.

Ситуация 3: активное требование и пассивное требование – это требования, вытекающие из натуральных обязательств. На наш взгляд, зачет требования кредитора по натуральному обязательству против встречного требования из натурального обязательства допустим. Иная позиция о недопустимости зачета, хотя и может показаться аргументированной, все же не является в данном случае приемлемой.

Весомых причин, по которым кредитору должно быть отказано в возможности заявить о зачете, в рассматриваемой ситуации нет, вместе с тем предоставление такой возможности должно быть сделано в рамках исключения из общего правила по следующим соображениям.

В данном случае положение стороны, получающей заявление о зачете, т.е. должника (являющегося одновременно кредитором, имеющим встречное требование), в целом может ухудшиться, и могут возникнуть сомнения, не будет ли в данном случае иметь место нарушение прав и интересов такой стороны. Кроме того, подобные действия кредитора формально подпадают под признаки несогласованных односторонних реализационных действий.

Представляется, что отход от логики рассуждений, изложенных выше применительно к Ситуации 1, допускается, поскольку именно такое решение соответствует принципу справедливости, ведь оба кредитора и до зачета были лишены возможности прибегнуть к силе принуждения как таковой. Подобное исключение из принципа недопустимости осуществления кредитором несогласованных односторонних реализационных действий является разумным и отвечает основным принципам гражданского права.

Наделение кредитора по натуральному обязательству обсуждаемой возможностью на заявление зачета справедливо и целесообразно, ведь такая возможность предоставляется одновременно обеим сторонам, имеющим встречные требования. О добровольности исполнения или недопустимости недозволенных принудительных действий говорить не приходится, поскольку в данном случае исполнение как таковое отсутствует.

В этой связи необходимо обратить внимание на ст. 411 ГК РФ, содержащую перечень «незачетоспособных» требований. На наш взгляд, редакция статьи в целом оставляет желать лучшего. Как верно отмечается в литературе, не во всех случаях запрет зачета является оправданным. Более того, в том виде, в каком она сформулирована, норма закона распространяется как на активные, так и на пассивные требования, что, полагаем, не вполне разумно. Европейские кодексы, в частности, Франции или Германии, в этом отношении более совершенны: из текста очевидно, о каком требовании идет речь.

Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции, принятой в первом чтении 27.04.2012 г.) («Проект») предусматривал дополнение указанного перечня «требованиями, вытекающими из натуральных обязательств». С предложением авторов Проекта можно согласиться, но со следующими замечаниями. Представляется, что подобное ограничение допустимо лишь в отношении случаев, описанных выше применительно к Ситуации 1, т.е. предлагаемый запрет разумно распространять лишь на активные требования. Более того, следует предусмотреть исключение для

случаев, когда активное и пассивное требования – требования из натуральных обязательств, допустив односторонний зачет таких требований.

К проблеме одностороннего зачета примыкает проблема так называемого договорного зачета. Полагаем, что положения ст. 410 и ст. 411 ГК РФ (кроме условия о встречном характере требований) не должны распространяться на случаи договорного зачета. Подобный подход применительно к ст. 410 ГК РФ получил поддержку в судебной практике, что, к сожалению, нельзя сказать о ст. 411 ГК РФ. Если стороны выражают свое согласие на прекращение взаимных требований друг к другу, оснований не допускать договорный зачет и принуждать их производить исполнение обязательств, по нашему мнению, нет. Еще римские юристы исходили из того, что цель зачета – «устранение двойной передачи одних и тех же вещей». Зачем императивно требовать последнее, нам не ясно. Возможность изменения ситуации после вступления в силу изменений в ст. 407 ГК РФ о соглашении сторон как основании прекращения обязательств, остается под вопросом. Соответственно, по нашему мнению, не должны распространяться на случаи договорного зачета ограничения ст. 411 ГК РФ.

При этом представляется допустимым договорный зачет: (а) встречных требований из натуральных обязательств и (б) встречных требований, одно из которых – требование из натурального обязательства, другое – требование из «обычного» обязательства. Здесь соблюдаются права и интересы кредитора и должника по натуральному обязательству, отсутствуют несогласованные односторонние реализационные действия кредитора, т.к. должник выражает свою волю и совершает действия, направленные на прекращение обязательства.

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УСЛУГ

Кудрявцева Л.В.

Кандидат юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Российского государственного социального университета филиал в г.Анапе

Сложившаяся система гражданско-правовых договоров охватывает как прописанные в Гражданском кодексе РФ отдельные их виды, так и те, которые не нашли своего отражения в нем.

Особую сложность в правоприменительной практике представляют собой договоры, содержащие элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанные договоры), и договоры, не предусмотренные законом и иными правовыми актами (непоименованные договоры).

К этим группам можно отнести договор на оказание санаторно-курортных услуг.

Анализ современного законодательства показывает, что комплексных нормативных актов, регламентирующих именно содержание договора на оказание санаторно-курортных услуг, в настоящий момент не принято.

Вместе с тем развитие рыночных элементов в санаторно-курортной сфере нуждается и в грамотном правовом обеспечении обязательственных отношений между санаторно-курортной организацией (исполнитель) и физическим или юридическим лицом (заказчик).

При исполнении договоров на оказание санаторно-курортных услуг возникает ряд проблемных моментов.

Первый вопрос, который интересует юристов санаторно-курортных организаций: что является существенным условием рассматриваемых договоров, что следует включать в текст договора, чтобы, с одной стороны, не нарушить законодательство о защите прав потребителей (если договор заключается с физическим лицом), а с другой – учесть собственные интересы.

При решении вопроса о том, что является существенными условиями договоров на оказание санаторно-курортных услуг, следует руководствоваться аналогией закона, а именно положениями Федерального закона от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации"[1].

Исходя из смысла ст. 10 названного Закона, к существенным условиям договора об оказании услуг санаторно-курортного характера следует отнести:

полное и сокращенное наименование, адрес (местонахождение), а также почтовый адрес (если не совпадает с местонахождением) санаторно-курортного учреждения;

размер финансового обеспечения, номер, дату и срок действия договора страхования ответственности санаторно-курортной организации или банковской гарантии, наименование, адрес (местонахождение) и почтовый адрес организации, предоставившей финансовое обеспечение;

сведения о заказчике в объеме, необходимом для оказания санаторно-курортных услуг (ИНН, номер страхового свидетельства государственного пенсионного страхования, копия паспорта с адресом регистрации по

месту жительства – для физических лиц; копии свидетельств ОГРН, ИНН/КПП, выписка из устава, копия приказа о назначении руководителя – для юридических лиц);

общую цену оказываемых санаторно-курортных услуг;

информацию о потребительских свойствах санаторно-курортной услуги - программе пребывания, маршруте, характеристике лечебных процедур и т.д.;

права, обязанности и ответственность сторон;

условия изменения и расторжения договора;

сведения о сроках предъявления заказчиком претензий санаторно-курортной организации в случае нарушения данной организацией условий договора;

сведения о порядке и сроках предъявления заказчиком требований о выплате страхового возмещения по договору страхования ответственности санаторно-курортного учреждения либо об уплате денежной суммы по банковской гарантии.

Наличие существенных условий договора является обязательным в силу требований, установленных п. 1 ст. 422 и п. 1 ст. 432 ГК РФ. Кроме того, следует неукоснительно соблюдать предписания законодательства о защите прав потребителей (если контрагентом выступает гражданин - физическое лицо).

Отсутствие письменного договора или хотя бы одного из существенных (обязательных) условий договора должно рассматриваться как нарушение права потребителя на информацию, что может определять состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ [4].

Отсутствие общей цены санаторно-курортной услуги в договоре не является изначально нарушением права потребителя на информацию, так как санаторно-курортная путевка, которая в обязательном порядке содержит такую цену, является неотъемлемой частью договора.

Однако отсутствие общей цены санаторно-курортной услуги в рублях в договоре при отсутствии санаторно-курортной путевки может быть квалифицировано как административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ.

Среди юристов высказывается точка зрения, что санаторно-курортная путевка, по смыслу ст. ст. 160 и 434 Гражданского кодекса РФ, является письменной формой договора, поэтому дополнительно заключать договор не имеет смысла.

На наш взгляд, такая позиция представляется неверной.

Используя аналогию закона, исходя из положений ст. ст. 1 и 10 Федерального закона "Об основах туристской деятельности", санаторно-курортная путевка является необходимой частью договора, подтверждающей факт оплаты соответствующего вида услуг, но не является договором вообще.

Вследствие императивного характера указанных норм оформление санаторно-курортной путевки обязательно.

При этом данный документ является, прежде всего, бланком строгой отчетности, приравненным к кассовому чеку согласно положениям п. 2 ст. 2 Федерального закона от 22 мая 2003 г. N 54-ФЗ "О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт" [2].

Проводя дальнейшую аналогию закона, руководствуясь п. 2 ст. 2 Федерального закона от 22 мая 2003 г. N 54-ФЗ и разъяснениями Высшего Арбитражного Суда РФ, изложенными в Постановлении Пленума ВАС РФ от 31 июля 2003 г. N 16 "О некоторых вопросах практики применения административной ответственности, предусмотренной статьей 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за неприменение контрольно-кассовых машин", реализация гражданам санаторно-курортных услуг без оформления санаторно-курортной путевки влечет привлечение виновного субъекта к административной ответственности, предусмотренной ст. 14.5 КоАП РФ [3].

Таким образом, юридическим службам санаторно-курортных организаций при визировании договоров следует обращать внимание на наличие санаторно-курортной путевки. Невыполнение данного предписания может повлечь за собой неприятную процедуру административного производства со стороны Роспотребнадзора при самой первой проверке или жалобе.

Список литературы

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. N 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012) //Собрание законодательства РФ. -1996. - N 49.- Ст. 5491.
2. О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт: Федеральный закон от 22 мая 2003 г. N 54-ФЗ (ред. от 05.05.2014) //Собрание законодательства РФ. - 2003. - N 21. - Ст. 1957.

3. О некоторых вопросах практики применения административной ответственности, предусмотренной статьей 14.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за неприменение контрольно-кассовых машин: Постановление Пленума ВАС РФ от 31 июля 2003 г. N 16 //Вестник ВАС РФ. - 2004. - N 6.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2014) //Собрание законодательства РФ. – 2002. - N 1 (ч. 1). - Ст. 1.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Князев А.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, г.Санкт-Петербург

Институт недействительных сделок существует в течение достаточно продолжительного периода времени, но единого подхода к пониманию правовой природы недействительности сделок не выработано как в науке гражданского права, так и в гражданском законодательстве, поэтому вопрос о правовой природе является дискуссионным. А между тем, решение этого вопроса позволило бы отграничить недействительные сделки от других правовых явлений.

Исследуя институт недействительных сделок, наука пытается ответить на два главных вопроса:

- 1) Можно ли признать недействительную сделку юридическим фактом и сделкой вообще?
- 2) Что представляет собой недействительная сделка, правомерное действие или действие неправомерное (правонарушение)? Является ли правомерность обязательным признаком сделки?

Важно отметить, что отсутствие единого мнения в этом вопросе связано, прежде всего, с различным толкованием норм и положений Гражданского кодекса РФ в правоприменительной практике и науке гражданского права.

В научной литературе известными учеными-цивиристами высказываются различные мнения и подходы к пониманию данной проблемы, но они являются вариативными и зачастую противоречащими друг другу.

Так, некоторые ученые признают возможность признания недействительной сделки сделкой [2, 3], а другие такую возможность отрицают [1]. Основным аргументом противников, признание недействительной сделки сделкой является утверждение о том, что под сделкой следовало понимать то действие, которое приводит к желаемому правовому результату. Действия, которые не приводят к правовому результату или приводят не к тем результатам, на которое было направлено действие, не могут признаваться сделками. Если же недействительная сделка влечет за собой какие-либо правовые последствия, то только последствия, связанные с недействительностью сделки, наступления которых стороны не желали. Сущностным признаком сделки признается то, что в результате совершения этой сделки, наступают именно те правовые последствия, к которым стремились стороны. Еще одним признаком сделки, сторонники данной позиции, называли правомерность сделки. Недействительная сделка – есть неправомерное действие, и еще, поэтому не может являться сделкой[4].

В соответствии с легальным определением, которое содержится в ст. 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, под сделкой следует понимать действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей. Из определения сделки следует вывод, что сделки рассматриваются, как действие, и направлены на достижение определенных правовых последствий, а, именно, на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В определении отсутствует указание на то, что сделка должна влечь именно те правовые последствия, на которые была направлена воля сторон, а также указание на признак правомерности. Следовательно, сделками признаются, как действительные, так и недействительные сделки.

Ключевым элементом является лишь направленность на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей. Отсутствие необходимости наступления в сделке тех последствий, на которые направлена воля сторон, также вытекает из понятия действия как проявления воли лица вовне.

В этом случае, следует признать несостоятельной, позицию ученых, которые признают существенным признаком сделки то, что она не только направлена на достижение определенных правовых последствий, но и приводит к правовому результату, на который она направлена.

Недействительная сделка будет являться юридическим фактом в том случае, если недействительная сделка порождает возникновение определенных правовых последствий, в том числе последствий, связанных с ее

недействительностью (реституция), в случае, если такая сделка возникновения определённых правовых последствий не влечет, следовательно, признавать ее юридическим фактом мы не вправе.

Правомерность или недействительность, в свою очередь, являются особой формой правовой оценки действий. Что же касается сделки, как юридического факта, то она остается сделкой, как действие, специально направленное на достижение определённых правовых последствий. Правомерность этого действия, а также его действительность должны рассматриваться отдельно, вне всякой связи с местом сделок в системе юридических фактов, в основе которой лежит волевой признак.

При недействительности сделки, факт не обладает теми качествами, которые способны породить определенные правовые последствия в силу наличия определенного порока, т.е. они могут не возникнуть или возникнуть не те последствия, к которым стремились стороны. Недействительность лишь относится к последствиям сделки, а недействительная сделка остается сделкой.

Таким образом, в современных условиях необходимо продолжать исследование правовой природы недействительных сделок в целях определения возможных путей решения имеющихся теоретических проблем с учетом их практической реализации.

Список литературы

1. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946, № 3-4.
2. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Юридическая литература. 1954.
3. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., ЛГУ. 1960.
4. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт. 2000.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

Абдулаев А.Х.

Саратовская государственная юридическая академия, г.Саратов

Федеральным законом Российской Федерации от 7 мая 2013 г. №100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела 1 части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены существенные изменения относительно недействительности сделок.

В первую очередь это касается природы сделок. Сохраняя традицию деления сделок на ничтожные и оспоримые, названный Закон изменяет их содержание на явно противоположное. Если ранее действовавшая редакция ст. 168 ГК РФ устанавливала, что сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, ничтожна, если закон не устанавливает, что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения, то теперь такая сделка является оспоримой. Ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Такая «с ног на голову» перевернутая по сравнению с ранее действующим положением конструкция ничтожных и оспоримых сделок идет в разрез с принципами гражданского законодательства, одним из которых является равенство прав участников гражданских правоотношений. В указанной же редакции оспоримой и ничтожной сделки приоритет явно отдается государству как участнику гражданского оборота: сделки, затрагивающие публичные интересы ничтожны. За пределами публичности необходимо доказывать нарушение закона.

Анализируя ранее действовавшее положение о ничтожности и оспоримости сделок с ныне существующим их пониманием, можно отметить изменение позиции гражданского законодательства на принцип законности. происходит явное его ограничение, что является недопустимым с позиции правового государства. Ограничение ничтожности сделки признаком посягательства на публичный интерес явно свидетельствует о превосходстве государственного интереса над частно-правовым интересом в гражданских правоотношениях. Интересы государства остаются неприкосновенными в сфере действия гражданского законодательства.

Не понятно, как теперь соотносить требования ст. 124 ГК РФ, согласно которой «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в

отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами» с положениями ст. 168, которая нарушает равенство публично-правовых и частно-правовых субъектов гражданских правоотношений.

Превосходство в гражданско-правовой защите интересов государства подтверждается и положениями ст. 166 ГК РФ, закрепляющими, что суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов. А если это необходимо для защиты частно-правовых интересов? В этом случае субъект самостоятельно должен искать выход из ситуации.

На наш взгляд, ранее действующий подход к ничтожности и оспоримой сделок более отвечал требованиям защиты участников гражданских правоотношений.

Изменения, вносимые в ГК РФ названным выше Федеральным законом от 7 мая 2013 г. №100-ФЗ касаются последствий признания сделки недействительной по отдельным составам. Так, например, ранее действовавшая редакция ст. 169 ГК РФ, посвященная недействительности сделки, совершенной с целью, противоречащей основам нравственности и правопорядка, гласила, что «...При наличии умысла у обеих сторон такой сделки - в случае исполнения сделки обеими сторонами - в доход Российской Федерации взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой стороны взыскивается в доход Российской Федерации все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного». Теперь же суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно. Но опять же в случаях, установленных законом. На усмотрении суда находится и применение иных последствий, установленные законом.

Таким образом, если ранее норма о взыскании по сделке в доход государства при наличии умысла у обеих сторон являлась императивной, то теперь применение таких последствий возможно при наличии двух оснований: усмотрение суда и наличие разрешения закона на применение такого усмотрения. Становится интересным, исходя из каких побуждений суд должен решать вопрос о применении или неприменении последствий недействительности сделки в случае умысла у обеих сторон сделки? В целях реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, на уровне Верховного Суда РФ должны быть даны общие основания, от которых суды должны отталкиваться при принятии решения о применении рассматриваемого последствия недействительности сделки.

По-прежнему в законодательстве наблюдается неопределенность относительно того, что следует понимать под основами правопорядка и нравственности. В Российской Федерации понятия «правопорядок», «нравственность» не являются законодательно закрепленными, хотя активно используются законодателем, например, при конструировании составов административных правонарушений и уголовно-наказуемых деяний. Поэтому в большей степени «правопорядок» и «нравственность» являются категориями оценочными. Эта оценка наполняется новым содержанием в ходе правоприменительной практики. Однако в процессе защиты прав и свобод граждан, юридических лиц, публичных образований не должно быть широкого усмотрения суда при содержательной оценке данных понятий. Должны быть установлены общие ориентиры, от которых следует отталкиваться при принятии решения. В противном случае можно столкнуться с безграничным толкованием понятий «правопорядок» и «нравственность», так как у каждого правоприменителя свои оценочные суждения.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 мая 2000 г. № 5-Г00-59 под публичным порядком понимаются, в частности, основы правопорядка Российской Федерации, которые закреплены в первую очередь в Конституции и законах Российской Федерации (1). В Определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г., указывается, что под «публичным порядком Российской Федерации» понимаются основы общественного строя Российского государства» (2). В Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 19 июня 2001 г. № 60пв-02отмечается, что «нарушение публичного порядка подразумевает нарушение фундаментальных основ установленного в государстве правопорядка» (3).

Поэтому вполне можно согласиться с И.А. Покровским, отмечавшим, что «одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью, является требование определенности правовых норм. Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться» (3, с. 91).

Трудно согласиться с качеством введенных в ГК РФ новых оснований признания сделок недействительными. Так согласно ст. 173.1 ГК РФ сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость

получения которого предусмотрена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, уполномоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия.

Исходя из положений ранее действующей редакции ГК РФ, сделки без получения согласия являлись ничтожными, так как совершались в нарушение закона или иного нормативного акта. Так как такого рода сделки теперь являются оспоримыми на практике можно столкнуться с проблемами доказывания оспоримости сделки. Нужно будет доказать, что другая сторона сделки знала и должна была знать об отсутствии согласия другой стороны сделки на момент ее совершения.

Так, например, о ничтожности таких сделок указывается в Федеральном законе от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (5). В этом случае необходимо доказать факт нарушения закона.

Согласно Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (6) при обнаружении факта заключения договора от имени подопечного без предварительного разрешения органа опеки и попечительства последний обязан незамедлительно обратиться от имени подопечного в суд с требованием о расторжении такого договора в соответствии с гражданским законодательством. В этом случае сделка будет являться оспоримой. Нужно доказывать, что опекун или иное лицо знало о необходимости получения согласия на совершение сделки органа опеки или попечительства.

Поэтому при одних и тех же условиях недействительности сделки (наличие согласия) уровень защищенности субъектов гражданских правоотношений различен, что не допустимо с точки зрения принципов гражданского законодательства.

При анализе п. 1 ст. 173.1 следует, органы государственной власти или местного самоуправления вправе, но не обязаны обратиться с иском о признании сделки недействительной. Такой подход законодателя является в корне не верным, так как из целей и задач органов власти, их назначения в государственном механизме обжалование сделок является их прямой обязанностью, так в основе деятельности любого органа власти лежит принцип законности, защиты (обеспечения) прав и свобод граждан, интересов юридических лиц.

Порядок получения согласия на сделку устанавливается в ст. 157.1. ГК РФ, согласно которой «если на совершение сделки в силу закона требуется согласие третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, о своем согласии или об отказе в нем третье лицо или соответствующий орган сообщает лицу, запросившему согласие, либо иному заинтересованному лицу в разумный срок после получения обращения лица, запросившего согласие». На наш взгляд введение в ГК РФ положений данной статьи является излишним, так как существует очень много нормативных актов, предусматривающих обязательное согласование действий и решений. Обязательность такого согласия и необходимость обращаться к нормативным актам, устанавливающим такое согласие, уже следует из положений ст. 173.1 ГК РФ.

В рамках данной статьи мы рассмотрели лишь некоторые положения о недействительности сделок с учетом вступивших в силу с 1 сентября 2013 г. изменений. Но анализ уже этих положений показывает не об усилении, как предполагалось, правовой защищенности субъектов гражданских правоотношений, а о ее снижении в сфере совершения сделок. Это недопустимо с позиции правового государства и требует дополнительных законодательных проработок.

Список литературы

1. Определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2000 г. № 5-Г00-59 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г. № 5-Г98-60 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19 июня 2001 г. № 60пв-02 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
5. СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746; 2014. № 45. Ст. 6147.
6. СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1758; 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7543.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕННОЙ БУМАГИ В ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

Корнилова Н.В.

Хабаровская государственная академия экономики и права, г.Хабаровск

Одним из самых дискуссионных объектов гражданских прав являются ценные бумаги. Причём уже само определение ценной бумаги вызывает значительные трудности, как у законодателя, так и в доктрине. Несмотря на то, что в России понятие ценной бумаги было предметом рассмотрения учёных еще в 19 веке [7, с. 105-108], на протяжении долгого времени оно не получало закрепление в нормативно-правовых актах, в том числе и в кодифицированных актах. Схожую картину можно видеть и в зарубежном праве.

Так, ни Французский гражданский кодекс (далее – ФГК) [8], ни Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) [4] не дают определение ценной бумаги. Однако это не означает, что законодатель не оперирует данным понятием. В § 232 ГГУ указывается на возможность использования ценной бумаги с целью обеспечения исполнения обязательств; в § 234 ГГУ определяются критерии, предъявляемые к таким ценным бумагам, служащим обеспечением. В качестве таковых они могут выступать, если они выданы на предъявителя, имеют курсовую стоимость и принадлежат к категории ценных бумаг, в которые разрешено вкладывать деньги подопечного. В § 372 ГГУ говорится о возможности внесения ценных бумаг в депозит при просрочке принятия кредитором исполнения.

Впервые легальное определение ценной бумаги в странах континентальной системы права появилось в 1936 г. в § 965 Швейцарского обязательственного закона (далее – ШОЗ) [9], согласно которому ценной бумагой является любой документ, с которым право связано таким образом, что его нельзя осуществить или уступить независимо от документа. Нельзя не отметить, что в ШОЗ наиболее полно урегулированы вопросы правового режима ценных бумаг. Ценным бумагам посвящена часть пятая Швейцарского обязательственного закона (§§ 965 – 1186). В отличие от российского законодательства, в ШОЗ закреплены положения об именных и предъявительских ценных бумагах, векселе, чеке и документах, аналогичных векселям и иным ордерным бумагам, товарораспорядительных документах в одном разделе, а не разрозненно.

Как отмечает Е.А. Васильев, с введением в правовые системы института ценных бумаг удалось установить простой порядок передачи прав, зафиксированных в ценных бумагах; упростить порядок легитимации лица, то есть признания правопорядком его в качестве кредитора, имеющего право на осуществление и передачу содержащегося в ценной бумаге права; создать императивно регулируемую неразрывную связь между правом собственности на бумагу и правом, зафиксированным в бумаге, которая выражается в том, что собственник бумаги является главным кредитором должника по ценной бумаге; ограничить возражения, которые могут быть выдвинуты должником по ценной бумаге, лицом против требования, вытекающего из ценной бумаги [3].

Обзор законодательства постсоветских стран также показывает, что в кодифицированных актах содержатся определения ценной бумаги. В соответствии со ст. 143 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2] ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении.

В некоторых странах пошли по иному пути, а именно закрепили в кодифицированных актах положения об отдельных видах ценных бумаг. Так, в Торговом кодексе Республики Венесуэла (далее – ТК РВ) [6] содержатся положения об акциях (ст. 292 – 299), облигациях (ст. 300 – 303), векселе (ст. 410 – 488), чеке (ст. 489 – 494). Однако, несмотря на значительный объём нормативного материала, посвящённого вышеуказанным ценным бумагам, как таковое определение названных ценных бумаг отсутствует в ТК РВ. Так, согласно ст. 292 ТК РВ акции должны иметь одинаковую стоимость и давать их владельцам равные права, если устав не предусматривает иное. Раздел VII «О векселях» ТК РВ начинается со статьи о содержании векселя (ст. 410).

В Израиле отдельным видам ценных бумаг посвящены специальные законы. В Ордонансе о векселях 1957 г. [1] даются определения простого и переводного векселя, чека. В части первой данного Закона говорится о том, что его надлежит толковать в соответствии с нормами английских законов (выделено мною – Н.К.) о переводных векселях, чеках и простых векселях, за исключением тех норм, которые не совместимы с положениями Закона. В Англии законом, которым регулируются векселя и чеки, является Закон о векселях 1882 года. Вместе с тем нельзя не заметить, что праву стран с англо-американской системой права неизвестен институт ценных бумаг в том понимании, в котором он предусмотрен в странах с континентальной системой права. В данных странах таким объектом права являются оборотные документы. Истоки этого института лежат в вексельном праве, которое развивалось как обычай купеческого сословия. Что же понимается под оборотным документом? Это означает

возможность передачи прав, выраженных в документе, путём вручения самого документа с передачей лицу, приобретающему документ, безусловного юридического титула независимо от дефектов в юридическом титуле лица, передавшего документ [3]. Наиболее полно оборотные документы урегулированы в Единообразном торговом кодексе США (далее – ЕТК) [5], в котором, наряду с разд. 3 «Оборотные документы (Negotiable instruments)», содержатся разд. 7 «Складские свидетельства, коносаменты и другие товарораспорядительные документы» и 8 «Инвестиционные ценные бумаги».

В соответствии со ст. 3-104 ЕТК оборотный документ означает безусловное обещание или приказ уплатить определённую сумму денег с процентами или без них либо с иными начислениями, указанными в обещании или приказе, если документ: 1) подлежит оплате предъявителю или приказу в момент выдачи, либо когда он впервые попадает во владение держателя; 2) подлежит оплате по востребованию или в определённое время; 3) не содержит никакого иного обязательства или указания лица, обещавшего или приказавшего совершить платёж, на совершение иных действий в дополнение к уплате денег. К оборотным ценным бумагам относятся: вексель, чек и депозитный сертификат. Как видно из наименования раздела 8, известно ЕТК и понятие ценной бумаги. Согласно ст. 8-102 ЕТК ценная бумага – это пай, участие или другой интерес в имуществе или предприятии эмитента или обязательство эмитента. Инвестиционные ценные бумаги могут быть документированными либо недokumentированными. Если ценная бумага (security) является документированной, термины «ценная бумага» и «документированная ценная бумага» могут обозначать либо нематериализованный (intangible) имущественный интерес, либо документ, представляющий такой интерес, либо и то и другое, если это вытекает из текста. Причём в ст. 8-102 ЕТК особо отмечается, что документ, являющийся ценной бумагой, регулируется разд. 8, а не разд. 3, даже если он соответствует требованиям разд. 3. Если документированная ценная бумага была удержана или получена эмитентом или его агентом по трансферу по причинам иным, нежели регистрация передачи, другая временная цель, оплата, обмен или приобретение эмитентом, эта ценная бумага должна рассматриваться как недokumentированная. Товарораспорядительные ценные бумаги в соответствии со ст. 7-104 могут быть как оборотными, так и необоротными. Складское свидетельство, коносамент или иной товарораспорядительный документ является оборотным, если по его условиям товары подлежат выдаче предъявителю или приказу поименованного лица; или когда он признан в заморской торговле, если это документ, выписанный на имя определённого лица или его правопреемников.

Список литературы

1. Гражданское законодательство Израиля / научн. ред. Н. Э. Лившиц; сост., предисл., пер. с иврита М. С. Хейфец. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь / научн. ред. и предисл. В. Ф. Чигира. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
3. Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. М.: Международ. отношения, 2008. Т. 1. С. 323.
4. Гражданское уложение Германии : ввод. закон к Гражд. уложению / пер. с нем.; науч. ред. А. Л. Маковского. – 2-е изд., доп. М.: Волтерс Клувер, 2006.
5. Единообразный торговый кодекс США / пер. с англ. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. (Совр. зарубеж. и международ. частное право).
6. Законодательство Боливарианской Республики Венесуэла : сб. документов : в 3 т. М.: Международ. отношения, 2011. Т. 1.
7. Корнилова, Н.В. О понятии ценной бумаги. В сборнике научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные вопросы науки и образования»: в 16 частях / Н.В. Корнилова. Тамбов, 2015. С. 105-108.
8. Французский гражданский кодекс / науч. ред. и предисл. канд. юрид. наук Д. Г. Лаврова; пер. с фр. А.А. Жуковой, Г.А. Пашковской. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
9. Швейцарский обязательственный закон : федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса (Часть пятая. Обязательственный закон) от 30.03.1911 г. (по сост. на 01.03.2012 г.) / пер. с нем., фр. М.: Инфотропик Медиа, 2012.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПОНЯТИЕ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РФ

Богатикова А.Ю.

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа №3 с углубленным изучением отдельных предметов имени Героя Советского Союза В.И. Фадеева г.Самара

Введение.

Об актуальности темы настоящей работы "Общая характеристика и понятие физических и юридических лиц в гражданском праве РФ" свидетельствует тот факт, что одним из важных понятий Гражданского кодекса является категории "физическое лицо" и "юридическое лицо".

Гражданин является юридическим понятием, а его гражданство определяет перманентную политико-правовую связь лица и государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях.

Но на территории государства могут проживать граждане иностранцы, а также апатриды, не имеющие определенного гражданства. Они не подпадают под понятие "граждане", поэтому ГК использует более широкую категорию - "физические лица", в числе которых находятся и граждане и не граждане.

Категория юридических лиц - это социально-экономическая реальность, складывающаяся в результате определенных общественных преобразований. Закон закрепляет организационно-структурные, имущественные и функциональные особенности, определяет правовой статус, порядок создания юридических лиц.

На протяжении длительного времени в эпицентре внимания ученых находились вопросы понимания сущности юридического лица, в первую очередь в связи с его участием в хозяйственной жизни, и соответствующие теоретические воззрения достигли известной ясности и зрелости. Однако на современном этапе развития общественных отношений неизмеримо возросла актуальность и практическая значимость исследования наиболее серьезных правовых и экономических изъянов, скрытых в конструкции юридического лица, которые препятствуют этому базовому элементу экономики полноценно раскрыть свой потенциал. Из самой постановки проблемы явственно следует, что правовая природа юридического лица не может быть адекватно понята вне ее связи с главной ее составляющей - экономикой, а также без обращения в историческом контексте к имеющемуся теоретическому и экспериментальному наследию.

Все изложенное выше определяет актуальность темы, теоретическую и практическую значимость исследований в этой сфере.

Объектом исследования являются урегулированные правовыми гражданско-правовыми нормами общественные отношения возникающие в процессе реализации прав и обязанностей физических и юридических лиц.

Предмет исследования – физические и юридические лица, как носители субъективных прав и обязанностей, возникающих в сфере гражданских правоотношений.

Целью работы является исследование понятия и сущности категорий "физическое лицо" и "юридическое лицо" в гражданском законодательстве РФ.

Исходя из намеченной цели, в настоящей работе поставлены следующие основные задачи:

- раскрыть сущность и понятие физического лица;
- проанализировать гражданско-правовой статус физического лица;
- рассмотреть развитие и функции юридического лица;
- исследовать теоретические подходы к пониманию сущности юридического лица.

Гипотеза исследования состоит в предположительной формулировке отличий категорий "физическое" и "юридическое" лицо на основе формулировки их определений.

Методологическую основу работы составляют современные методы теории познания, включая: сравнительно-правовой, логико-юридический, системно-структурный, формально-логический и другие.

Структура работы продиктована целями и задачами исследования и включает в себя: введение, основную часть, заключение и список использованных в работе источников.

1. Общая характеристика и понятие физического лица.

Говоря об участии в гражданском обороте физических лиц, нельзя не заметить, что в нормах ГК РФ определенную (несколько отличную от публично-правовой) трактовку имеет понятие "гражданин" как лицо, находящееся в определенной правовой связи с государством. Провозглашая в качестве принципа правового регулирования юридическое (формальное) равенство всех участников гражданских правоотношений, законодатель тем самым уравнивает положение физических лиц вне зависимости от наличия или отсутствия у

них гражданства РФ⁸

В Конституции РФ для обозначения физических лиц употребляются такие категории, как человек (преамбула к Конституции; ст. 2; п. 2 ст. 17), человек и гражданин (ст. 2; п. 1 ст. 17), обвиняемый в совершении преступления (п. 1 ст. 49), обвиняемый (п. 3 ст. 49), осужденный за преступление (п. 3 ст. 50), должностные лица (ст. 53).

В Комментариях к Конституции РФ говорится о правах и свободах гражданина, "лиц, являющихся гражданами Российской Федерации", граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства (комментарий к ст. 17 Конституции РФ)⁹, а также ряда других категорий физических лиц, включенных в правоотношения и являющихся носителями прав и свобод.

Вместе с тем и в самой Конституции РФ, и в Комментариях к Конституции РФ для обозначения субъектов и объектов правоотношений используется психологическая категория личности. "Достоинство личности, - говорится в п. 1 ст. 21 Конституции РФ, - охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления". В Комментариях к Конституции РФ отмечается, что сама Конституция является сводом "основных правил жизни личности, общества и государства".¹⁰

Таким образом, анализируя используемые в некоторых правовых нормах и в толкованиях к ним различного рода понятий, обозначающих субъектов и объектов правоотношений в обществе, можно видеть, что наряду с теми из них, которые имеют непосредственное отношение к физическим лицам, а также к их деятельности в качестве субъектов и объектов, имеются и те, которые имеют отношение к внутреннему содержанию этих субъектов и объектов, или их "внутренней, социально обусловленной качественности", определяемой через психологическое понятие личности.

Гражданин - понятие юридическое. Гражданство определяет постоянную политико-правовую связь лица и государства, находящую выражение в их взаимных правах и обязанностях. Отсюда вытекает, что гражданское законодательство под понятием "граждане" имеет в виду граждан данного государства - Российской Федерации.

Гражданин (физическое лицо) как участник гражданских правоотношений обладает рядом общественных и естественных признаков и свойств, которые определенным образом индивидуализируют его и влияют на его гражданско-правовое положение (статус). К ним следует отнести:- имя;- гражданство;- возраст;- семейное положение;- пол;- состояние здоровья.

Обобщая, можно сформулировать следующее определение физического лица – это гражданин Российской Федерации, иностранного государства либо лицо без гражданства, наделённое правами и обязанностями в силу самого факта существования. Иными словами, это человек, который выступает в качестве субъекта правоотношений. В силу рождения он обладает правоспособностью, в силу возраста и субъективных качеств – дееспособностью. Как первое, так и второе свойство может быть ограничено только законодательством и лишь по решению суда.

2. Общая характеристика и понятие юридического лица.

Термин «юридическое лицо» был впервые использован в гражданском праве. На протяжении длительного времени в эпицентре внимания ученых находились вопросы понимания сущности юридического лица, в первую очередь в связи с его участием в хозяйственной жизни, и соответствующие теоретические воззрения достигли известной ясности и зрелости.

Правовая природа юридического лица не может быть адекватно понята вне ее связи с главной ее составляющей - экономикой, а также без обращения в историческом контексте к имеющемуся теоретическому и экспериментальному наследию.

Значение института юридического лица можно понять, проанализировав функции, которые он выполняет в регулировании имущественного оборота.

- 1) Оформление коллективных интересов.
- 2) Объединение капиталов.
- 3) Ограничение предпринимательского риска.
- 4) Управление капиталом.

⁸ Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBERAMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013. С. 237.

⁹ См.: Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук.авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. - 688 с; Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, Н.И. Беседкина, А.Н. Головистикова и др.; под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Юстицинформ, 2014. - 616 с.

¹⁰ ЛобзовК.М. "Личность" как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Юридическая психология. 2014. N 2. С. 3 - 6.

Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что появление и развитие института юридического лица было обусловлено потребностями развивающегося экономического оборота, предопределившего появление в качестве самостоятельного участника общественного производства особого феномена - некоего олицетворенного имущества. Возникнув в недрах экономических общественных отношений этот социальный феномен неизбежно должен был найти себе юридическое признание.

Заключение.

Физическое лицо – это гражданин Российской Федерации, иностранного государства либо лицо без гражданства, наделённое правами и обязанностями в силу самого факта существования. Иными словами, это человек, который выступает в качестве субъекта правоотношений. В силу рождения он обладает правоспособностью, в силу возраста и субъективных качеств – дееспособностью. Как первое, так и второе свойство может быть ограничено только законодательством и лишь по решению суда.

Юридическое лицо – это организация, созданная и прошедшая регистрацию в порядке и на основаниях, определённых законом. Она может быть коммерческой и некоммерческой, обладать определённым перечнем имущества, участвовать в хозяйственно-экономической деятельности. По своим обязательствам юридическое лицо отвечает лишь той собственностью, которая находится у неё на балансе. Оно обладает определённой правовой формой, что определяется Гражданским кодексом России.

В завершение, подводя общий итог проведенному исследованию, сформулируем отличия категорий "физическое" и "юридическое" лица на основе их ключевых характеристик.

Возникновение. Физическое лицо – это создание природы. Организация создаётся человеком или группой лиц в установленном законом порядке и совершенно сознательно.

Дееспособность. Юридическое лицо приобретает полный набор прав и обязанностей в момент организации. Человек должен достичь соответствующего возраста и при этом отдавать отчёт своим действиям.

Ответственность. Юридическое лицо можно привлечь к административной или гражданской ответственности, физическое – ещё и к уголовной, а также дисциплинарной.

Прекращение. Человек прекращает свою деятельность в момент смерти (с остановкой дыхания и утратой биения сердца), организация – лишь после ликвидации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом изменений на 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 03.03.2014, N 9, ст. 851.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 02.03.2015) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О гражданстве Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 03.06.2002, N 22, ст. 2031.
4. Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBERAMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / сост. и науч. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2013.
5. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук.авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013. - 688 с.
6. Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, Н.И. Беседкина, А.Н. Головистикова и др.; под ред. Ю.А. Дмитриева. М.: Юстицинформ, 2014. - 616 с.
7. Лобзов К.М. "Личность" как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Юридическая психология. 2014. N 2. С. 3 - 6.

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЫ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ И Г.СЕВАСТОПОЛЕ

Баранов С.Н.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Согласно Конституции Российской Федерации: граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона. [1]

С 1 января 2015 года начал действовать Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N 377-ФЗ «О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» однако вопрос землепользования на указанных выше территориях никоим образом не регулируется. Необходимо отметить, что принятие федерального закона подобного плана должно регулировать и земельные правоотношения, возникающие в Крыму. [2]

Актуальным представляется изучение различных федеральных законов и их проектов, регулирующих земельные правоотношения на территории свободной экономической зоны для изучения возможных способов урегулирования режима землепользования на территориях с одноименным правовым положением.

11 октября 2014 года Госдумой в первом чтении был принят проект Федерального Закона «О развитии Крымского Федерального округа и свободной экономической зоне на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь».

С введением в Республике Крым и городе Севастополе особого правового режима, связанного с созданием на этих территориях свободной экономической зоны в целях развития Крымского федерального округа, в сферах привлечения и осуществления инвестиций, налогообложения, банковской деятельности, осуществления предпринимательской и иной деятельности, создания и функционирования свободных портов и свободной экономической зоны, применения таможенной процедуры свободной таможенной зоны, кадастрового учета, градостроительной деятельности, осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, въезда на территорию Республики Крым и города федерального значения Севастополь и выезда из Республики Крым и города федерального значения Севастополь иностранных граждан, привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, управления свободной экономической зоной. Ряд существенных изменений последует, в том числе, и в режиме землепользования на данной территории. [3]

В статье 9 вышеупомянутого проекта Федерального закона сказано, что предоставление земельных участков будет осуществляться в соответствии с земельным законодательством Российской Федерации. Следовательно, на территории Республики Крым и г. Севастополя, как территориях с особым правовым статусом, будет действовать так же ФЗ № 116 от 22 июля 2005 г. «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

В ч.2 ст.32 данного закона указано: «земельные участки в границах особой экономической зоны могут предоставляться во временное владение и пользование исключительно на основании договора аренды».

Одним из немаловажных аспектов данного ФЗ является то, что согласно ст. 35 «арендатор земельного участка, находящегося в государственной и (или) муниципальной собственности, не вправе сдавать его в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять земельный участок в безвозмездное срочное пользование...»

Учитывая положения статей 32 и 35 можно сделать вывод, что невозможность передачи права аренды на земельный участок другому лицу будет замедлять экономическое развитие региона, поскольку снизится инвесторский интерес на землю.

Однако следует заметить, что «собственники созданных ими объектов недвижимости имеют право выкупа расположенных под указанными объектами земельных участков в соответствии с законодательством Российской Федерации.» [4]

Возможность выкупа земельного участка представляется рациональным предоставлять только субъектам, соблюдающим определенные условия землепользования и оказывающим благоприятное воздействие на окружающую среду (рекреационные центры, заказники и др.). В зависимости от вида деятельности субъекта предпринимательской деятельности, срок по истечении которого земельный участок может быть выкуплен в частную собственность так же должен дифференцироваться в зависимости от уровня воздействия данного

субъекта на окружающую среду. Таким образом, установив ограничение на предельно минимальный срок (т.е. срок в течение которого земельный участок должен находиться в аренде) для приобретения земельного участка в частную собственность Законодатель мог бы обезопасить указанные объекты недвижимости от разного рода спекуляций тех лиц, которые не планируют использовать для ведения предпринимательской деятельности.

Подводя итог из выше сказанного можно сделать вывод, что с введением особой экономической зоны в Республике Крым и г. Севастополе перед Законодателем станет ряд вопросов в сфере землепользования, а именно:

1) Каким образом, не ограничивая конституционных прав граждан на осуществление права землепользования при осуществлении предпринимательской деятельности, не допустить централизации земель у определенного круга лиц, целью которых являлась бы ее дальнейшая перепродажа без намерений использования полученных земель – как важного ресурса для ведения предпринимательской деятельности;

2) Как сохранить благоприятный инвестиционный климат на территории Республики Крым и г. Севастополя, если согласно ФЗ-116 отсутствует возможность передачи земельного участка по договору субаренды или по договору безвозмездного бессрочного пользования, что с некоторых позиций делает невозможным привлечение инвесторов.

3) Возникает вопрос о необходимости введения специальных нормативных актов по регулированию землепользования. Поскольку свободная экономическая зона создается на территории Республики Крым и г. Севастополя всего на 25 лет, по истечению которых законодательство «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» перестанет действовать на данной территории, а значит и земельные правоотношения будут регулироваться общими положениями земельного законодательства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]: [от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с внесенными поправками от 21.07.2014)]. // "Собрание законодательства РФ". - 04.08.2014. - N 31. - Режим доступа: [<http://www.consultant.ru/popular/cons/>].
2. О развитии Крымского федерального округа и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. [Электронный ресурс]: [Федеральный закон от 29.11.2014 N 377-ФЗ]. // "Российская газета".- 03.12.2014 - N 6547. - Режим доступа: [<http://www.rg.ru/2014/12/03/krym-dok.html>].
3. О развитии Крымского Федерального округа и свободной экономической зоне на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь. [Электронный ресурс]: [Проект Федерального закона текст по состоянию от 04.09.2014]. // Режим доступа: [<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=122469>].
4. Об особых экономических зонах в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: [Федеральный закон от 22.07.2005 N 116-ФЗ]. // "Российская газета".- 27.07.2005 - N 162. - Режим доступа: [<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=149828&req=doc>].
5. Земельный кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]: [от 25.10.2001 (принят ГД ФС РФ 28.09.2001) (с внесенными поправками от 21.07.2014)]. // "Собрание законодательства РФ". - 29.10.2001. - N 44. - Режим доступа: [<http://www.consultant.ru/popular/cons/>].

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ: ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Воронов А.А., Федорков А.Е.

Воронежский институт высоких технологий, г.Воронеж
Санкт-Петербургский государственный университет, г.Санкт-Петербург

Вопросы правового регулирования отношений, связанных с реализацией результатов интеллектуальной собственности приобретают актуальность в современной России. Основная причина в этом – бурное развитие научно-технического прогресса, усложнение действующего законодательства, расширение сферы рыночных отношений, демократизация общества и т.д. Если говорить коротко, то указанная сфера отличается от всех любых сфер правовых и экономических отношений тем, что в ней происходит регулирование отношений, связанных с работой человеческого мозга, а не формального механизма.

Сегодня мы наблюдаем коренное изменение правовой основы, регулирующей сферу интеллектуальных отношений. В частности, правовое регулирование договорных отношений в сфере интеллектуального права с принятием части четвертой Гражданского кодекса РФ претерпело значительные изменения как терминологического, так и содержательного характера. Пожалуй, это один из немногих, но самых значимых случаев, когда принципы права промышленной собственности стали определяющими в сфере интеллектуального права.

Принятие 4-й части Гражданского кодекса Российской Федерации и вступление ее в силу с 2008 года ознаменовало новую эпоху в праве интеллектуальной собственности. Был сформирован емкий, сжатый и достаточно информативный массив норм, которые охватили все поле интеллектуальной собственности, заменив, тем самым, большое количество разноплановых законов, ответственных лишь за узкие области интеллектуального права.

Очевидным фактором развития исключительных прав в России следует считать не только само формирование нормативной базы, обеспечивающей регламентацию отношений соответствующей области, но и фактическую реализацию результатов интеллектуальной деятельности человека, облаченную в соответствующую услугу. Фактически, нас интересует не само «производство» интеллекта человека, облаченное в продукт, а то, каким образом этот продукт будет использоваться и в каких целях. Так как исключительные права являются особыми правами, то прежде чем ими пользоваться, их необходимо произвести. Содержанием же исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности является правомочие, функционально соотносящееся с правомочием «пользование», т.е. использование [1, с. 170].

Сегодня, в период, когда наконец то настала пора отойти от сырьевого направления в экономике и изменить курс в сторону развития высоких технологий и производства для наиболее активного и заинтересованного вовлечения интеллектуальной промышленной собственности в хозяйственный оборот следует осуществить концентрацию интеллектуальных ресурсов на прорывных технологиях, организовать подготовку современных специалистов в области создания инфраструктуры научного рынка [2, с. 8].

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) «формирование национальной инновационной системы, включая такие элементы, как интегрированная с высшим образованием система научных исследований и разработок, гибко реагирующая на запросы со стороны экономики, бизнес, инновационная инфраструктура, институты рынка интеллектуальной собственности, механизмы стимулирования инноваций и другие», является одним из основных направлений перехода Российской Федерации к инновационному социально ориентированному типу экономического развития [3].

В рыночной экономике нормативное обеспечение реализации и защиты исключительных прав являются достаточно серьезной основой ее эффективного развития. Поэтому в странах с развитой рыночной экономикой за длительный период ее эволюционного развития на принципах частной собственности создана всеобъемлющая нормативно-правовая база, регулирующая отношения и охраняющая права интеллектуальной собственности. Этого нельзя сказать в полной мере о защите исключительных прав в России.

Сегодня под интеллектуальной услугой понимают охраняемый законом вид деятельности, обусловленный процессом производства и приобретения новых знаний, который базируется на научных исследованиях и связан с консалтингом как деятельностью по предоставлению заказчику интересующей его актуальной информации и экспериментальными разработками как работой, направленной на производство и/или усовершенствование новых товаров или услуг, внедрение новых процессов и технологий, и т.п. [4].

Такое положение приводит к тому, что, несмотря на развитие правовых отношений рост экономики знаний, основные инструменты права и экономики не только не дают возможности для получения желаемого эффекта в деятельности хозяйствующих субъектов, но и просто не работают на рынке интеллектуальных услуг.

Важным является и то, какие основные проблемы сдерживают развитие рынка интеллектуальных услуг. Так, для российского рынка в целом характерны следующие проблемы [5]:

- 1) недостаточная «прозрачность» рынка интеллектуальных услуг, заключающаяся в том, что многие компании не оглашают свои финансовые показатели;
- 2) слабая нормативная база, не позволяющая должным образом регулировать отношения производителей и потребителей интеллектуальных услуг;
- 3) отсутствие объективных, стандартизированных критериев оценки качества услуг.

Как известно, для возникновения спроса на рынке интеллектуальных услуг необходимо совместное действие трех ведущих факторов: потребности, платежеспособности и способности к восприятию. Большинство экспертов считает, что на различных рынках имеется потребность во всех видах интеллектуальных услуг, и платежеспособность у различных заказчиков тоже становится все более высокой. Однако способность к

восприятию интеллектуальных услуг пока остается желать лучшего. Иными словами, грамотно потребить (использовать) интеллектуальные услуги может только грамотный пользователь. Мы считаем, что с ростом экономической грамотности населения в целом, и предпринимателей (руководителей фирм, в первую очередь), будет возрастать способность к адекватному восприятию интеллектуальных услуг, а это, соответственно, приведет к увеличению спроса.

Кроме того, мы считаем, что факторами будущего роста на рынке интеллектуальных услуг станут следующие причины, которые обусловят востребованность услуг: 1) ужесточение условий внешней среды (особенно – в части политики, законов, налогов, местного самоуправления, и т.п.); 2) нарастание проблем со сбытом; 3) усиление конкуренции.

Одним из главных приоритетов научно-промышленной политики должен быть эффективно действующий механизм создания и распространения всех видов инноваций (технологических, продуктовых, организационно-управленческих). Процесс воспроизводства знаний, разработок и практического опыта, приобретенных ценой концентрации лучших интеллектуальных, трудовых и материальных ресурсов, должен регулироваться, в первую очередь, мерами экономического стимулирования распространения нововведений, которые являются главной движущей силой модернизации экономики и вытеснения отживших неэффективных технологий.

Таким образом, в системе мер по оздоровлению российской экономики в целом и промышленности в частности остаются актуальными вопросы, связанные с правовой регламентацией исключительных прав, а это, в свою очередь, влияет на эффективность вовлечения в активный хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности.

Список литературы

1. Мерзликина Р.А. Право интеллектуальной собственности: учебник / .- 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика; Ставрополь: Сервисшкола, 2009. -560 с.
2. Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью. –М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2007. – 335 с.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). // Собрание законодательства РФ, 24.11.2008, № 47, ст. 5489.
4. Шапошников В.А. Рынок интеллектуальных услуг: сущность и диалектика формирования // Практический маркетинг №12 (166) 2010. С.3-12.
5. Воронов А.А. Правовое обеспечение исследования отношений на рынке интеллектуальных услуг как категории инновационной деятельности / И.Я. Львович, Р.Н. Феоктистов, А.А. Воронов // Проблемы современных экономических, правовых и естественных наук в России: Материалы Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2013 – С. 273-277.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ НОТАРИАТА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Беляева Н.А.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Юридический институт
г.Владимир

В статье освещены некоторые вопросы, связанные с осуществлением нотариальной деятельности в Российской Федерации. В условиях рыночной экономики значение этого института возрастает, так как нотариальная деятельность направлена на обеспечение интересов частных, общественных и государственных.

Ключевые слова: нотариат, нотариальное действие, правовые гарантии, гражданский оборот, нотариальное законодательство.

Появление нотариата связано со становлением и дальнейшим развитием гражданского оборота. Основная задача этого института - это закрепление на законодательном уровне прав и законных интересов граждан (физических лиц) и юридических лиц путем совершения нотариальных действий. Реализация нотариального действия сопровождается и обеспечивается гарантиями этой деятельности. В научной литературе под гарантиями понимается - «юридически значимый механизм обеспечения рассматриваемой деятельности, неукоснительно

реализуемый на основе конституционного закрепления права гражданина на квалифицированную юридическую помощь, как на законодательном, так и на правоприменительном уровне»¹¹. Основы нотариата, как основной закон, регулирующий нотариальную деятельность, определяют эти гарантии. Среди гарантий важное место занимают: независимость и законность нотариальной деятельности; обеспечение тайны в отношении нотариальных действий, строгое соблюдение нотариального законодательства и правил нотариального делопроизводства; ответственность нотариуса.

Все это способствует достижению основной цели нотариальной деятельности - обеспечение правовой защиты прав участников гражданского оборота. Следовательно, нотариат занимает особое место в системе права Российской Федерации. Особенность этой уникальной системы проявляется в том, что нотариат связывает сферу частного оборота с публичной сферой, одновременно решая задачи и частного оборота и публичной сферы в интересах всего общества, в интересах государства, не нарушая прав и законных интересов частных лиц, юридических лиц и публичных образований.

Нотариальное законодательство Российской Федерации имеет существенное правовое значение для гражданского оборота. Круг нормативно-правовых актов, которые регулируют нотариальную деятельность, определен в первых статьях Закона РФ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». К их числу относятся: международные договоры России, конституция РФ, Федеральные законы, законы субъектов РФ, и другие нормативные акты. Основные правила в отношении осуществления нотариальных действий содержатся в основах законодательства о нотариате. Основы являются основным правовым актом в системе нотариального законодательства и регулируют комплекс важных вопросов в сфере нотариата - систему и организационные начала этой деятельности, виды нотариальных действий, процессуальные правила их совершения, компетенцию нотариусов и других должностных лиц, наделенных законом совершать нотариальные действия, вопросы ответственности при причинении вреда. С развитием и усложнением гражданского оборота нотариальное законодательство не может оставаться неизменным, так как это может негативно отразиться на российском гражданском обороте. Значительное количество новых правовых норм и институтов было внесено в основы Федеральным законом № 457 от 29.12.2014 года. Несомненно, новые институты положительно разрешили многие проблемы связанные с решением нотариальных задач, от качества работы нотариальных органов зависит активность участников российского общества и, как следствие, нормальное функционирование гражданского оборота. Однако до настоящего времени, несмотря на достаточно серьезные изменения законодательства, не дало определение нотариата на правовом уровне. В литературе существуют разные подходы при толковании и определении данного термина. Есть мнение, что «нотариат - это система органов и уполномоченных государством должностных лиц, осуществляющих правовую защиту граждан и юридических лиц посредством выполнения нотариальных действий, направленных на юридическое закрепление интересов граждан и организаций, путем удостоверения бесспорных гражданских прав и юридически значимых фактов»¹².

Существуют и другие подходы к понятию нотариата. «Нотариат - это правовой институт, призванный обеспечить стабильность гражданского оборота, а также защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц посредством совершения нотариальных действий»¹³.

Правовой статус нотариата современное нотариальное законодательство определяет следующими характерными для российского нотариата признаками:

- система нотариата не ограничивается деятельностью государственных и частнопрактикующих нотариусов. Отдельные виды нотариальных действий вправе выполнять и другие лица, названные в законе. Это должностные лица консульских учреждений РФ, должностные лица органов местного самоуправления. Гражданский кодекс РФ, в частности ст.ст. 185, 1127, 1128 также предусматривает возможность совершения некоторых действий юридически значимых и по существу приравняваемых к нотариальным, определенным в законе кругом должностных лиц различных организаций. К их числу закон относит капитанов судов, командиров воинских частей, начальников мест лишения свободы, служащих банков и иных кредитных учреждений и т.д. Эти лица не всегда имеют специальную подготовку для выполнения нотариального действия, но их компетенция определена на законодательном уровне, они вправе выполнять неотложные нотариальные действия, когда отсутствует у заинтересованного лица возможность обратиться за нотариальной помощью в обычном порядке. Можно сделать вывод - в современный период формы нотариальной деятельности достаточно разнообразны. В целях своевременной защиты участников гражданского оборота необходимость принятия таких решений на

¹¹ См. Романовская О.В. Указ. соч. с. 69

¹² Румянцев В.Г. Тутин А.В. Институт нотариальной деятельности: понятие, сущность, содержание//История государства и права. 2009. №6.

¹³ Стещенко Л.А. Шамба Т.М. Нотариат в Российской Федерации. Учеб. М., 2001. с. 1

законодательном уровне диктуется самим гражданским оборотом. Это удобно физическим и юридическим лицам, выгодно обществу и государству, так как оперативно на основе и в рамках закона решаются задачи связанные с охраной собственности, укрепление законности и правопорядка, предупреждением правонарушений;

- нотариальные действия осуществляются от имени Российской Федерации. Деятельность нотариата имеет правовой характер, но предметом этой деятельности являются бесспорные дела;

- нотариальная деятельность не является предпринимательской. Нотариусы не вправе заниматься предпринимательской деятельностью. Закон обязывает нотариусов и должностных лиц, наделенных законом совершать нотариальные действия не разглашать тайну этих действий;

- основание и условия ответственности, по возмещению вреда причиненного субъектам гражданского оборота нотариусом или должностным лицом предусмотрены разными правовыми актами. Можно назвать главу 59 ГК РФ (в частности ст. 1069 ГК РФ);

- правовое основание для имущественной ответственности должностных лиц, наделенных правом совершать нотариальные действия. Основы предусматривают имущественную ответственность для нотариусов, занимающихся частной практикой. Трудовой кодекс РФ определяет ответственность для государственных нотариусов;

- содержание и значение конкретных нотариальных действий заключается в том, что от имени государства при оказании юридической помощи закрепляются официально бесспорные права физических лиц, юридических лиц, тем самым создаются доказательства в отношении юридически значимых фактов гражданского оборота, в том числе и для судебных органов при рассмотрении споров;

- процессуальные нормы, которыми руководствуются нотариусы. отдельные должностные лица. наделенные законом совершать эти действия обеспечивают быстрое и правильное разрешение бесспорного дела.

Проанализировав основные, закрепленные на законодательном уровне признаки нотариата можно сделать следующие выводы о понятии нотариата - «нотариат - это самостоятельный правовой институт с элементами правоохранительных функций, наделенных законом от имени государства закреплять путем совершения нотариальных действий, в рамках нотариального производства конкретные права и законные интересы субъектов гражданского оборота, создавая тем самым неопровержимые доказательства законности этих прав».

Последующее развитие системы нотариата и нотариального законодательства тесно связано с развитием российского общества, с экономическим развитием отдельных регионов России. В настоящее время субъекты гражданского оборота желают решать свои вопросы быстро, надежно и при этом иметь правовые гарантии. Все эти требования приобретают социальное и общественное значение. Оказать помощь в том поможет активная модель нотариата, роль которого в жизни общества в современный период все больше повышается.

Список литературы

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате № 4462-1 от 11.02.1993 г.
2. Волкова И.А., Щербачева Л.В. Нотариат: учеб. пособие для студентов вузов, 3-изд. перераб. и дом. - М.: Юнита - Дана: 2009.
3. Сучкова И.В. Нотариат: учеб. для бакалавров. Москва- Юрайт - 2013

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Щербачева Л.В., доцент, к.ю.н.

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

В современном мире внутригосударственное правовое регулирование интеллектуальной собственности во многом предопределяется положениями международных договоров, действующих в данной области. Заключение международных договоров позволяет обеспечить охрану и защиту прав российских граждан за рубежом. В свою очередь, вступая в международные договоры, Российская Федерация гарантирует предоставление на предусмотренных ими условиях и в установленных ими пределах охраны прав на произведения и объекты смежных прав иностранным правообладателям. Тексты большинства международных договоров и сведения о присоединившихся к ним странах приведены на сайте Всемирной организации интеллектуальной собственности: www.wipo.org. Правовая система интеллектуальной собственности образована национальным законодательством и международными договорами. Национальное законодательство обычно соответствует международным

договорам, членами которых являются те или иные страны. Хотя национальные нормы в отношении интеллектуальной собственности появились в XV в., но лишь в конце XIX в. вступили в силу два первых международных договора: в 1883 г. была принята Парижская конвенция по охране промышленной собственности, а в 1886 г. – Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Нормы и положения этих конвенций стали основой международного права интеллектуальной собственности. В конце XIX – начале XX в. появились новые международные договоры, регулирующие правоотношения, связанные с различными объектами творческой и интеллектуальной деятельности, которые расширили охрану, установленную Бернской и Парижской конвенциями. Международные договоры в области интеллектуальной собственности делятся на три группы:

Договоры об охране объектов интеллектуальной собственности:

- Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (1967 г.);
- Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.);
- Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886 г.) и др.

Договоры о регистрации объектов интеллектуальной собственности:

- Лиссабонское соглашение об охране указаний мест происхождения и их международной регистрации (1958 г.) и др.

Договоры о классификации объектов интеллектуальной собственности:

- Венское соглашение об учреждении Международной классификации изобразительных элементов знаков (1973 г.) и др.

Административные функции в отношении большинства вышеперечисленных договоров выполняет Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). Всемирная торговая организация (далее – ВТО) выполняет такие функции в отношении Соглашения по Торговым Аспектам Прав Интеллектуальной Собственности (ТРИПС). ЮНЕСКО выполняет административные функции в отношении Всемирной конвенции об авторском праве. Административные функции в отношении Римской конвенции выполняются ЮНЕСКО и Международной организацией труда совместно с ВОИС. Рассмотрим некоторые Конвенции и договора, действующие в области охраны и регулирования интеллектуальной собственности на международном уровне. В 1967 г. на дипломатической конференции в Стокгольме была создана ВОИС – Всемирная организация интеллектуальной собственности, которая вобрала в себя функции секретариата практически всех союзов и организаций по охране интеллектуальной собственности. В настоящее время ВОИС является специализированным органом Организации Объединенных Наций. Целью создания ВОИС явилось придание интеллектуальной собственности экстерриториального, национального характера путем признания единых норм в области интеллектуальной собственности, согласования с ними основных норм национальных законодательств. ВОИС как международная организация включает в себя несколько международных союзов, прежде всего Парижский и Бернский. Эти союзы сохранили свою автономию, свои задачи и свои бюджеты, в то время как ВОИС координирует усилия в области интеллектуальной собственности в целом. Членство в ВОИС того или иного государства не означает автоматического присоединения к Парижскому или Бернскому союзу. Более того, допускается членство в ВОИС государств, которые не входят ни в один из этих союзов. Важнейшим видом деятельности ВОИС является оказание помощи развивающимся странам в вопросах интеллектуальной собственности, повышения уважения к этому виду человеческой деятельности. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, являющаяся старейшим международным договором, образует фундамент международной системы охраны авторских прав. Именно год подписания первой редакции Бернской конвенции (1886 г.) по праву считается началом отсчета международного периода охраны авторских прав. В настоящее время участниками этой Конвенции являются все промышленно развитые страны и большинство менее развитых стран мира. Российская Федерация является членом Бернской конвенции с 13 марта 1995 г. Конвенция устанавливает, как общие принципы, так и специальные минимальные стандарты охраны авторских прав. В число общих принципов входят: 1) охрана авторского права без каких-либо формальностей; 2) национальный режим охраны; 3) национальная независимость охраны авторских прав. Что означает, что регистрация охраны авторского права в разных странах не зависит от охраны в стране его происхождения. Бернская конвенция содержит подробные правила определяющие содержание авторских прав. Во-первых, это личные имущественные и неимущественные права, объем и порядок судебной защиты которых должен устанавливаться национальным законодательством того государства, где предъявляется требование об охране. Во-вторых, это специальные права, оговоренные в самой Конвенции, реализация которых может происходить без отсылки к законодательству ее стран-участниц. При определении субъектов охраны в Бернской конвенции используется территориальный принцип охраны. Предпочтение имеет страна происхождения произведения (страна первого опубликования). Решающим признаком является не национальность (гражданство) автора, а

национальность произведения, однако в отдельных случаях учитывается и национальность автора. В 1952 г. по инициативе ЮНЕСКО была принята Всемирная (Женевская) конвенция об авторском праве, имеющая более универсальный характер, чем Бернская. Российская Федерация формально считается участницей Всемирной конвенции об авторском праве с 27 мая 1973 г., т.е. с даты, когда эта Конвенция вступила в силу для Советского Союза. В преамбуле Конвенции подчеркивается, что ее цель – дополнить уже действующие нормы международного авторского права, но не заменить или нарушить их. Всемирная конвенция содержит большое количество отсылок к национальному законодательству, меньший объем материально-правовых предписаний, чем в Бернской конвенции. Для стран-участниц Всемирной конвенции нет необходимости изменять свои особые национальные системы авторского права. Женевская конвенция закрепляет принцип национального режима охраны авторских прав иностранцев. Его смысл заключается в том, что опубликованным за рубежом произведениям иностранных авторов стран-участниц в данном государстве должна предоставляться такая же охрана, которая по его внутреннему законодательству уже предоставлена произведениям собственных граждан, впервые опубликованным в данной стране. На этих же условиях подлежат охране не выпущенные в свет произведения граждан государств-участников Конвенции. Главное различие между Бернской и Женевской конвенциями состоит в том, что если первая направлена на установление относительно однообразного правового режима охраны авторских прав в странах-участницах, то основная цель второй – обеспечить защиту авторских прав иностранцев в соответствии с национальным законодательством государств-членов. Со второй половины XX века в международном частном праве начала складываться система международных договоров, посвященных охране так называемых смежных прав авторов, то есть отношений, возникающих в связи с созданием и использованием фонограмм, исполнений, постановок, передач организаций эфирного и кабельного вещания.

Список литературы

1. Абдулин А.И. Интеллект и право: правовая охрана интеллектуальной собственности. - М., 2001.
2. Всемирная торговая организация (World Trade Organization (WTO) – международная организация, созданная в 1995 году с целью либерализации международной торговли и регулирования торгово-политических отношений государств-членов. ВТО является преемницей Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенного в 1947 году и на протяжении почти 50 лет фактически выполнявшего функции международной организации.
3. Мэггс П.Б., Сергеев А. П. Интеллектуальная собственность. - М.: Юристъ, 2000
4. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. 2-е изд. - М., 2001
5. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности. - М.: Проспект, 2010. С. 8.

ПРОБЛЕМАТИКА ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЗАЛОГА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Шаина М.А., магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, адвокат, член Палаты Адвокатов Кемеровской области

В соответствии с нормами действующего гражданского законодательства к числу способов, направленных на обеспечение исполнения обязательств, среди прочих, относится залог.

Законодатель в статье 334 Гражданского Кодекса РФ дает следующее определение залога - "В силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя)".

Закон связывает возникновение залога с заключением соответствующего договора. При этом, не исключаются случаи возникновения залога при наступлении обстоятельств, указанных в законе (в практике подобный вид залога получил название "залога в силу закона").

В случае ненадлежащего исполнения обязательств должником, кредитор наделен правом получения исполнения посредством обращения взыскания на заложенное имущество.

При этом, как Гражданский Кодекс РФ, так и Закон "Об ипотеке (залоге недвижимости)" №102-ФЗ от 16.07.1998 года позволяют передавать в залог как движимые так и недвижимые вещи, в том числе и жилые помещения.

Конституция РФ гарантирует каждому свободу экономической деятельности, включая свободу договоров, право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и

совместно с другими лицами, признание и защиту указанных прав и свобод, в том числе судебную защиту, реализуемую на основе равенства всех перед законом и судом¹⁴.

При этом наибольший интерес в настоящее время представляет вопрос о возможности получения исполнения кредитором в случае передачи в залог жилого помещения, являющегося для должника и членов его семьи единственным жилым помещением, пригодным для постоянного проживания. Так, абзац второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ гласит - "Взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на следующее имущество, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности: жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением указанного в настоящем абзаце имущества, если оно является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание". Часть первая статьи 78 Федерального закона №102-ФЗ от 16.07.1998 г. "Об ипотеке (залоге недвижимости)" говорит нам о том, что "Обращение залогодержателем взыскания на заложенные жилой дом или квартиру и реализация этого имущества являются основанием для прекращения права пользования ими залогодателя и любых иных лиц, проживающих в таких жилом доме или квартире, при условии, что такие жилой дом или квартира были заложены по договору об ипотеке либо по ипотеке в силу закона в обеспечение возврата кредита или целевого займа, предоставленных банком или иной кредитной организацией либо другим юридическим лицом на приобретение или строительство таких или иных жилого дома или квартиры, их капитальный ремонт или иное неотделимое улучшение, а также на погашение ранее предоставленных кредита или займа на приобретение или строительство жилого дома или квартиры".

То есть, получить удовлетворение за счет заложенного имущества - жилого помещения, кредитор может лишь при соблюдении ряда условий, названных в законе.

Но интересен и другой вопрос, имеет ли право кредитор на заключение договора залога жилого помещения, являющегося для залогодателя-должника единственным жилым помещением, пригодным для постоянного проживания; входит ли в круг обязанностей кредитора выяснять статус залогового имущества - жилого помещения на предмет того обстоятельства является ли данное жилое помещение единственным, пригодным для проживания.

По смыслу закона от 16.07.1998 г №102-ФЗ залог жилых помещений не исключается. В частности, законодатель очертил круг объектов недвижимого имущества, которые могут быть предметом залога. Это пригодные для постоянного проживания индивидуальных и многоквартирных жилых домов и квартир, принадлежащих на праве собственности гражданам или юридическим лицам¹⁵. При этом закон прямо запрещает передачу в ипотеку жилых помещений, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Указанный запрет, по-видимому, продиктован соображениями природы правомочий собственника вещи - владение, пользование и распоряжение. Наниматель по договору социального найма собственником нанимаемого им жилого помещения не является, а значит, он лишен возможности распоряжения указанным имуществом.

Ни Гражданский Кодекс РФ, ни Закон "Об ипотеке (залоге недвижимости)" №102-ФЗ от 16.07.1998 года не содержит ограничений по передаче в залог жилых помещений, находящихся в собственности заемщика либо третьих лиц, выступающих в роли залогодателя - третьего лица. Как нет и обязанности кредитора по проверке статуса жилого помещения, подлежащего передаче в залог.

Системное толкование Главы 13 закона №102-ФЗ от 16.07.1998 года позволяет сделать вывод о том, что запрета на передачу в залог жилого помещения, являющегося единственным пригодным для постоянного проживания для залогодателя, нет. Однако, в статье 78 закона №102-ФЗ от 16.07.1998 года поименован ряд условий, только при наличии которых, возможно обращение взыскания на заложенное жилое помещение, даже обладающего спорным статусом "единственного, пригодного для постоянного проживания".

То есть, обеспечительная функция залога, в случае обременения им жилого помещения, переданного в обеспечение возврата кредита / займа, цель которого не связана с приобретением, ремонтом, производством неотделимых улучшений, прекращается с момента приобретения предметом залога статуса "единственного, пригодного для постоянного проживания".

Анализируя кредитную политику ряда кредитных организаций, особенно часто это встречается в деятельности кредитных кооперативов граждан, передача в залог жилых помещений является весьма

¹⁴ ст.ст. 8,19,35,45,46 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398

¹⁵ Часть 1 статьи 74 Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ (ред. от 21.07.2014) "Об ипотеке (залоге недвижимости)" (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2014) // Собрание законодательства РФ, 20.07.1998, N 29, ст. 3400

распространенным способом обеспечения исполнения обязательств, даже во исполнение заемных обязательства, не связанных с приобретением указанного либо иного жилого помещения.

Казалось бы, пробел законодательства является несущественным. Но какие трудности в настоящее время в судебной практике наличествуют в связи с указанным. В частности, нередки случаи злоупотреблений со стороны недобросовестных кредиторов-залогодержателей, требующих от должников, при наличии просроченных платежей, перезаключения договором займа на крайне невыгодных условиях под условием отобрания залогового имущества в случае отказа. Либо обращение взыскания на залоговое имущество - жилое помещение - посредством понуждения должника к его реализации во внесудебном порядке на крайне невыгодных для него условиях.

Так, решением ___ районного суда города Кемерово с гражданки N , были взысканы денежные средства по договору займа в сумме N, обращено взыскание на предмет залога - квартира, расположенная в городе Кемерово. Указанное жилое помещение являлось для заемщика и ее семьи - малолетней дочери и престарелой матери - единственным пригодным для постоянного проживания, заём был получен для потребительских нужд заемщика. Однако эти обстоятельства не явились препятствием для суда к вынесению решения.

Для наглядности полагаю необходимым привести расчет цены иска по доказательствам, представленным истцом в данном споре:

Не исключены случаи злоупотреблений и со стороны должников-залогодателей, когда при наличии в собственности дорогостоящих домов, получение удовлетворения кредитора за счет стоимости которых является практически невозможным ввиду наличия у указанного имущества статуса "единственного, пригодного для постоянного проживания".

Встречаются в судебной практике споры о признании недействительным договора залога жилого помещения с применением последствий недействительной сделки¹⁶. Иск мотивировал тем, что на основании кредитного договора с ЗАО «АКБ «ГАЗБАНК» №*** от *** 2008 года он получил кредит в размере 500 000 рублей сроком на 60 месяцев на потребительские расходы. В обеспечение исполнения кредитного договора был заключен договор залога принадлежащей ему однокомнатной квартиры *** в г. Ульяновске. Указанный договор залога он (истец) считает недействительным, поскольку квартира на ул. *** является для него единственным пригодным для проживания помещением. В силу статей 6, 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге) недвижимости», статьи 446 ГПК РФ такое помещение не может являться предметом договора залога, если кредит получен не на расходы, связанные с приобретением или строительством, капитальным ремонтом или иным неотделимым улучшением жилья. В ходе рассмотрения дела установлено, что ***2008 года между ЗАО «АКБ «ГАЗБАНК» и Касицыным А.В. был заключен кредитный договор № ***, согласно которому Касицын А.В. получил в кредит денежные средства в сумме 500 000 руб. на 60 месяцев. Кредит был получен на потребительские нужды. В качестве обеспечения обязательств по кредиту Банк заключил с истцом договор залога недвижимого имущества №*** от ***2008г., а именно однокомнатной квартиры, расположенной по адресу: г.Ульяновск, ул. ***, общей площадью 35,3 кв.м. Договор зарегистрирован в установленном законом порядке в УФРС по Ульяновской области 11.06.2008г.

В конечном счете суд кассационной инстанции указал - Анализируя вышеприведенные положения законодательства, суд первой инстанции пришёл к обоснованному выводу о том, что обращение взыскания на заложенное жилое помещение с прекращением права пользования им залогодателя возможно лишь при условии, что такое жилое помещение было заложено по договору об ипотеке в обеспечение возврата кредита или займа со строго определенным целевым назначением: приобретение или строительство заложенного или иного жилого дома или квартиры, их капитальный ремонт или иное неотделимое улучшение, а также погашение ранее предоставленного кредита или займа на приобретение или строительство жилого дома или квартиры.

Касицын А.В. является собственником квартиры по ул. *** в г.Ульяновске. Данная квартира является его единственным постоянным местом жительства. В связи с этим договор залога указанной квартиры является ничтожной сделкой.

Норма закона, запрещающая обращать взыскание на жилые помещения со статусом "единственного, пригодного для постоянного проживания", содержащаяся в абзаце втором части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, ни единожды была предметом рассмотрения высшей судебной инстанции Российской Федерации - Конституционного Суда РФ. Так, Определением Конституционного суда РФ от 17.01.2012 года №13-О-О определено, что "абзац второй части первой статьи 446 ГПК РФ содержит запрет

¹⁶ Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 03.11.2010, определением суда кассационной инстанции по делу №33-4408/2010 указанное решение суда оставлено без изменения, кассационная жалоба - без рассмотрения.

обращения взыскания на жилое помещение, если для гражданина-должника и членов его семьи оно является единственным пригодным для постоянного проживания. Между тем этот запрет не распространяется на жилое помещение, являющееся предметом ипотеки, на которое в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание. В частности, положения названной статьи в их взаимосвязи с пунктом 1 статьи 78 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" не исключают обращение взыскания на заложенную квартиру - при условии, что такая квартира была заложена по договору об ипотеке либо по ипотеке в силу закона в обеспечение возврата кредита на приобретение или строительство таких или иных квартир, их капитальный ремонт или иное неотделимое улучшение, а также на погашение ранее предоставленных кредита или займа на приобретение или строительство жилого дома или квартиры"¹⁷. Конституционный суд указанным определением закрепил невозможность обращения взыскания на предмет залога - жилое помещение, в отсутствие необходимых условий, поименованных в статье 78 закона №102-ФЗ от 16.07.1998 года. То есть, юридически значимым фактом для споров данной категории является целевое назначение кредита/займа, в обеспечение исполнения которого передано в залог жилое помещение.

В другом решении высшей судебной инстанции - Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 года №11-П "по делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 ГК РФ в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова" Суд указал на то, что наличие имущественного иммунитета на единственное принадлежащее гражданину-должнику и его семье жилье выступает процессуальной гарантией социально-экономических прав этих лиц в сфере жилищных правоотношений и не противоречит Конституции. При этом, по мнению Конституционного Суда РФ, отсутствие пределов действия имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении жилых помещений, являющихся для должника и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не позволяет обратиться взыскание по исполнительному листу. Конституционным Судом законодателю предложен ряд мер, направленных на достижение баланса интересов должника и кредитора.

Полагаю, целесообразным законодательно закрепить обязанность кредитора по проверке статуса жилого помещения, передаваемого в обеспечение надлежащего исполнения обязанностей, а в обязанности должника - залогодателя вменить не ухудшать своего имущественного положения посредством отчуждения иных, определенных договором, жилых помещений в течение срока действия договора займа/кредита. Нечто подобное наличествует в кредитной практике в настоящее время, позволяющее кредитору требовать досрочного исполнения обязательств в случае ухудшения финансового положения заемщика в следствие снижения его ежемесячного заработка.

Список литературы

1. Боронов А. О залоге // Административное право. 2013. №4
2. Демкина А., Муршудова В.М. кызы. Пределы имущественного иммунитета // ЭЖ-Юрист". 2014. N 30
3. Пчелинцева Л.М. Проблемы исследования природы и содержания конституционного права граждан на жилище // Конституционное и муниципальное право. 2004. №2.
4. Савельев Д.Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников. // Журнал российского права, 2014. №11.
5. Проект Федерального закона N 673186-6 "О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статью 40 Федерального закона "Об исполнительном производстве" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 10.12.2014)

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ СМЕШАННЫХ И НЕПОИМЕНОВАННЫХ ДОГОВОРОВ

Киракосян С.А., Околович Б.А.

Филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», г.Новороссийск

Бесспорно, задача юриста при подготовке договора заключается в том, чтобы максимально приспособить его к нуждам сторон. Но для этого юрист должен понимать пределы своего правового творчества и безошибочно

¹⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 N 13-О-О "По запросу Советского районного суда города Челябинска о проверке конституционности абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 78 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" // КонсультантПлюс справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан.М., 2008. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та

оценивать нормы закона по критерию диспозитивности и императивности. Как известно, Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) содержит в большинстве своем диспозитивные нормы, которые позволяют облекать намерения сторон не только в предусмотренные ГК РФ виды договоров, но также использовать конструкции смешанных или непоименованных договоров. Так, согласно ст. 421 ГК РФ стороны могут заключать предусмотренные и непредусмотренные законом или иными правовыми актами договоры (то есть непоименованные договоры), а также договоры, содержащие в себе элементы различных видов гражданско-правовых договоров (то есть смешанные договоры).

В цивилистической науке вопрос о соотношении смешанного и непоименованного договора является дискуссионным. Отсюда на практике возникают проблемы при квалификации незакрепленных в ГК РФ договоров.

Некоторые авторы рассматривают смешанный договор как разновидность непоименованного [14], другие и вовсе их отождествляют. Наибольшее распространение получила позиция, в соответствии с которой смешанный и непоименованный договоры являются самостоятельными категориями, каждой из которых характерны определенные признаки и нормы права, которыми договоры регулируются [2].

В научной литературе существует позиция, согласно которой, конструкция смешанного договора может существовать только лишь с содержанием в себе элементов поименованных в гражданском законодательстве типов, видов или подвидов договоров. Так, по мнению М.И. Брагинского, договоры, входящие в состав смешанного договора, должны быть поименованными в гражданском законодательстве [1]. Подобной позиции придерживался и В.А. Ойгензихт, считавший, что смешанный договор порождает различные обязательства, входящие в состав нескольких урегулированных законом типовых договорных отношений [9].

Данная позиция, безусловно, имеет право на существование, но при условии существенной доработки правовой основы свободы договора, а именно ст. 421 ГК РФ. Считаем, что при ныне действующей редакции данной статьи представляется невозможным такое ограничительное толкование реализации принципа свободы договора. Солидарность с таким мнением отмечается и в научной литературе. К примеру, А.И. Бычков отмечает, что «...такое ограничительное толкование п. 3 ст. 421 ГК РФ не соответствует принципу свободы договора как возможности для участников гражданского оборота заключать любые договоры, в том числе такие, что не предусмотрены законодательством» [3]. По мнению Д.В. Мечетина, «...объем понятия смешанного договора нельзя ограничивать только лишь сочетанием элементов поименованных договоров. Договор, содержащий в себе элементы двух и более различных договоров (как поименованных, так и непоименованных), уже можно считать смешанным» [7].

В целях разграничения смешанных и непоименованных договоров предлагаем выделить их основные черты, признаки. Для квалификации договора в качестве смешанного требуется наличие следующих признаков: 1) возникшие между сторонами договорные отношения не должны быть прямо прописаны в законе; 2) договор должен объединять два и более типа договоров; 3) хотя бы один из договоров, элементы которых входят в смешанный, должен быть поименованным. Яркими примерами смешанных договоров выступают дистрибьюторский договор, договор инжиниринга и др. От смешанных договоров следует отличать легальные гибридные (комплексные) договоры, в которых сочетаются элементы, присущие различным отраслям российского права (например, договор суррогатного материнства, брачный контракт).

Квалификация договора в качестве непоименованного является более сложной, поскольку требует более глубоких юридических знаний относительно типов и видов поименованных в законах договоров, а также уяснение их сущности и квалифицирующих признаков (направленности, предмета договора). Итак, под непоименованным договором следует понимать такое соглашение, относительно которого нормативно-правовыми актами не урегулирован хотя бы один из квалифицирующих признаков.

Действовавший ранее Высший Арбитражный Суд РФ (далее – ВАС РФ) попытался решить проблему квалификации и регулирования непоименованного договора в своем знаменательном Постановлении «О свободе договора и ее пределах» от 14 марта 2014 года. Суд разъяснил, что к непоименованным договорам при отсутствии в них признаков смешанного договора правила об отдельных видах договоров применяются исключительно в силу аналогии закона в случае сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон [10]. Считаем, что данная позиция ВАС РФ является основой для отстаивания довода относительно самостоятельности и унитарности конструкции непоименованного договора.

Приведем наиболее интересный пример квалификации договора в качестве непоименованного, его последующее превращение в смешанный договор и формулирование в качестве поименованного вида. Это договор управления многоквартирным домом. Поначалу в силу своей незакрепленности в законе он считался непоименованным, а при появлении в Жилищном кодексе РФ стал квалифицироваться большинством ученых и судов как смешанный договор, включающий в себя элементы договоров подряда и оказания услуг [5]. И лишь со

временем и при издании множества разъясняющих поднормативных актов данный договор был воспринят как самостоятельный и поименованный договорный вид. Некоторые ученые, говоря о поименованном характере договора управления, предлагают определить место договора в группе договоров направленных на оказание услуг [6] или связанных с доверительным управлением имуществом [8].

Отдельного внимания заслуживает договор аренды части вещи. Так, в 2002 году ВАС РФ отметил, что договор между собственником здания и другим лицом, на основании которого последнее использует отдельный конструктивный элемент этого здания для рекламных целей, не является договором аренды [4]. Отсюда возник новый непоименованный договор по размещению рекламной конструкции на здании многоквартирного дома. Затем, в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 года № 64 было указано на возможность применения к данному договору по аналогии норм о договоре аренды [11]. И в этот момент в практике стали появляться невообразимые смешанные договоры, например, договор оказания услуг на временное размещение рекламы. Окончательную точку ВАС РФ поставил в Постановлениях от 17 ноября 2011 года № 73 [12] и от 25 января 2013 года № 13 [13], разъяснив возможность аренды как всей вещи в целом (здание, сооружение), так и ее отдельной части. Таким образом, аренда конструктивного элемента (части) многоквартирного дома была признана допустимой и не противоречащей закону.

Подводя итог, отметим, что проведенный анализ свидетельствует о невозможности одновременной квалификации договора как смешанного и непоименованного по причине их различного и достаточно специфичного правового регулирования. Проблема соотношения указанных категорий требует дальнейшей тщательной научной разработки.

Список литературы

1. Брагинский М.И. Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут, 2007. С. 60-62.
2. Бычков А.И. Конструкции непоименованного, смешанного и комплексного договоров в гражданском праве России // Адвокатская практика. 2012. № 2. С. 27-31.
3. Бычков А.И. Смешанный договор в гражданском праве РФ. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 85.
4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда от 11.01.2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.
5. Киракосян С.А. Договор управления. Как избежать признания его незаключенным // Управление многоквартирным домом. 2014. № 12. С. 41.
6. Козлова Е.Б. Договор управления многоквартирным домом: гражданско-правовая природа и место в системе договоров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 8.
7. Мечетин Д.В. Непоименованный и смешанный договор: вопросы квалификации // Юрист. 2013. № 18. С. 4.
8. Михайлов В.К. Место договора управления многоквартирным домом в общей системе гражданско-правовых договоров // Жилищное право. 2008. № 3. С. 40-45.
9. Ойгензихт В.А. Нетипичные договорные отношения в гражданском праве. Душанбе, 1984. С. 4-6.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.14 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
11. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 г. № 64 «О некоторых вопросах рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
12. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса РФ о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.
13. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.01.2013 г. № 13 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса РФ о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.
14. Сидорова Т.Э. Реализация принципа свободы договора в торговом обороте // Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: сб. статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Бориса Ивановича Пугинского / сост. Е.А. Абросимова, С.Ю. Филиппова. М.: Статут, 2011. С. 111-112.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Алилуева Н.А., Брякина А.В.

ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра 1», г.Воронеж

Термин "интеллектуальная собственность" применяется в правовой доктрине развитых стран и в международно-правовых соглашениях, однако внутреннее законодательство большинства зарубежных стран не содержит понятия интеллектуальной собственности.

Гражданский кодекс РФ (ст. 128, 129) до введения в действие его четвертой части использовал термин «ИС» в качестве синонима понятия «исключительные права». В отечественной юридической науке конца XX начала XXI века наметилась тенденция определения ИС как целой системы прав на результаты интеллектуальной деятельности и иные приравненные к ним объекты, которая не исчерпывается лишь исключительными правами. В эту систему входят так же права, не являющиеся исключительными: право на коммерческую тайну, на защиту от недобросовестной конкуренции и др.[5, с. 718].

В объективном смысле право ИС (далее - ПИС) является системой правовых норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в связи с установлением, осуществлением и защитой интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана.

ПИС принято рассматривать в качестве подотрасли гражданского права, поскольку отношения в сфере охраны и использования объектов ИС входят в предмет гражданско-правового регулирования (п.1 ст.2 ГК РФ). Соответственно правовое регулирование отношений по поводу ИС основано на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

Однако, помимо материальных правовых норм в ПИС включаются нормы процессуальные, имеющие публично-правовую природу (нормы о регистрации объектов патентного права и отдельных средств индивидуализации, условия поддержания патентов в силе)[3, с. 17]. Таким образом, в предмет правового регулирования ПИС включаются:

1. Отношения по созданию объектов ИС и установлению на них интеллектуальных прав за определенными субъектами (договоры о создании объектов ИС);
2. Отношения по использованию объектов ИС;
3. Отношения по распоряжению исключительными правами (отчуждение исключительных прав и предоставление прав на использование объектов ИС по лицензионным договорам);
4. Отношения по оформлению прав на объекты ИС (процедурные отношения - регистрация объектов ИС и получение охранных документов);
5. Отношения, возникающие в связи с защитой прав на объекты ИС[2, с. 57].

Метод ПИС в целом совпадает с методом гражданского права. Способы правового регулирования в ПИС следующие:

- 1) Дозволение и управомочие (наделение субъекта исключительным правом на использование объекта, случаи свободного использования объектов ИС).
- 2) Запрет (запрет воздерживаться от использования объекта без разрешения правообладателя)
- 3) Обязывание (реализуется в относительных правоотношениях а так же в публичных правоотношениях - уплата пошлин за поддержание патентов)[1, с. 66].

И.А. Зенин выделяет следующие функции ПИС:

- 1) признания авторства на созданные результаты умственного труда;
- 2) установления режима их использования;
- 3) материального и морального поощрения и
- 4) защиты прав их авторов, работодателей и других лиц, приобретающих исключительные права [5, с. 43].

Исторически возникли и развивались отдельно друг от друга несколько правовых институтов по охране результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (авторское право, патентное право, институт правовой охраны средств индивидуализации, институт правовой охраны фабричных секретов и др.). Единой системы ПИС не существовало. С принятием четвертой части ГК РФ ПИС становится единой системой правовых норм, в которой можно выделить общую и особенную части.

Общая часть ПИС (глава 69 ГК РФ) включает в себя нормы, устанавливающие общий перечень объектов ИС, понятие и общую систему интеллектуальных прав, общие правила установления, условия осуществления,

основания и способы защиты интеллектуальных прав, общие положения о договорах о распоряжении исключительными правами и др.

Один и тот же идеальный РИД или обозначение способны выступать в виде разных объектов ИС, при условии наличия необходимых признаков. Соответственно, качество правовой охраны такого результата многократно повышается. В праве интеллектуальной собственности нет такого явления как конкуренция правовых институтов в целях охраны объекта, поэтому выбор оснований правовой охраны (конкретного института) зависит от обладателя результата, последний так же может охраняться по всем возможным основаниям [4, с. 231].

Часто происходит так, что один объект ИС (или его охраноспособный элемент) используется в другом объекте интеллектуальной собственности, что может привести к «пересечению» или столкновению исключительных прав на эти объекты. Поэтому в ПИС существуют т.н. «смежные» или «зависимые» объекты ИС. Термин «смежные» используется в административной практике Роспатента для обозначения объекта интеллектуальной собственности, способного к правовой охране в рамках различных правовых режимов (Рекомендации по соотношению правовой охраны промышленных образцов с правовой охраной товарных знаков, утвержденные Приказом Роспатента от 19 августа 1999 г. № 141). Если речь идет об объектах, охраняемых в рамках одного института интеллектуальных прав (производные и составные произведения; изобретения, являющиеся объектами «второго» патента) такие объекты целесообразно именовать «зависимые». Хотя принципиальных различий между этими терминами не усматривается [3, с. 44].

В различных институтах ПИС используются следующие подходы к разрешению таких ситуаций:

- простое указание на необходимость соблюдения исключительного права лица, чей объект используется в «смежном» или «зависимом» объекте, без конкретизации порядка такого «соблюдения» (подход применяется в авторском праве и институте смежных прав, в современном законодательстве нашел закрепление в п. 3 ст. 1260, п. 2 ст. 1315, п. 2 ст. 1323, п. 5 ст. 1330 ГК РФ);

- установление конкретных пределов осуществления отдельных правовых возможностей при появлении смежных объектов (подход используется в институте смежных прав: п. 3 ст. 1317 ГК РФ);

- принудительное лицензирование в патентном праве (п. 2 ст. 1362 ГК РФ);

- прекращение правовой охраны или установление запрета на использование «смежного» объекта, исключительное право на которое возникло позже (новелла российского законодательства, применяется в институте правовой охраны средств индивидуализации - п. 6 ст. 1252 ГК РФ)[1, с. 89].

Тем не менее, остается ряд вопросов, не имеющих специальной правовой регламентации: «пересечение» исключительных прав на полезную модель и товарный знак, а так же прав на промышленный образец и товарный знак. Относительно первой ситуации весьма показателен случай из арбитражной практики.

Обладатель свидетельства на объемный товарный знак обратился в арбитражный суд с иском к обладателю патентов на полезные модели с требованием прекратить использование полезных моделей в качестве упаковки для томатной пасты. Не усмотрев сходства до степени смешения между «смежными» объектами и решив, что ответчик не использует товарный знак истца, поскольку не индивидуализирует с помощью полезных моделей товар, а использует их в качестве упаковки, суд в иске отказал. Кассационная инстанция оставила решение суда в силе [4, с. 92]. По нашему мнению, если бы в ходе разбирательства обнаружилось сходство «смежных» объектов до степени смешения, иск следовало удовлетворить, поскольку, упаковывая аналогичный товар в «полезную модель», ответчик косвенно способствовал бы индивидуализации товара. В результате произошло бы смешение в среде потребителей между товарами истца и ответчика. Однако, серьезной проблемы в такой коллизии прав, на наш взгляд, нет. Она вполне решаема в соответствии с действующим законодательством. Признание незаконным использование полезной модели для упаковки одного товара не создает серьезных препятствий в осуществлении права на полезную модель - в конце концов, ее можно будет использовать для упаковки других продуктов. Функционально назначение средства индивидуализации и полезной модели отлично.

Список литературы

1. Асфандиарев Б.М., Казанцев В.И. Право интеллектуальной собственности. – М., 2013.
2. Барышева Г.А., Пономарева Е.В. Интеллектуальная собственность и рынок: учебное пособие. – Томск, 2012.
3. Глухова Г. Необходима самостоятельная глава в УК РФ о преступлениях против интеллектуальной собственности / Уголовное право. – 2013. – № 2.
4. Еременко Г.А. Интеллектуальная собственность: проблемы и решения: аналитический обзор. – М., 2010.
5. Интеллектуальная собственность и экономические формы ее реализации / под ред. О.В. Катихана. – М., 1998.

**СЕКЦИЯ №4.
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.05)**

**СЕКЦИЯ №5.
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.06)**

**СЕКЦИЯ №6.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.08)**

**К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРЫСТНОГО МОТИВА В КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ФСИН РОССИИ**

Хрипушин Э.Н.

Адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров по кафедре уголовного права Академии права и управления ФСИН России Россия, г.Рязань, инспектор отдела кадров и работы с личным составом ФКОУ ВПО Воронежский институт ФСИН России

Значение мотива преступления в науке уголовного права и на практике достаточно велико. Так согласно ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ о том, что установление мотива преступления является обстоятельством, подлежащим доказыванию по каждому уголовному делу, независимо от его уголовно-правового значения, особенно в тех случаях, когда мотив преступления влияет на квалификацию деяния, степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, на виды и сроки наказания и т.д.

Мотив преступления – это стимул для человека, побуждающий его совершить те или иные активные действия.

Данные аспекты есть в любой деятельности человека, как правомерной, так и противоправной. В любом преступлении, совершенном с умыслом, всегда есть мотив. Данное понимание, т.е. обязательное наличие мотива, присуще для социально-правового или криминологического понимания терминов.

Вместе с тем, для задач уголовного права они присутствуют не в каждом составе преступления. Это связано с квалификацией деяния [6, с. 40].

Обязательными элементами субъективной стороны конкретного состава преступления мотив становятся при определенных условиях.

Первым условием является обязательное указание на мотив в диспозиции статьи УК РФ. К примеру, мотив является обязательным признаком субъективной стороны в таких составах как убийство из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), из кровной мести (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); при злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); в служебном подлоге (ст. 292 УК РФ) и т.д.

Вторым условием является взаимосвязь с юридической природой конкретного состава преступления, которая выявляется из анализа содержания норм УК РФ о данном преступлении и норм, предусматривающих смежные составы. Если преступник завладел какой-либо вещью потерпевшего, к примеру, шапкой, то в зависимости от природы составов и конкретного содержания преступления это могут быть два разных состава преступления. Если его цель – корыстная (т.е. продать, получить затем деньги), то это грабеж (ст. 161 УК РФ). Если его цель – навредить потерпевшему в качестве мести за его поведение – то это состав ст. 167 УК РФ. А если его цель – просто «покарасоваться» - то это состав мелкого хулиганства, предусмотренный КоАП РФ. Такие сопоставления помогают решить вопрос, к какой норме относить деяние.

Когда мотив считается обязательным элементом субъективной стороны состава, при его отсутствии конкретное преступление также отсутствует.

Мотив должен быть определен в любом преступлении путем проведения анализа всех обстоятельств совершения преступления. Данный анализ должен получить свое отражение в материалах уголовного дела в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

В корыстных преступлениях, а именно, в так называемых коррупционных преступлениях, мотив играет главенствующую роль. Основой данного вида преступлений являются категории «корысть» и «корыстная мотивация».

При этом корысть является именно мотивом преступления.

Корыстью считается, как правило, какая-либо выгода или получение материальной пользы.

Таким образом, под корыстной мотивацией подразумевают стремление человека получить материальную выгоду. Все его поведение направлено на достижение данного результата.

Причем надо отметить, что подобное поведение свойственно для любого человека, так как любой человек, в основном, старается делать для своей пользы, а совершение поступков во вред себе противоречит самой сущности человека.

Но отдельные корыстные поступки могут являться антисоциальными, т.е. это те поступки, которые явно противоречат интересам общества и морали.

Поэтому с точки зрения, особенно уголовного права, такое понятие как «корысть» рассматривается в узком плане, в одном из ее значений, под которой понимается осознанное стремление к получению безвозмездной противоправной имущественной выгоды (корыстная заинтересованность, корыстная цель) [2, с. 19].

Если такое стремление к получению имущественной выгоды происходит неосознанно или осознанно, незаконным путем, но с дальнейшим возмещением убытков, то в таком случае данные действия не считаются корыстными с точки зрения уголовно-правовых понятий.

Также крайне важное значение исследования корысти имеет то, что в зависимости от наличия или отсутствия корыстной мотивации при совершении того или иного преступного действия происходит квалификация преступлений, качественное разграничение одного преступления от другого.

Установление корыстных мотивов говорит о заведомости действий и, соответственно, об их умышленном характере.

Причем прямое указание в какой-либо статье Особенной части УК РФ на такой признак как «корысть», автоматически может влечь за собой одно из двух правовых последствий:

- 1) повышение для данного конкретного деяния степени общественной опасности (к примеру, совершение убийства с корыстной целью);
- 2) отделение друг от друга двух смежных по объективной стороне преступных деяний, как в случае с мошенничеством и причинением имущественного вреда путем обмана.

Данный прием юридической техники УК РФ предопределен предварительным сравнительным анализом криминологической сущности и правовой природы преступлений с корыстной мотивацией и преступлений без такой мотивации.

В связи с этим, результаты вышеуказанного криминологического анализа стали основой для установления в качестве преступных 31 вида корыстных преступных деяний.

Нормативное закрепление в УК РФ корыстной мотивации в качестве уголовно-значимого элемента субъективной стороны вызвано такими признаками как высокая общественная опасность подобных преступлений, потребность в качественной квалификации преступлений, типичность, выявляемость и фиксируемость путем применения различного рода оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных методов [3, с. 20].

Немалое количество таких преступлений совершаются в сфере экономической деятельности, в преступлениях совершаемых сотрудниками правоохранительных органов и т.д. Например, только во ФСИН России в 2013 году в отношении 456 сотрудников было возбуждено 441 уголовное дело, что на 27 больше, чем в 2012 году. Из них 70 – за злоупотребление и превышение должностных полномочий, 105 – за взяточничество, 130 – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, 136 – за прочие преступления [5, с. 4].

Это определено тем, что в коррупционных преступлениях присущи преступные корыстные мотивы.

Преступлений в сфере экономической деятельности, в диспозиции которых присутствует то или иное указание на корыстную мотивацию, порядка 32 составов. Это наибольшая группа преступлений с корыстной мотивацией. Много также составов с корыстной мотивацией и среди преступлений против собственности (9 составов), и среди преступлений против интересов государственной власти, государственной службы или службы в органах местного самоуправления (8 составов) [1, с. 65].

При этом в УК РФ содержится большое количество составов, в которых признак «корысти» прямо не закреплен в качестве уголовно-значимого признака преступления. Если рассматривать в коррупционных

преступлениях, то например в ст. 290 УК РФ признак «корысти» прямо не закреплен, хотя преступления совершаются с корыстным мотивом. Например: согласно статистическим данным ФСИН России (по форме 3-ПР) прослеживается тенденция роста возбуждения уголовных дел о корыстных преступлениях в отношении сотрудников УИС, в том числе и связанных с получением и дачей взятки. Так, в 2011 г. из 325 уголовных дел – 79 (получение и дача взятки); в 2012 г. из 414 уголовных дел – 86; в 2013 г. из 441 уголовного дела – 105 [4].

В заключение хотелось бы отметить, что в корыстных преступлениях мотив играет главенствующую роль. Основой данного вида преступлений являются категории «корысть» и «корыстная мотивация». Анализ различных точек зрения в науке уголовного права, а также анализ следственной и судебной практики показывают, что корыстный мотив в коррупционных преступлениях является обязательным признаком субъективной стороны преступления.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. и др. Корыстная преступность в России: монография. – М., 2011. С. 65.
2. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: Криминологические и уголовно-правовые проблемы. - СПб., 2001. С. 19.
3. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть: Криминологические и уголовно-правовые проблемы. - СПб., 2001. С. 20.
4. О состоянии дисциплины, законности и дорожно-транспортных происшествий среди сотрудников УИС за 2006–2013 гг.: обзор ФСИН России. М., 2014. С. 2.
5. Состояние дисциплины и законности среди сотрудников УИС // Преступление и Наказание: пенитенциарный журнал. 2014. № 7. С. 23–25.
6. Уголовное право России. Часть общая: учебник / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М., 2005. С. 40.

КЛАССИФИКАЦИИ ОСУЖДЁННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ

Савинова Е.А.

Адъюнкт заочного обучения кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осуждёнными Вологодского института права и экономики ФСИН России

Изучение осужденных предполагает, в частности, их классификацию, которая имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение.

К решению проблемы классификации осужденных, по нашему мнению, следует приступить с рассмотрения ее понятия.

Под классификацией понимается практическое распределение явлений, материала или понятий на части, классы, группы и подгруппы, виды по определенным признакам. Подобное понятие классификации дается в таком определении: «Классификация - распределение объектов явлений и понятий по классам, отделам, разрядам в зависимости от общих признаков».

Наиболее удачно значение классификации выражено С.С. Алексеевым: «Она дает возможность при определении ее критериев выявить новые черты, качественные особенности данных предметов и явлений; имеет значимость не только первичной обработки, но и охватить большой диапазон изучаемых объектов и, следовательно, избежать односторонности их научной интерпретации» [4].

Применительно к осужденным имеется в виду, что отнесение их к той или иной классификационной группе всегда связано с определенными факторами: вид учреждения, в котором исполняется наказание, режим, изменение условий отбывания наказания и другими.

Именно на этой основе в теории и на практике возникла потребность в разработке наиболее эффективной системы классификации осужденных. При этом заслуживает внимания позиция Н.А. Стручкова, полагающего, что деление осужденных на более или менее однородные группы (категории) проводится для того, чтобы исключить влияние наиболее отрицательной части осужденных на других лиц, отбывающих наказание, прежде всего лиц молодого возраста, впервые судимых и в тоже время, необходимостью обеспечить осуществление карательно-воспитательного воздействия нужного с точки зрения его характера и степени интенсивности, именно для данной категории (классификационной группы) [2].

Отсюда мы видим, что задача классификации сводится к тому, чтобы создать оптимальные дифференцированные условия исполнения и отбывания наказания, а следовательно, разработать наиболее эффективные меры исправительного воздействия на осужденных не только в период отбывания наказания, но и после освобождения. Представляется, что система классификации осужденных должна быть целостной, с этой точки зрения, более правильной, исходя из позитивной и негативной направленности их поведения.

В целом систему отбывания наказания в виде лишения свободы определяют как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения. Возможность изменения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения является одним из элементов такой системы отбывания лишения свободы.

Правовой статус осужденного может трансформироваться как в сторону увеличения правоограничений, так и в сторону их уменьшения.

Необходимо отметить, что в научной литературе уже высказывалось мнение о необходимости классификации осужденных к лишению свободы по степени исправления, причём происходило это во время действия ИТК РСФСР, а потому можно сказать, что эта научная разработка отчасти реализована при реформе отрасли уголовно-исполнительного права [3]. Как известно, ранее при классификации осужденных, применительно к процессу их исправления, использовались такие категории, как «характеризуется отрицательно», «имеет неустойчивую социальную установку», «характеризуется положительно», «не нуждается в дальнейшем отбывании срока наказания». Данные выводы использовались при проведении аттестаций осужденных. Ранее градация аттестаций была такова: «первичная» (проводилась через полгода с момента прибытия осужденного в колонию), годовая, оценочная (при рассмотрении осужденного по вопросу условно-досрочного освобождения, при изменении условий его содержания и пр.), аттестация по концу срока.

На сегодняшний день согласно утвержденной 14 октября 2010 года распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года затрагивается вопрос о классификации осужденных. Здесь можно увидеть, что уголовно-исполнительная система продолжает совершенствоваться, выходя на новый уровень развития и все больше приближаясь к европейским стандартам, это видно, если рассмотреть задачи указанные в ней: изменение структуры уголовно-исполнительной системы, создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, отказ от коллективной формы содержания осужденных; осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного. В рамках совершенствования уголовно-исполнительной политики планируются следующие мероприятия по проблеме классификации осужденных: дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности, совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой стороны); раздельное содержание осужденных к лишению свободы, способных к ресоциализации с учетом тяжести и общественной опасности совершенных ими преступлений, сведений об их личности, поведения в местах лишения свободы, отношения к совершенному преступлению, с одной стороны, и осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, прочно усвоивших и распространяющих элементы поведения криминальной среды, с другой стороны [1]. Многие моменты, безусловно уже выполнены.

В сфере социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными здесь предусмотрено создание справедливой и эффективной системы стимулов осужденных к законопослушному поведению («социальные лифты»), включающей совершенствование порядка замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания, обновление механизма условно-досрочного освобождения. Так называемый «социальный лифт» проводится один раз в полгода (по плану, если нет иной необходимости), либо при переводе из одних условий отбывания наказания в другие, замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания, при рассмотрении вопроса условно-досрочного освобождения поддержании ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении.

Соответственно выводы данной процедуры «налицо»:

- условия отбывания наказания не изменять
- ходатайствовать об улучшении условий отбывания наказания;
- ходатайствовать перед судом о переводе осужденного в исправительное учреждение с более мягким видом режима;
- ходатайствовать о представлении к замене не отбытой части наказания более мягким видом наказания, о поддержании ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении.

Система «социальных лифтов» представляет собой механизм изменения условий отбывания наказания, изменения вида исправительного учреждения, замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочного освобождения посредством оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденных с помощью определенных критериев.

Целями применения системы стимулов являются социализация осужденного, профилактика рецидивной преступности и создание условий для позитивного формирования личности.

Действующим в настоящее время законом фактически введены две оценочные категории: положительно характеризующиеся категории и лица, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. Эта градация так называемых видов характеристик крайне мала и незначительна; разумеется, здесь не хватает разнообразия, в «мягкой» степени и существующее формальное несоответствие этих категорий (положительно характеризующиеся категории и лица, признанные злостными нарушителями). На формальных выводах строится и формальная характеристика и, как правило, формальная, некачественная работа с осужденными. Тогда о какой степени исправления может идти речь? Да не о какой. Полноценной работы со стороны администрации с осужденными, к сожалению, не наблюдается. Поэтому и о здоровом климате в местах лишения свободы, и о прогрессе, как следствие, мы речи не ведем.

Поэтому, на сегодняшний день мы можем классифицировать осужденных формально: «характеризуется положительно» и «признанный злостным нарушителем режима содержания».

Так, позитивно настроенные осужденные для изменения своего положения посредством поощрений или применения иных институтов (изменение условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения, замена не отбытой части наказания более мягким видом наказания, вопрос об условно-досрочном освобождении, перевод в колонию-поселения и пр.) должны формально иметь положительную характеристику. Данная категория формируется в правоприменительном процессе на основании убежденности администрации исправительного учреждения. Для отнесения осужденного к категории злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания законом прямо предусмотрена оценка его поведения юридически выраженная в специальном решении.

Развивая вопрос о степени исправления осужденных, А.И. Зубков справедливо отмечает, что с точки зрения практики организации исправительного процесса определение ее является важным элементом, без которого обойтись просто невозможно. Тем более что имеется богатейший положительный опыт организации такой работы в исправительных учреждениях [3]. Поэтому в уголовно-исполнительном кодексе, хотя напрямую не упоминается об установлении той или иной степени исправления осужденных, но основные ее элементы закреплены в ряде статей, сохраняя в своей основе эту практику. При исполнении наказания в виде лишения свободы важным является период, который связан с направлением осужденных для отбывания наказания в исправительные учреждения. Следует иметь в виду, что их направление, а также перевод в другие исправительные учреждения осуществляется на основании приговоров либо изменяющих их определений или постановлений судов, вступивших в законную силу. Посредством перевода из одних условий отбывания наказания в другие, администрация тем самым стремится исправить осужденных, т.е. пытается сформировать у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулировать правопослушное поведение. Безусловно, одним из необходимых условий для классификации осужденных (даже администрацией учреждения) является так или иначе глубокое изучение их личности и дифференциация осужденных для обеспечения индивидуализации исправительного воздействия на различные категории осужденных. При изменении вида исправительного учреждения осужденные согласно действующему законодательству могут быть классифицированы только на положительно характеризующихся и признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания. У этой тенденции имеются как позитивные, так и негативные моменты. К числу первых следует отнести отказ от формализованного подхода к оценке исправления осужденных, что расширяет возможности индивидуализации исполнения лишения свободы. К числу вторых – отсутствие единых стандартов отнесения к категории положительно характеризующихся осужденных порождает незащищенность от возможного произвола со стороны администрации. Такое зависимое положение отнюдь не способствует стремлению изменить свой правовой статус посредством положительного поведения. В числе наиболее эффективных способов разрешения проблемы видится в качественном изменении кадровой политики и в становлении системы эффективного общественного контроля за деятельностью исправительных учреждений.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что классификация осужденных в значительной мере влияет на формирование системы учреждений исполнения наказания, в значительной степени влияет на формирование системы учреждений исполнения наказания, создает необходимые условия для дифференциации исполнения наказания. Наконец, она создает предпосылки для индивидуализации исполнения наказания.

Список литературы

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года
2. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 31.05.2012) <О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года>
3. Антонян Е.А. Психологические особенности наказания в виде лишения свободы // Юридическая психология, 2007, N 1. С. 37.
4. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право: Учебник для вузов.- М., НОРМА. 2006. С. 44.
5. Матвеев А.В. О правовых принципах воспитательной работы с осужденными //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление, 2007, N 3. С. 23.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В РЕШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Минин Р.В.

Тюменский государственный университет

12 декабря 1993 года всенародным голосованием был принят Основной закон, который уже 20 лет служит фундаментом построения отечественной системы права, базирующейся на принципах демократизма, гуманизма, справедливости и т.д. и т.п. Конституция РФ заложила правовой базис и предусмотрела вектор развития права на много десятилетий вперед.

Одним из достижений Основного закона страны явилось провозглашение прав и свобод человека и гражданина. Не случайно этому вопросу посвящена глава 2 Конституции РФ. Не случайно законодатель установил особый – жесткий – порядок пересмотра положений этой главы. Изменение прав и свобод человека и гражданина может навсегда изменить российское общество и государство. Охранять гуманистические ценности «поручено» специальным охранительным отраслям права, в числе которых несомненное лидерство принадлежит праву уголовному.

Согласно части 1 статьи 2 Уголовного кодекса РФ задачами настоящего Кодекса, помимо прочего, является охрана прав и свобод человека и гражданина. Реализации этой задачи посвящена не только правовая отрасль, но и уголовно-правовая доктрина, одним из призваний которой является разработка теоретических конструкций, позволяющих выработать наиболее эффективный механизм уголовно-правовой охраны.

Эффективность такой защищенности зависит от многих факторов. Среди них можно назвать высокий уровень юридической техники, используемый при создании системы уголовно-правовых норм, детальную проработанность уголовного закона, исключающую наличие пробелов в законодательстве, качественную урегулированность смежных отраслей – уголовно-процессуальное право и уголовно-исполнительное право. Практическое применение норм уголовного закона, основанное на правильной организации деятельности правоприменительных органов, также является важнейшей составляющей надежности охраны наиболее значимых общественных объектов.

В последнее время в уголовно-правовой литературе преобладает концептуальный подход исследования юридических явлений, заложенный еще советской уголовно-правовой доктриной. Г.А. Злобин писал: «Для научного обеспечения дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства... необходим самый широкий концептуальный подход ученых и к предмету правовых исследований, и к характеру практических рекомендаций» [6; 75]. Такая методика осмысления правовых институтов позволяет решить важнейшие задачи науки уголовного права, сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства и, как следствие, обеспечить наивысший уровень защищенности общественных отношений от опасных деяний.

Бесспорно, такое отношение к научному исследованию обусловлено в первую очередь уровнем соответствующей научной работы. А.М. Новиков, описывая гносеологические основы докторского диссертационного исследования, закономерности процесса построения его логической структуры, правильно отмечает, что диссертант, работающий над докторской диссертацией, должен достаточно четко и осознанно представлять себе научную теорию (концепцию), какие требования к ней предъявляются, «ведь докторская диссертация в любой отрасли научного знания должна представлять собой определенную целостную теорию (концепцию)» [7; 17].

Между тем в работах, посвященных концептуальным основам правовых явлений, не раскрывается

сущность концептуального подхода. Авторы зачастую ограничиваются упоминанием термина «концепция» в названии своей работы, которая, по существу, представляет собой глубоко аналитическое, логическое и системное исследование отдельных уголовно-правовых институтов. В этой связи остается неясным вопрос отграничения концептуального исследования от не концептуального. Можно сказать, что любая попытка научного осмысления тех или иных проблем права, выраженная в соответствующем результате интеллектуального труда (студенческая выпускная квалификационная работа, магистерская диссертация, диссертация на соискание ученой степени, монография и т.д. и т.п.), должна иметь логическую структуру, систему взаимосвязанных элементов, определяющих ее содержание, и основополагающую идею, так называемый «концепт», пронизывающий все грани исследования. Однако ценность научного результата зависит от уровня научного исследования. Чем выше уровень работы, тем многограннее и достовернее научное знание.

Вместе с тем концептуальный подход отграничивается от иных подходов именно по смыслу. В самом наименовании этого подхода кроется его специфика. Концепция – определенный способ понимания, трактовки какого-либо предмета; основная точка зрения на предмет; руководящая идея для его систематического освещения. Термин употребляется также для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в научной, художественной, технической, политической и других видах деятельности [12; 176]. Исходя из лексического содержания данного словосочетания можно прийти к выводу, что концептуальный подход предполагает разработку концепции исследования, т.е. комплекса ключевых положений, определяющих общую направленность и преемственность исследования.

Термин «концепция» появился в философских словарях совсем недавно. Еще двадцать лет назад разные ученые по-разному определяли данное понятие. Некоторые авторы понимали под ним совокупность общих вопросов правовой теории, принципов права [3; 32]. Другие определяли «концепцию» как надлежащим образом организованный научный материал, имеющий научную перспективу, юридический анализ, обладающий конструктивными качествами [1; 86]. В.А. Рыжко полагает, что «концепция – это определенный «срез» знания, в котором фиксируются не только свойства объекта, но и отношение к нему познающего субъекта, точнее, понимание субъектом объекта. «Концепция» как некий способ понимания неразрывно связана с социокультурными процессами и практической деятельностью... научная концепция содержит социокультурный и практический аспекты, а также логико-гносиологический аспект» [9; 12].

Еще одной точкой зрения, которая, на наш взгляд, и получила наибольшее распространение является подход, утверждающий, что концепция представляет собой «объединенные одним объектом идеи и теоретические положения о принципах и стандартах, которые образуют в совокупности целостную теоретическую систему» [5; 102]. Развивая эту мысль, А.Ю. Епихин пишет: «Концепцию обеспечения безопасности личности в сфере функционирования уголовного правосудия (уголовной полиции и юстиции) следует понимать как доктринальную систему взглядов, определяющих своей целью обеспечение безопасности личности, целесообразные средства ее достижения, основной инструментарий (понятие, терминология, методы научного познания, интерпретация полученных знаний), сформированную для разрешения проблемы или описания (истолкования) имеющихся теоретических или эмпирических познаний» [5; 103].

Тем не менее, такое направление понимание концепции представляется достаточно узким. Любая научная работа содержит в себе определенную концепцию. Более того, исследование правовых особенностей того или иного института права, с этой точки зрения, тоже можно назвать концептуальным подходом. Дело в том, что уголовно-правовые институты имеют определенную социальную сущность и правовую природу. Выявление этой сущности и природы является тем самым «концептом», который закладывается в основу исследования. Так, например, А.А. Гогин рассматривает общую концепцию правонарушения с позиций методологии, гносеологии, теории и практики правонарушений [4]. В.В. Сорокин анализирует эволюционное развитие правовой системы в переходный период [10]. Его концепция эволюционного развития определяется устойчивостью развития правовых систем, выявлением системообразующих и системосохраняющих связей, механизма самоорганизации, духовно-культурной основы и т.д. Р.В. Шагиева определяет концепцию правовой деятельности в современном обществе через особенности и содержание этой деятельности, ее формы, через связи со смежными правовыми явлениями [15]. Д.А. Сумской рассматривает орган юридического лица с точки зрения разработанной им теории компетенции органа юридического лица. Формирует соответствующую концепцию [11].

Концептуальный подход встречается также в работах уголовной направленности. Например, Г.П. Химичева исследует концепцию совершенствования уголовно-процессуальной деятельности на досудебном производстве по уголовным делам. При этом в ее труде речь идет о «комплексной концепции», обусловленной публичностью, как доминирующей правовой идеей на досудебном производстве, назначением уголовного судопроизводства, системой принципов уголовного судопроизводства, основаниями приостановления предварительного расследования, системой процессуального контроля и надзора за уголовно-процессуальной

деятельностью на досудебных стадиях уголовного процесса [13]. О.В. Химичева также проводит исследование «комплексной концепции» процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Для этого она формирует систему процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, определяет иерархию целей процессуального контроля и надзора, анализирует специфику реализации принципов уголовного судопроизводства в процессуальном контроле и надзоре, доказывает существование на досудебном производстве самостоятельных уголовно-процессуальных функций [14]. А.Ю. Епихин рассматривает концепцию обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства, помещая в центр концепции весь круг личностей, вовлеченных и вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Формирует концепцию путем разработки теоретических, нормативных и прикладных основ безопасности личности в сфере уголовного процесса [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что в фундаментальных исследованиях отдельных правовых явлений всегда имеется определенный «концепт», который сопровождает исследование.

В уголовно-правовой науке редко встречаются работы, содержащие в названии слово «концепция». Этот термин не принято включать в наименование работы. Однако это не означает, что исследование не имеет определенной концепции.

В.Г. Павлов, например, в работе, посвященной исследованию субъекта преступления, формирует целостную концепцию, основанную на комплексном и системном анализе теоретических и практических проблем по изучению субъекта преступления в историческом аспекте и с позиций действующего уголовного законодательства [8]. Тем не менее, термин «концепция» в работе даже не упоминается.

Н.В. Щедрин в своем исследовании мер безопасности вводит в научный оборот целостную систему, объединенную единым «концептом» – источником повышенной опасности и объектом повышенной охраны [16]. Построенная тем самым концепция мер безопасности получило несомненное признание в уголовно-правовой доктрине.

Е.Ю. Антонова исследует концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности и предлагает теоретическую модель такой ответственности [2]. При этом автор рассматривает различные подходы, выработанные зарубежной правовой доктриной и положенные в основу признания коллективного образования субъектом уголовной ответственности. Такие подходы в работе называются «концепциями». Предложенная Е.Ю. Антоновой модель также соответствует авторскому пониманию концептуальных основ исследования и представляет собой подход, в основе которого имеется представление о новой уголовно-правовой категории – коллективный субъект преступления (уголовной ответственности). Данное представление выступает «концептом» исследования, позволяет выработать новое знание о природе коллективной уголовной ответственности.

Рассмотрев доктринальные подходы к пониманию концептуального подхода можно заключить, что большинством авторов «концепция» понимается как логическая система, основанная на определенном представлении о структуре исследуемого объекта и фундаментальных признаках, определяющих центральное направление изучения правовой природы и сущности этого объекта. Такой подход обуславливает выявление основополагающей идеи, выступающей «краеугольным» принципом, связующим элементом, базисом исследования. Подобное направление в уголовно-правовом исследовании позволяет выработать наиболее качественную юридическую конструкцию, направленную на решение проблем охраны прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М., 1994.
2. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: дисс.... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Антонова Елена Юрьевна. – Владивосток, 2011.
3. Бельский К.С. О концепции реформы государственной службы в России / К.С. Бельский // Государство и право. – 1994. – № 4. С. 31-36.
4. Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Гогин Александр Александрович. – Казань, 2011.
5. Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Епихин Александр Юрьевич. – Сыктывкар, 2004.
6. Злобин Г.А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства / Г.А. Злобин // Конституция ССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. – М., 1979.
7. Новиков А.М.. Докторская диссертация?: Пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора

- наук – 3-е изд. / А.М. Новиков. – М.: Издательство «Эгвес», 2003.
8. Павлов В.Г. Субъект преступления: история, теория и практика: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Павлов Владимир Григорьевич. – СПб., 2000.
 9. Рыжко В.А. Научные концепции: социокультурный, логико-гносеологический и практический аспекты / В.А. Рыжко. – Киев, 1985.
 10. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сорокин Виталий Викторович. – Екатеринбург, 2003.
 11. Сумской Д.А. Концепция органа юридического лица в теории гражданского права: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Сумской Дмитрий Александрович. – Москва, 2007.
 12. Философский словарь / авт.-сост. С.Я. Подопригора, А.С. Подопригора. – Ростов, 2010.
 13. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Химичева Галина Петровна. – Москва, 2003.
 14. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Химичева Ольга Викторовна. – Москва, 2004.
 15. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореферат дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шагиева Розалина Васильевна. – Москва, 2006.
 16. Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Щедрин Николай Васильевич. – Красноярск, 2001.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ветошкин С.А.

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г.Екатеринбург

В статье приведен логический анализ юридической формулировки целей уголовно-исполнительного законодательства РФ, а также сравнительно-правовой анализ данной цели с целями уголовного наказания.

Ключевые слова: цель, уголовное наказание, уголовное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, социальная справедливость, исправление осужденных, социальная реабилитация осужденных, предупреждение преступлений.

DEFINING THE PURPOSES OF THE RUSSIAN CRIMINAL-EXECUTIVE LEGISLATION

**Sergey A. Vetoshkin, Doctor of Pedagogical Science, professor Department of Law, Faculty of Sociology and Law,
Russian State Professional Pedagogical University**

The article provides a logical analysis of the legal formulation of goals of the penal legislation of the Russian Federation, as well as comparative legal analysis of the data objectives of criminal punishment

Keywords: the purpose, the criminal legislation, criminal penalties, criminal law enforcement, social justice, correction of the convicted, the social rehabilitation of convicted persons, the prevention of crimes.

Определенность цели, выражающаяся в её полноте, реальности, разумности и однозначности понимания всеми исполнителями, перед которыми она ставится, обуславливает эффективность всей деятельности, направленной на достижение конечного (целевого) результата. Определенность сформулированной цели позволяет более четко определять и средства её достижения, что в конечном итоге создает предпосылки для создания наиболее эффективного типа организации с определенной целью и определенными средствами достижения цели (по теории американского социолога Джеймса Томсона).

Цели деятельности уголовно-исполнительной системы России определяются целями уголовно-исполнительного законодательства РФ, регулирующего общественные отношения в сфере исполнения уголовных наказаний. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), уголовно-

исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [1].

В юридическом определении цели российского уголовно-исполнительного законодательства отражается дуализм двух детерминированных целей: педагогической – исправление и криминологической – предупреждение совершения новых преступлений.

Цель исправления осужденных взаимосвязана с целью предупреждения преступлений, так как предупреждение совершения осужденными новых преступлений зависит от степени их исправления, осуществляемого в пенитенциарных учреждениях. Если же уголовное наказание не связано с лишением свободы, то выбор иной меры наказания должен быть адекватным цели исправления и, соответственно, одновременно цели предупреждения рецидива.

В юридической формулировке, определяющей цели уголовно-исполнительного законодательства, не делается различия, где предупреждается новое преступление – это может быть пенитенциарное учреждение, а могут быть и условия свободы, когда осужденный уже освобожден из пенитенциарного учреждения или был подвергнут наказанию, не связанному с лишением свободы (арест, ограничение свободы и т.п.).

В уголовно-исполнительном законодательстве также нет ясности, каким образом оценивать достижение цели исправления и предупреждения новых преступлений. Если новые преступления совершены ранее осужденным после погашения или снятия прежней судимости, когда лицо юридически признается несудимым, а данные преступления по закону не являются рецидивными, то можно ли таких лиц считать исправленными, а совершенные ими новые преступления – предупрежденными?

При совершении ранее судимым лицом новых преступлений, даже не признанных юридически рецидивными, с точки зрения здравого смысла и оценки достижения педагогической цели (исправления), вряд ли уместно считать данную цель достигнутой, также как и нельзя считать достигнутой криминологическую цель – предупреждение новых преступлений.

Содержание формулировки цели в ч. 1 ст. 1 УИК РФ о предупреждении совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами противоречит логике, так как в цели предупреждения новых преступлений объединены две необъединяемые в данном контексте категории: 1) осужденные, то есть лица уже совершившие преступление; 2) иные лица, под которыми следует понимать тех, кто ранее не совершал преступлений, или, по крайней мере, не осуждался за совершение преступлений и юридически не может считаться преступником и осужденным, иными словами те, за кем не числится «старых преступлений». Тем не менее, эти две категории объединены понятием «новые преступления», что свидетельствует о неопределенности формулировки цели уголовно-исполнительного законодательства и её алогичности.

Если по отношению к осужденным вести речь о предупреждении совершения новых преступлений юридически обосновано, так как их виновность в совершении преступления установлена вступившим в законную силу приговором суда, то по отношению к «иным лицам» говорить о предупреждении совершения новых преступлений, как минимум, некорректно. Юридического факта совершения преступления «иными лицами» не установлено в законном порядке, и, соответственно, «иных лиц» при формулировке цели предупреждения новых преступлений нельзя рассматривать совместно с осужденными, которые ранее совершили преступления.

В этой связи более логичным в ч. 1 ст. 1 УИК РФ после слов «исправление осужденных и...» употребить словосочетание «предупреждение преступлений», а не «предупреждение новых преступлений». В данном случае в понятии «предупреждение преступлений» будут логично объединены не только осужденные, ранее совершившие преступление, но и категории иных лиц, а ч. 1 ст. 1 УИК РФ будет выглядеть следующим образом: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение преступлений».

Подобная формулировка охватывает и специальное предупреждение преступности, касающееся осужденных, и общее предупреждение преступности, распространяющееся на иных лиц, ранее не судимых, а также полностью соответствует одной из задач УК РФ (ч. 1 ст. 2), в которой не делается различия между данными категориями, и употребляется понятие «предупреждение преступлений».

Следует также отметить, что на предупреждение преступности среди осужденных влияет не только их исправление, но и социальная реабилитация, осуществляемая посредством оказания социальной помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, что предусмотрено статьями 180, 181, 182 главы 22 УИК РФ.

Такая помощь включает в себя содействие в трудовом и бытовом устройстве освобождаемым осужденным, обеспечение их бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами, одеждой, единовременным денежным пособием и другие виды социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Включение в формулировку цели уголовно-исполнительного законодательства позиции о социальной реабилитации осужденных придало бы данной цели социальную направленность и гуманность, учитывая, что в самом уголовно-исполнительном законодательстве такая деятельность предусмотрена, а принцип гуманизма содержится в перечне принципов уголовно-исполнительного законодательства в ст. 8 УИК РФ.

В этом случае ч. 1 ст. 1 УИК РФ могла бы выглядеть следующим образом: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных, их социальную реабилитацию и предупреждение преступлений».

При этом нужно учитывать, что цель социальной реабилитации не является универсальной для всех видов наказаний, а характерна только для уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, а также арестом и ограничением свободы.

Цели уголовного законодательства неразрывно связаны с целями уголовно-исполнительного законодательства, что обусловлено необходимостью обеспечения последовательности государственной уголовно-правовой политики Российской Федерации. Исполнение уголовного наказания не может быть отделено от целей уголовного законодательства и его неотъемлемого атрибута – уголовного наказания или мер уголовно-правового характера. Объединение целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства на этой основе вполне закономерно и обосновано.

В качестве исторического примера такого объединения следует привести формулировки целей Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. (УК РСФСР), действовавшего до 1 января 1997 г. и Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1970 г. (ИТК РСФСР), действовавшего до 1 июля 1997 г.

В ст. 20 УК РСФСР «Цели наказания» было определено: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [2].

В то же время в ст. 1 ИТК РСФСР «Задачи Исправительно-трудового кодекса РСФСР» (понятие «цель» в ИТК РСФСР не использовалось) было сказано: «Исправительно-трудовой кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики имеет своей задачей обеспечение исполнения уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенное преступление, но исправляло и перевоспитывало осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважения к правилам социалистического общежития, предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности. Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [3].

Обе формулировки целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства полностью дублируют друг друга, что определяет взаимосвязь и логическую последовательность между стадиями определения судом уголовного наказания и его исполнением уголовно-исполнительной системой. Было бы весьма странным, если бы данные стадии не были звеньями одной цепи, а их цели не совпадали, учитывая, что исполнение наказания является завершающей фазой всего уголовного правосудия, без которого оно теряет смысл. Весьма абсурдной представляется ситуация, в которой перед уголовным наказанием ставится цель, не соответствующая цели исполнения этого наказания.

Расхождения в формулировках цели уголовного наказания и цели уголовно-исполнительного законодательства возникли с принятием действующих УК РФ и УИК РФ. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания»: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [4].

Как видно из приведенной выше статьи УК РФ, цель предупреждения совершения новых преступлений ставится только в отношении осужденных, так как понятие «иные лица» в ч. 2 статьи 43 УК РФ не используется, что вносит определенную коллизию в соотношение целей уголовного наказания и целей уголовно-исполнительного законодательства.

Прямого указания в статье на предупреждение совершения новых преступлений именно осужденными не содержится, так как после слова «предупреждения» не использовано слово «ими». Однако употребление словосочетания «новых преступлений» позволяет вполне определенно предполагать, что в ч. 2 ст. 43 речь идет о предупреждении совершения новых преступлений именно осужденными, а не какими-либо иными категориями, в отношении которых, как было сказано выше, понятие «новые преступления» не применимо.

В данном случае цели уголовно-исполнительного законодательства, относящиеся к предупреждению совершения преступлений, оказались шире, чем цели уголовного наказания, что нарушает логику соотношения целей уголовного наказания и его исполнения. При исполнении уголовного наказания границы его целей по

предупреждению преступлений расширились по сравнению с целями уголовного наказания и кроме осужденных распространились на иных лиц, несмотря на то, что перед уголовным наказанием такой цели законом не ставится, что видно из законодательной формулировки.

Подобное расширение целей уголовно-исполнительного законодательства может быть оправданно в отношении осуществления в местах лишения свободы социальной реабилитации или социальной адаптации осужденных, которые естественным образом сопутствуют исправлению. В отношении же расширения объекта предупреждения преступлений с осужденных (ч. 2 ст. 43 УК РФ) до осужденных и иных лиц (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), подобное несоответствие в формулировках недопустимо.

В данном случае речь идет, конечно же, о нелогичных и не соответствующих друг другу формулировках, применяемых в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Трудно и бессмысленно отрицать, что эффективное применение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства положительно влияет на предупреждение преступлений, совершаемых не только осужденными, но и иными лицами, которые ранее не совершали преступлений. Проблема заключается в определенности сформулированных целей как уголовного наказания, так и уголовно-исполнительного законодательства. В связи с этим в формулировке целей уголовного наказания будет более логичным применять понятие «предупреждение совершения преступлений», а не примененное понятие «предупреждение совершения новых преступлений».

Что касается употребления в ч. 2 ст. 43 УК РФ при формулировке целей уголовного наказания понятия «восстановление социальной справедливости», то оно оказалось исключенным из целей уголовно-исполнительного наказания.

Цель восстановления социальной справедливости вообще не упоминается в формулировке цели уголовно-исполнительного законодательства, в которой содержатся только две позиции – исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1. ст. 1 УИК РФ).

Включение в цели уголовного наказания восстановления социальной справедливости представляется вполне обоснованным и необходимым, так как синонимом понятия «правосудие», в результате которого выносится наказание, является понятие «юстиция», что в переводе с латинского (*justicia*) означает законность, справедливость [5].

Отсутствие в ч. 1 ст. 1 УИК РФ цели восстановления социальной справедливости можно объяснить тем, что, по мнению законодателя, цель восстановления справедливости достигается уже при назначении уголовного наказания и не зависит от его исполнения.

Подобная позиция представляется крайне ошибочной, так как основана на формальном признаке восстановления социальной справедливости, чем является стадия вынесения уголовного наказания. Материальным признаком восстановления социальной справедливости является стадия реального исполнения уголовного наказания. Пока уголовное наказание не исполнено, нельзя утверждать, что социальная справедливость восстановлена – это противоречит здравому смыслу.

Если человек, совершивший преступление, действительно заслуживает наказания, адекватного цели его исправления и предупреждения преступлений, то восстановление справедливости может наступать только при условии достижения исправления и предупреждения преступлений. Иначе говоря, восстановление справедливости связано и зависит от исправления осужденных и предупреждения преступлений. Лишение или ограничение прав и свобод осужденного, в чем заключается сущность уголовного наказания (ч. 1 ст. 43 УК РФ), имеют смысл только тогда, когда осуществляются для достижения восстановления социальной справедливости, исправления и предупреждения преступлений. В ином случае лишение или ограничение прав и свобод осужденных, применяемые при наказании, превращаются из средств достижения цели в саму цель и утрачивают смысл.

Не случайно уголовным и уголовно-исполнительным законодательством РФ предусмотрено, что осужденный по критериям исправления может освобождаться от наказания или оно заменяется более мягким.

Цель восстановления социальной справедливости должна быть включена в цели уголовно-исполнительного законодательства – это будет соответствовать и целям уголовного наказания, и отражать полноту, реальность и разумность законодательной формулировки цели уголовно-исполнительного законодательства РФ.

По поводу достижения цели восстановления социальной справедливости при исполнении уголовного законодательства следует учитывать, что в Российской Федерации существует серьезная проблема с выполнением ст. 52 Конституции РФ, в которой гарантируется, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, и государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Подавляющее число преступлений корыстного характера, как и

преступлений против жизни и здоровья, остаются или нераскрытыми, или без возмещения ущерба виновными лицами.

Вряд ли можно вести речь о восстановлении социальной справедливости, если потерпевшим от преступлений не компенсируется ущерб.

Следовательно, восстановление социальной справедливости при исполнении уголовного наказания зависит не только от исправления, социальной реабилитации осужденных и предупреждения преступлений, но и от компенсации причиненного потерпевшим ущерба, что является важнейшей задачей не только уголовно-исполнительной системы, но и государства в целом, так как согласно Конституции РФ, именно государство обеспечивает потерпевшим компенсацию ущерба, причиненного преступлениями.

Возвращаясь к юридическому определению целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации предлагается следующая формулировка ч. 1 ст. 1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, их социальную реабилитацию и предупреждение преступлений».

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 8.03.2015). «Собрание законодательства РФ», 13.01.1997, № 2, ст. 198.
2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). «Ведомости ВС РСФСР», 1960, № 40, ст. 591.
3. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 12.10.1970) (ред. от 21.12.1996). «Ведомости ВС РСФСР», 1970, № 51, ст. 1220.
4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 8.03.2015), «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
5. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 640 с.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кравец И.П.

Волжский государственный университет водного транспорта, г.Нижний Новгород

С развитием транспорта большое значение имеет предупреждение транспортных преступлений, а также с недоброкачественного ремонта транспортной техники. Технический прогресс резко сократил число транспортных происшествий, вызываемых конструктивными недостатками, и в то же время возросло число крушений катастроф и аварий, причиной которых является человек. По данным мировой статистики, из каждых трех происшествий на транспорте два обусловлены человеческим фактором. На протяжении длительного времени подобная пропорциональность сохраняется. Анализ уголовных дел показывает, что доля преступлений, причиной которых явились нарушения правил безопасности, постоянно колеблется в пределах 60-80% от их сущего числа [1].

Очевидное своеобразие преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта предопределяет необходимость исследования самостоятельной, присущей им системы причин и условий, отражающей специфику социально-экономических, социально-правовых, организационно-технических, психологических и иных факторов. Другими словами, аналитическому обобщению подлежит механизм указанных правонарушений.

Рассмотрим наиболее типичные криминальные ситуации [2], включающие характерные картины преступных правонарушений определенных видов, содержащие объективные и субъективные факторы, определяющие аварийное событие в целом.

На железнодорожном транспорте:

1) локомотивная бригада, грубо нарушая правила подготовки к рейсу (недостаточный отдых, употребление спиртных напитков накануне и т. п.), отвлекается от управления локомотивом (нередко засыпает), проезжает запрещающий сигнал светофора; 2) дежурный по станции или диспетчер, неудовлетворительно руководя движением поездов, маневровой работой (отвлекается, плохо ориентируется в оперативной обстановке, покидает рабочее место и т. п.), отправляет поезд на занятый путь; 3) работники службы пути, средств сигнализации и связи, локомотивного и вагонного хозяйства проводят недоброкачественный ремонт либо, обнаружив при

осмотре дефекты, не принимают необходимых мер к их устранению.

На воздушном транспорте:

1. при эксплуатации самолетов большой пассажироместимости: а) экипаж не выполняет (чаще всего в целях экономии времени, горючего и т. п.) какие-либо обязательные действия, предусмотренные правилами безопасности (например, заход на второй круг при неблагоприятных условиях посадки, точное и полное исполнение всех операций в полете, особенно при взлете и посадке [3]; б) экипаж преднамеренно допускает перегруз воздушного судна, особенно при грузовых, коммерческих рейсах; в) диспетчер отвлекается, не успевает выполнить обязательные операции (например, развести самолеты по разным эшелонам, дать вовремя точные координаты местонахождения воздушных судов и др.).

2) При использовании легких самолетов и вертолетов: а) игнорируя правила безопасности, экипаж совершает самовольный вылет (без подготовки, учета прогноза погоды и т. д.); б) при неблагоприятном прогнозе экипаж, не считаясь с опасными метеоусловиями, совершает вылет; в) при выполнении полета (по заданию или самовольно) экипаж, пренебрегая правилами безопасности, допускает лихачество (полет ниже предельной высоты в опасных зонах, выполнение недозволенных виражей, нередко в нетрезвом состоянии).

На водном транспорте:

1) пренебрегая правилами безопасности плавания, судоводители не проявляют должной бдительности, не осуществляют тщательного наблюдения за окружающей обстановкой, что приводит к столкновению судов; 2) администрация не контролирует ремонтных работ на судне, неудовлетворительно организует его приемку, что приводит к выходу из строя той или иной системы (механизмов), пожару на судне и т. п.; 3) капитан судна, вопреки штормовому предупреждению, выходит в море либо не принимает мер к обеспечению безопасной стоянки, что становится причиной посадки судна на мель, навала на берег (береговые сооружения) и т. д.

Анализ причин, преступных нарушений правил безопасности движения на транспорте невозможен без исследования социально-психологического механизма индивидуального поведения. Причем в каждом конкретном случае результат взаимодействия ситуация - личность зависит от содержания факторов, лежащих в основе элементов указанного взаимодействия. В одних случаях определенную и провоцирующую роль в противоправном действии (бездействии) индивидуума играют его ценностные ориентации. В других лидирующим фактором могут являться внешние обстоятельства. Таким образом, в процессе транспортного происшествия происходит взаимодействие объективных факторов (окружающая среда, техника, производственное задание, правила безопасности) и субъективных (оператор, его внутренние процессы и состояния). При этом степень общественной опасности самого действия (бездействия) и личности правонарушителя в значительной степени определяется соотношением ситуационных и личностных факторов в каждом конкретном транспортном происшествии. При анализе криминологических свойств правонарушителей возникает вопрос о мотивах преступных нарушений правил безопасности. Результаты криминологических исследований, показывают, что в основе мотивации неосторожных преступлений этого рода можно установить самые различные интересы и потребности, в том числе и антисоциальные [4].

Наиболее типичными мотивами действий при нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации транспорта могут быть [5]: во-первых, эгоизм, установка на достижение личных целей, обеспечение своего благополучия (самовольная эксплуатация транспортных средств; отклонение от заданных маршрутов по своим делам и т. п.); во-вторых, стремление скрыть другие нарушения, допущенные по небрежности. При этом нередко сознательно игнорируется возможность наступления тяжких последствий, субъект легкомысленно рассчитывает на их предотвращение. Здесь в отношении к наступившим последствиям имеет место преступная самонадеянность; в-третьих, ложно понятые производственные интересы: нередко экипаж нарушает правила, стремясь выполнить рейс в любых сложных условиях, даже когда правила безопасности категорически это запрещают (например, неблагоприятные погодные условия, сильный шторм, большая облачность и т. п.) [6].

Поэтому наряду с исследованием личности правонарушителей серьезного внимания заслуживает проблема криминогенного воздействия социально-экономических и организационно-технических факторов на обеспечение безопасности транспортного движения. Политическая и экономическая система при нестабильном их развитии может порождать криминогенные обстоятельства, способствующие совершению неосторожных преступлений. Особенно ярко это проявляется в сфере взаимодействия человека с техникой (источником повышенной опасности).

Большое значение, например, приобретает своевременное и адекватное проведение форм, методов и средств государственного контроля за безопасностью на транспорте к имеющим место условиям его функционирования. Так, приобретение в последнее время средств воздушного и водного транспорта частными фирмами, физическими лицами приводит к их неконтролируемой эксплуатации и самым негативным последствиям в плане безопасности движения.

Предупреждение транспортных преступлений – сложный, но управляемый социальный процесс, требующий реализации комплекса экономических, технических, правовых, культурно-воспитательных, психологических и иных мер, являющихся составной частью общей системы социальной профилактики правонарушений. Эта система включает меры общего, специально-криминологического и индивидуального характера [7]. Между тем низкий уровень трудовой и технологической дисциплины операторов транспортной системы, халатное отношение к исполнению служебных обязанностей, неудовлетворительная их профессиональная подготовка, пьянство – далеко не исчерпывающий перечень криминогенных факторов. Следовательно, важнейшим условием эффективной профилактики транспортных преступлений является постоянное взаимодействие ведомственных, межведомственных и правоохранительных органов.

Подводя итог, проанализированным типичным криминальным ситуациям, опираясь на имеющиеся в научной литературе различные точки зрения [8] по проблеме предупреждения, нарушений правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта, необходимо сформулировать свою позицию по рассматриваемому вопросу.

Вывод: автором предлагаются следующие основные направления профилактики транспортных преступлений: 1) разработка и реализация долгосрочных комплексных программ по предупреждению преступлений, предусматривающих меры социально-экономического, социально-правового, организационно-технического характера; 2) совершенствование законодательных и нормативных актов, регламентирующих уголовную, административную и дисциплинарную ответственность за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также документов, регулирующих служебное расследование транспортных происшествий; 3) постоянное совершенствование практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о транспортных преступлениях; 4) совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов, регламентирующих безопасность движения и эксплуатации транспорта, а также за расследованием преступлений (как уголовно-процессуальным, так и служебным); 5) повышение уровня профессиональной подготовки, как работников транспорта, так и специалистов межведомственных органов, связанных с обеспечением безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Список литературы

1. Аналитический обзор транспортных преступлений. / ВНИИ МВД РФ, 2014. – С. 67.
2. Якубенко Н.В. Предупреждение преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта. // «Черные дыры» в Российском законодательстве. М.: Изд-во 000 «К-Пресс». Москва. – 2010. – № 6 – С.111-119.
3. Так, при расследовании причин катастрофы российского аэробуса А-310 под Междуреченском в марте 1994 г., унесшей жизни 75 человек, были установлены грубейшие нарушения правил безопасности, связанные с нахождением в кресле командира корабля посторонних лиц (его детей, подростков) // режим доступа <http://top.rbc.ru/special/10/07/2000/6322837.shtml>
4. Расторопов С.В. Сравнительно-правовой анализ неосторожных преступлений // «Черные дыры» в Российском законодательстве. М.: Изд-во 000 «К-Пресс». Москва. – 2009. – № 4 – С. 85-89.
5. Кравец И.П. Правовое регулирование деятельности по предупреждению преступлений на внутреннем водном транспорте. / И.П. Кравец // Труды 14-го международного научно-промышленного форума «Великие реки - 2012». Том 2. – Н. Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ». – 2012. – С. 125-129.
6. Пример тому – двухпалубный прогулочный теплоход «Булгария» затонул днем 10 июля 2011 г. близ села Сюкеево на Куйбышевском водохранилище в Татарстане. Как отмечает представитель Генпрокуратуры Марина Гриднева – причиной катастрофы послужило множество нарушений «Теплоход прослужил 56 лет. Капремонт на нем был проведен 30 лет назад – в 1980 году. Лицензия на перевозку пассажиров отсутствовала. Имелась неисправность левого двигателя, допущена перегрузка судна, а также плохие погодные условия (сильный дождь и порывистый ветер)». Итог – 120 погибших. / режим доступа <http://top.rbc.ru/special/10/07/2011/604837.shtml>
7. Эминов В.Е. Предупреждение авиационных происшествий. – М. 2010. – С. 9.
8. Малков В.А. Проблемы взаимодействия ситуации и личности в механизме преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного и водного транспорта // Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступностью. – М., 2011. – С. 79-94.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С КОРЫСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

Корж О.В., магистрант 2 года обучения, заочного отделения

«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Институт Права и национальной безопасности
Кафедра уголовного права и процесса

Мировой опыт показывает, что объективно, с точки зрения возможностей и условий развития любого общества, следует вести речь о сдерживании преступности и контроле за процессами, ее детерминирующими. Многие страны идут сейчас именно этим путем, отдавая предпочтение тем специальным мерам общей профилактики, которые в первую очередь имеют характер защиты личности, общества и собственности от преступных посягательств. Российское государство не является исключением в данном направлении.

В условиях создания современного российского правового государства профилактика корыстных преступлений против собственности без признаков хищения должна заключаться в создании государством условий для многообразия и широкой доступности легальных способов достижения материального благополучия, в воспитании такой личности, для которой правомерный путь достижения своих целей является единственным, в создании и охране таких общественных отношений, при которых каждый человек способен позаботиться о себе самостоятельно, при этом необходимо создать достойные условия для собственной и своих детей жизнедеятельности.

Объективный подход требует более сдержанных оценок. С учетом этого специальную профилактику можно представить как целенаправленную деятельность государственных органов, должностных лиц, общественных и других негосударственных организаций, учреждений и их представителей и осуществлению мер, направленных на их устранение либо нейтрализацию действия (1, стр 98)

Однако на сегодняшний день, меры профилактики, по ряду известных причин, трудноосуществимы, а главное – недостаточно эффективны. В связи с чем, специальное предупреждение оказалось далеко выдвинутым на передний план, а основная тяжесть по осуществлению социально-профилактических мероприятий по предупреждению имущественных преступлений легла на государственные органы, выполняющие правоохранительные функции, и, прежде всего, на органы внутренних дел.

Объективными целями общей профилактики корыстных преступлений против собственности без признаков хищения в современных условиях следует считать сдерживание негативных тенденций преступности и снижение общественной опасности.

Меры профилактики преступлений должны отвечать соответствующим требованиям, диктуемым современными условиями и самой действительностью. Среди них, в первую очередь, следует назвать:

- Объективность, отражающую как адекватную реальным потребностям в осуществлении этих мер, так и возможности соответствующих субъектов по их исполнению;
- Комплектность, предполагающую обязательное объединение усилий различных субъектов общей профилактической деятельности;
- Актуальность, обеспечивающую планирование и исполнение мер, в наибольшей степени отвечающих как криминологической ситуации, так и интересам населения;
- Оптимальность или эффективность, способствующую при наименьших кадровых, финансовых, материальных затратах достижению наибольших результатов;
- Приоритетность, обеспечивающую выбор из множества задач главной и определяющей – примат общегосударственных интересов над ведомственными.

Особого внимания в современных условиях заслуживает требование обеспечения законности при осуществлении мер общей профилактики преступлений, поскольку речь идет о правовой основе этой деятельности.

Важную роль в предупреждении корыстной преступности играют специализированные подразделения внутренних дел, подразделения вневедомственной охраны, патрульно-постовая служба и служба участковых инспекторов, подразделения по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, аппараты уголовного розыска и др.

Обще профилактическая деятельность органов внутренних дел по защите общественной и личной собственности достаточно многообразна и многопланова. Сущность этой деятельности состоит в создании условий, объективно препятствующих совершению преступления на определенной территории или объекте. В

распоряжении органов внутренних дел для этого имеются организационные, технические, информационные и другие меры, которые наиболее активно реализуются в повседневной деятельности подразделений.

Остановимся на деятельности некоторых из них. Так, к примеру, специализированные подразделения полиции осуществляют сбор, обобщение и анализ информации о преступлениях против собственности с целью установления наиболее распространенных способов совершения корыстных посягательств, используемых каналов сбыта краденного, условий, способствующих совершению преступлений и т.д., а также для выработки и осуществления конкретных профилактических мероприятий. Вместе с тем, указанные подразделения дают в средствах массовой информации освещение соответствующих материалов с целью сокращения виктимологических условий указанной группы преступлений. Данные подразделения информируют население: о совершении преступлений против собственности, способах и уловках преступников, защитных мерах по предупреждению совершения преступлений против собственности.

Правоохранительные органы в целях профилактики корыстных преступлений против собственности без признаков хищения должны выявить статистические корреляционные связи между криминогенными видами преступлений, которые определяют основной массив преступности. При этом правоохранительные органы осуществляют процесс выявления тех причин и условий, которые находятся в определенной зависимости от деятельности правоохранительных органов.

Предупреждение корыстных преступлений против собственности без признаков хищения сопряжено со значительными трудностями. Дело в том, что эти преступления, как правило, совершают работники, занимающие определенное положение в сфере народного хозяйства, либо частного предпринимательства, связанные с выполнением различного рода экономических отношений, участниками которых они являются, а также должностными лицами органов власти и управления, имеющими отношение к функционированию определенных элементов хозяйственного механизма. Другими словами, экономическая преступность тесно связана с коррупцией, т. е. подкупом, продажностью общественных и политических деятелей и должностных лиц.

Список литературы

1. Графт С.К. Причины преступности и меры борьбы с ней – М.ЮристЪ, 2010 – с.98

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УГОЛОВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ: ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Бытымбаев А.М.

Алматинская академия МВД Республики Казахстан, г.Алматы

С учетом остроты экологических проблем на территории бывшего СССР, низкого уровня развития законодательства об окружающей среде, развитие природоохранительного сотрудничества в Содружестве Независимых Государств (СНГ) остается актуальной. Межгосударственное сотрудничество в области охраны окружающей природной среды осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках Соглашения о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей среды, подписанного в феврале 1992г. Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Кыргызстаном, Молдовой, Российской Федерацией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном, Украиной.

Стороны Соглашения договорились о выработке и проведении согласованной политики в области охраны и использования земель, почв, недр, лесов, вод, атмосферного воздуха, растительного и животного мира, естественных ресурсов континентального шельфа, экономической зоны и открытого моря за пределами национальной юрисдикции с учетом соглашений, ранее заключенных СССР.

Важную роль в развитии природоохранительного сотрудничества в рамках СНГ призвана играть Межпарламентская ассамблея. В ее структуре создан Отдел по охране окружающей среды. Важнейшим полезным направлением ее деятельности является подготовка модельных законов в области природопользования и охраны окружающей среды.

Постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 2 ноября 1996 г. был принят рекомендательный законодательный акт «Об экологической безопасности» [1]. В нём указано, что в области экологической безопасности, при осуществлении хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц, целью правового регулирования отношений является, защита жизни,

здоровья и условий жизнедеятельности человека, защита общества, его материальных и духовных ценностей, окружающей природной среды, в том числе атмосферного воздуха и космического пространства, водных объектов, недр, земельных и лесных ресурсов, почв, ландшафтов, растительного и животного мира от угроз, возникающих в результате воздействий на окружающую природную среду.

Экологическая безопасность при этом рассматривается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, окружающей природной среды от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на нее. В статье 1 Экологического кодекса Республики Казахстан экологическая безопасность трактуется как «состояние защищенности жизненно важных интересов и прав личности, общества и государства от угроз, возникающих в результате антропогенных и природных воздействий на окружающую среду» [2]. Из этого определения можно сделать вывод, что экологическая опасность – это состояние, угрожающее защищенности жизненно важных интересов личности, общества и окружающей природной среде в результате антропогенных и природных воздействий на нее. При этом выделяются чрезвычайная экологическая ситуация, экологическое бедствие и экологически опасная ситуация. В рекомендательном законодательном акте указывается: «Экологическая безопасность является составной частью безопасности личности, общества и государства. Реализация прав и свобод граждан, причиняющих ущерб правам других граждан на экологическую безопасность, не допускается. Воздействия на окружающую природную среду не должны понижать уровень экологической безопасности настоящего и будущих поколений» [3].

Таким образом, предлагается государствам - участникам СНГ нарушения правовых норм в области экологической безопасности относить к нарушениям прав человека.

В Модельном Уголовном кодексе государств - участников СНГ (МУК СНГ) от 17 февраля 1996 года, принятом в Санкт-Петербурге постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ [4], представлены деяния, нарушающие экологическую безопасность, и их законодательное описание как экологических преступлений. При формировании уголовного законодательства указанными государствами, были учтены рекомендации, содержащиеся в МУК СНГ. В Уголовных кодексах всех стран участников СНГ выделены самостоятельные главы (разделы) регламентирующие экологические преступления. В частности, глава 28 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики [5], глава 26 Уголовного кодекса Кыргызской Республики [6], глава 9 Уголовного кодекса Республики Молдова [7], глава 11 Уголовного кодекса Республики Казахстан [8].

Уголовный кодекс Республики Казахстан, действующий с 1 января 2015 года, предусматривает деление уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки. В соответствии с частью 2 статьи 10 Уголовного кодекса преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни [8]. А по части 3 статьи 10 Уголовного кодекса уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста. В рассматриваемом Кодексе уголовные правонарушения, направленные против экологической безопасности рассматриваются в главе 13 «Экологические уголовные правонарушения» [8].

Из этого следует, что экологическое уголовное правонарушение, в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости, подразделяется на экологические преступления и экологические уголовные проступки. Экологическим преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное 13 главой Уголовного кодекса Республики Казахстан под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы. Экологическим уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста. Кроме того, Уголовный кодекс Республики Казахстан дополнен двумя экологическими уголовными правонарушениями: ст.334 «Самовольное пользование недрами» и ст.336 «Нарушение правил охраны рыбных запасов» [8].

Уголовные кодексы стран Балтии (Латвии, Литвы и Эстонии) также содержат нормы об экологических преступлениях, и Кодексы также предусматривают деление общественно опасных деяний на преступления и уголовные проступки. За преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за проступки – арест и более мягкие наказания. Экологические преступления в Уголовном кодексе Латвийской Республики расположены в разных главах, но в основном, они сосредоточены в главе XI «Преступные деяния против природной среды». А вот преступления, предусмотренные статьей 222 «Нарушение ветеринарных правил» и 223

«Нарушение правил борьбы с болезнями вредителями растений», отнесены к преступным деяниям в народном хозяйстве [9]. В Уголовном кодексе Литовской Республики выделена самостоятельная глава «XXXVIII. Преступления и уголовные проступки против окружающей среды и здоровья человека» [10].

Одной из немаловажных особенностей Уголовных Кодексов стран Балтии от остальных постсоветских государств, является привлечение к уголовной ответственности не только физических, но и юридических лиц.

К примеру, по Уголовному кодексу Литовской Республики, юридические лица несут ответственность за деяния физических лиц, совершённые в пользу или в интересах юридического лица, если это лицо действовало индивидуально или по поручению юридического лица, либо в силу своих служебных обязанностей имело право представлять юридическое лицо, принимать решения от имени юридического лица или контролировать деятельность юридического лица (ст. 20). Ответственность юридического лица наступает и в том случае, если его сотрудник совершил преступные деяния в пользу данного лица вследствие недостаточного присмотра или контроля за ним. Юридическому лицу может быть назначено наказание в виде штрафа, ограничения деятельности и ликвидации. При этом одновременно привлекаются к ответственности и физические лица, которые совершили, организовали, подстрекали или содействовали совершению преступного деяния [11].

В 2005 году Уголовный кодекс Латвийской Республики был дополнен главой: «Меры принудительного воздействия, применяемые к юридическим лицам». В качестве таких мер предусмотрены: ликвидация предприятия, ограничение в правах, конфискация имущества, штраф и возмещение ущерба. При этом суд в приговоре, признав доказанным, что физическое лицо совершило преступление в интересах юридического лица, и последнее знало о совершении деяния, но ничего не предприняло для его предотвращения, решает вопрос о применении той или иной меры принудительного воздействия. Таким образом, в Латвии к юридическому лицу применяются меры принудительного воздействия, которые уголовным наказанием не являются. Причем они применяются только в случае осуждения физического лица, которое действовало преступно в интересах соответствующего юридического лица [12].

В Уголовном кодексе Эстонской Республики экологические преступления расположены в главе 7 «Хозяйственные преступления»: нарушение требований к землепользованию или порядка ведения земельного кадастра (ст. 154.2.), нарушение требований охраны и использования недр (ст. 154.3.), незаконная порубка леса (ст. 155), умышленное уничтожение или повреждение леса (ст. 155.1.), уничтожение или повреждение леса по неосторожности (ст. 155.2.), нарушение требований, предъявляемых к сделкам, совершаемым с лесоматериалами, и к перевозке лесоматериалов (ст. 155.3.), потравы посевов и повреждение насаждений (ст. 156.), незаконная охота, рыбная ловля либо незаконный сбор растений (ст. 157.), загрязнение, засорение или истощение водных объектов или загрязнение атмосферного воздуха (ст. 158.) Истребление рыбных запасов (ст. 158.1.), незаконная хозяйственная или исследовательская деятельность в экономической зоне (ст. 158.3.) [13]. Предусматривается возможность привлечения юридического лица к ответственности за преступление или проступок.

Уголовный кодекс Узбекистана явился одним из первых уголовных кодексов на постсоветском пространстве, ввиду чего его первая редакция была довольно несовершенна, не отражала всех потребностей государства с рыночной экономикой; поэтому в 2001 году была произведена существенная доработка Кодекса, имевшая целью приведение его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, либерализации ответственности, криминализации новых и декриминализации устаревших составов преступлений, внедрения в законодательство новейших достижений уголовно-правовой науки [14]. По экологическим преступлениям в разделе 4 Уголовного кодекса Узбекистана указана лишь сфера, в которой совершаются рассматриваемые преступления «Преступления в сфере экологии», а глава XIV – «Преступления в сфере охраны окружающей среды и природопользования» [15].

Уголовный кодекс Армении во многом основан на положениях Модельного Уголовного кодекса для государств — участников СНГ. Законодатель отразил социальную направленность деяния, нарушающего экологическое законодательство, и тем самым определил объект преступления, это, на наш взгляд, предпочтительнее. Так, глава 27 и раздел 10 Уголовного кодекса Республики Армения названы «Преступления против безопасности окружающей среды» [16].

Уголовный кодекс Грузии во многом основан на положениях Модельного Уголовного кодекса для государств - участников СНГ; также многие нормы заимствованы из Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, хотя учтён и опыт применения Уголовного кодекса Грузинской ССР 1960 года, а также международные нормы и особенности социально-политической обстановки в Грузии [17]. Если исходить из названия раздела X «Преступления против правил охраны окружающей природной среды и пользования природными ресурсами» Уголовного кодекса Грузии, то можно сказать, что законодателем указаны две группы экологических преступлений: 1) против правил охраны окружающей природной среды; 2) против правил пользования природными ресурсами. Но название главы XXXVI данного раздела, свидетельствует об

объединении в нем узкого круга деяний – против охраны окружающей среды. Особенность Уголовного кодекса Грузии в том что, в качестве экологических преступлений признаны: - несообщение должностным лицом, которому это вменяется в обязанность, о сбросе в море вредных для здоровья человека или живых организмов моря веществ либо иных отходов или материалов (ст.294); - осуществление деятельности первой категории без природоохранного разрешения (ст.306).

В Уголовном кодексе Республики Беларусь [18] и Уголовном кодексе Республики Таджикистан [19] рассматриваемые преступления направлены против экологической безопасности и природной среды. Уголовный кодекс Белоруссии во многом основан на положениях Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ; также многие нормы заимствованы из Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, хотя, в целом, кодекс характеризуется как достаточно самостоятельный и теоретически продуманный. Одно из отличий Уголовного кодекса Белоруссии в том, что в примечании соответствующей главы закреплено законодательное понятие преступления против экологической безопасности: «Преступлениями против экологической безопасности и природной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причинившие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосферному воздуху и другим природным объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среды, независимо от форм собственности» [20].

Уголовный кодекс Таджикистана так же во многом основан на положениях Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ; многие нормы заимствованы из Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года. В том числе и нормы экологических преступлений [19].

Из проведенного нами анализа следует что, уголовное законодательство Республики Казахстан по вопросам экологических уголовных правонарушений во многом отличается от зарубежного законодательства. Есть выгодно отличающиеся стороны законодательство Республики Казахстан и выгодно отличающиеся стороны зарубежных законодателей.

В УК Белоруссии, например, закреплено законодательное понятие преступления против экологической безопасности и даны величины крупного, особо крупного размера нанесенного ущерба. По-нашему мнению, это дает возможность разграничить экологическое преступление от административного правонарушения и определить категорию экологического преступления.

Еще одной проблемой в Республике Казахстан, которая давно назрела и требует своего положительного решения, является проблема признания юридических лиц субъектами экологических уголовных правонарушений.

В странах Балтии (Латвии, Литвы и Эстонии) имеется такая практика, как мы уже рассматривали, где субъектами уголовной ответственности могут являться не только физические, но и юридические лица.

По мнению ведущих отечественных ученых, подход латвийского законодателя к решению этой проблемы представляется удачным. В результате удалось разъединить преступление и наказание физических лиц и меры уголовно-правового характера для юридических лиц, являющиеся видом уголовной ответственности, но не наказанием. При этом значение установления уголовной ответственности юридического лица усматривается в интенсификации борьбы с экологическими преступлениями посредством общей и специальной превенции [21]. Установление уголовной ответственности юридических лиц за экологические преступления является отличительной особенностью уголовного законодательства и ряда других зарубежных стран – как Англии, Австрии, Бельгии, Дании, КНР, ФРГ, Франции, Финляндии, США и многих других. По нашему мнению, этот положительный опыт может и должен быть позаимствован казахстанским уголовным законодательством.

Введение уголовной ответственности юридических лиц будет способствовать приведению уголовного законодательства в соответствие с международными стандартами. Республика Казахстан 4 мая 2008 года ратифицировала Конвенции Организации Объединенных Наций – против коррупции и против транснациональной организованной преступности.

Казахстан, ратифицировав эти конвенции, обязался вести ответственность юридических лиц в виде уголовной, административной и гражданско-правовой.

При решении уголовную ответственность юридических лиц должны учитываться как положительные, так и отрицательные стороны. Так как вопрос о ведении указанного уголовно-правового института требует проработки. Должны учитываться сложившиеся ситуации в судебных и правоохранительных органах в части защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц. Недоработка в законодательстве и поспешность в принятии решения по этому вопросу может создать дополнительные возможности для коррупции в правоохранительных органах, так как институт уголовной ответственности юридических лиц может стать еще одним инструментом незаконного воздействия на бизнес.

Список литературы

1. Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств - участников СНГ: документы заседания Совета Межпарламентской ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств. Санкт-Петербург, 1-2 ноября 1996 г. – 1997. – №12. – С. 201-221.
2. Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 года № 212-III. – Алматы: ЮРИСТ, 2013. – 192 с.
3. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 29 декабря 1992г. «О рекомендательном законодательном акте «О принципах экологической безопасности в государствах Содружества» // <http://busel.org/texts/cat9ur/id5cwlful.htm>
4. Модельный Уголовный кодекс для государств - участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. Санкт-Петербург от 17 февраля 1996 года <http://legislationline.org/documents/section/criminal-codes>
5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (Утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (Вступил в силу с 1 сентября 2000 года согласно Закону Азербайджанской Республики от 26 мая 2000 г. № 886-IQ). http://az.wikisource.org/wiki/Azərbaycan_Respublikasının_Cinayət_Məcəlləsi
6. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 18 сентября 1997 года // http://www.prokuror.kg/index.php?Itemid=109&catid=82&id=767:ugolovnyj-kodeks-kyrgyzskoj-respubliki&lang=ru&option=com_content&view=article
7. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года// <http://lex.justice.md/ru/331268/>
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V // http://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167_
9. Уголовный кодекс Латвии от 17 июня 1998 года <http://likumi.lv/doc.php?id=88966>
10. Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сентября 2000 года, вступила силу с 1 мая 2003 года. <https://crimpravo.ru/codecs/litva/2.doc>.
11. Уголовный кодекс Литовской Республики / Науч. ред. В. Павилонис, предисл. Н.И. Мацнев, вступ. статья В. Павилонис, А. Абрамвичюс, А. Дракшене, пер. с лит. В.П. Казанскене. - СПб.: Юридический центр пресс, 2003. - С. 20. - 470 с.
12. Крастиньш У.Я. Вопросы применения норм о мерах принудительного воздействия к юридическим лицам // Конституционные основы уголовного права: Материалы I Всероссийского конгресса уголовного права, посвященного десятилетию Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2006. С. 294 - 297.
13. Уголовный кодекс Эстонской Республики принятый 6 июня 2001 г. и вступивший в силу с 1 марта 2002 г. <https://www.riigiteataja.ee/akt/22221>
14. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. - 2-е, перераб. изд. - М.: Волтерс Клувер, 2005. – 868 с. - ISBN 5466000981.
15. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII Введен в действие с 01.04.1995 г. // http://www.lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=111453
16. Уголовный кодекс Республики Армения от 21 июня 2008 года // <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus>
17. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года. http://gca.ge/uploads/files/5/_sakartvelos_sisxlis_samartlis_kodeqsi.pdf
18. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. http://law.bymedia.net/index.php?option=com_content&task=view&id=39&Itemid=104
19. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года // <http://www.prokuratura.tj/new/tj/docs/zakon/349-кодекси-чиноятти-чумхурии-тоҷикистон.html>
20. Волженкин Б.В. Новый Уголовный кодекс Республики Беларусь// Правоведение. – 2000. – № 6. – С.140-152.
21. Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. – 2009. – N 5. – С.14.

**СЕКЦИЯ №7.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.09)**

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Пашаева Э.Х.

Барнаульский юридический институт МВД России

Первым нормативным документом, в котором было дано определение понятия результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – результатов ОРД), стала согласованная с Генеральной прокуратурой РФ Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» (далее – Инструкция 1998 г.). В ней результаты ОРД определялись как «фактические данные, полученные оперативными подразделениями в установленном Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» порядке, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших правонарушение, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации» [10].

Анализ приведенного определения результатов ОРД позволяет вскрыть некоторые его неточности в формулировках подзаконного нормативного акта по отношению к Федеральному закону об ОРД [14, с. 349].

Как известно, Федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности предусмотрено, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (статья 1); выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, относится к задачам ОРД (статья 2). Не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным Федеральным законом (статья 2).

Из перечисленных нами положений видно, что неточность формулировки рассматриваемого определения выражалась в одновременном указании в нем на наличие «преступления» и «правонарушения» и это не отвечало целям, задачам и условиям оперативно-розыскной деятельности. Правонарушение имеет более широкое значение, оно включает в себя не только понятие «преступление», но и проступок, подразумевающий: дисциплинарные проступки, гражданско-правовые деликты, административные правонарушения. Оперативно-розыскная деятельность не может проводиться с целью выявления, пресечения и предупреждения проступков, в этой связи определение результатов ОРД нуждалось в соответствующем уточнении, которые не заставили себя ждать.

Таким образом, 4 июля 2003 г. Федеральным законом № 92-ФЗ, впервые произошло его официальное закрепление на законодательном уровне. Дополнив статью 5 УПК РФ пунктом 36¹, законодатель определил, что под результатами ОРД следует понимать «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда». Это же определение нашло отражение и в новой Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд от 17.04.2007 г. и без каких-либо уточнений воспроизведено в Инструкции от 27.09.2013 [11].

При сравнительном анализе определения результатов ОРД, закрепленного в прежней и новой редакции, обращает на себя внимание не только его обновленное и более лаконичное содержание, но и введенный законодателем новый родовой признак, которым является категория «сведения», заменившая собой ранее используемую категорию «фактические данные».

Изложенное обстоятельство поставило перед нами задачу, прежде всего, исследовать в сравнительном соотношении «фактические данные» и «сведения» для того, чтобы раскрыть их смысловую нагрузку для определяемого понятия.

Термин «фактический» означает: действительно происшедший, не вымышленный, верный очевидный, бесспорный, достоверный [15, с. 630]. Термин «данные» означает сведения, информацию, материал, показания служащие для какого-нибудь вывода, решения (например, о том, что преступник скрывается в конкретном месте) [15, с. 280].

Исходя из полученных представлений о категории «фактические данные», можно сделать вывод, что посредством нее разработчики Инструкции 1998 г. приравнивали результаты ОРД к доказательствам, которые в соответствии со ст. 69 УПК РСФСР также были определены как любые фактические данные. Указанное обстоятельство вызвало резкую критику в научных кругах. Суть критики сводилась к недопустимости прямого использования результатов ОРД в качестве доказательств по делу, поскольку их получение происходит вне рамок уголовно-процессуального закона, а охватывается нормами Закона об оперативно-розыскной деятельности, которому присущи как гласные, так и негласные способы получения информации. В этой связи, под сомнение ставилось не только содержание сведений полученных оперативным путем, но и их форма, которая служит неотъемлемым элементом в формировании любого доказательства. В результате, на уровне научного спора возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств была признана несостоятельной [4, с. 111; 7, с. 37-38] и даже абсурдной [5, с.38-43].

Думается, что разрешить проблему, касающуюся отграничения результатов ОРД от процессуальных доказательств могла бы замена родовой категории «фактические данные» на «сведения». Ведь, как известно, слово «сведения» толкуется в качестве некоторых результатов чувственного восприятия. Данный признак непосредственно является антропогенным, т.е. исходит от человека (слова, условные знаки, цифры). В общем понимании «сведениями» выступают знания, представления о чем-нибудь [8, с. 608]. Интегрируя полученные представления об анализируемой категории, можно прийти к выводу, что в рассматриваемом контексте сведениями выступают знания о произошедшем явлении (событии), но при этом не обязательно признанные достоверными, что вполне соотносимо с результатами ОРД.

Однако в то же время, обращаясь к ч. 1 ст. 74 УПК РФ не трудно заметить, что первоначально категория «любые фактические данные» была исключена из определения доказательств с последующей заменой на «любые сведения», лишь, после чего аналогичная замена произошла в определении результатов ОРД. Согласно теории доказательств, замена указанных категорий произошла вследствие того, что изменилось направление в оценке доказательств как достоверных фактов, которое было обусловлено наукой и потребностями юристов-практиков. В соответствии с новыми взглядами сформировалась позиция о том, что содержание любого доказательства может оказаться как истинным, так и ложным, а потому не целесообразно допускать отождествление доказательств с фактами действительности [9, с. 39; 16, с. 56]. Это обстоятельство заставило законодателя коренным образом пересмотреть свое отношение об информационном содержании доказательств в уголовном процессе.

Стоит отметить, что данная позиция не была оставлена без внимания отдельными учеными, проводившими свои исследования в области использования результатов ОРД. По их мнению, новый информационный подход к оценке содержания доказательств был интерпретирован в качестве стремления законодателя распространить данную оценку и на результаты ОРД с той целью, чтобы показать, что полученные при этом оперативные сведения тоже обладают необходимыми признаками доказательства [2, с. 46-48; 3, с. 70]. Однако такой вывод являлся ошибочным. Во-первых, потому что законодатель устанавливает различные правовые режимы, предназначенные для формирования и использования результатов ОРД и доказательств. Как указывает Е.А. Доля, их совпадение, в силу того, что они могут отражать одни и те же факты и обстоятельства, не является основанием для их отождествления [6, с. 240]. Во-вторых, по мнению С.А. Шейфера, «сохранение слова «любые» применительно к слову «сведения», не дает оснований для его расширительной интерпретации, наблюдаемой в литературе, так как явно относится к содержанию информации, допуская ее разнообразие, и вовсе не затрагивает источников и способов ее получения» [16, с. 115].

Схожая правовая позиция, получила развитие в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Высшим судебным органом отмечено, что «результаты оперативно-розыскных мероприятий не являются доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов (выделено нами), которые будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации» [12].

Интерпретируя правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации становится очевидно, что результаты ОРД не могут стать доказательствами до тех пор, пока посредством процессуальных действий они не пройдут надлежащую проверку и оценку со стороны должностного лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда. До этого же момента, результаты ОРД могут служить лишь в качестве

ориентирующей информации для подготовки и осуществления следственных и процессуальных действий, использоваться при принятии решений об их производстве; быть поводом и основанием для возбуждения уголовного дела [1, с. 176; 13, с. 89].

Однако при всей значимости позиции Конституционного Суда РФ для разрешения рассматриваемых нами вопросов, на наш взгляд им была допущена некоторая неточность при обозначении результатов ОРД в качестве «сведений об источниках о фактах». Исходя из этой формулировки совершенно не понятно, о каких конкретно источниках должны быть получены сведения? Принимая во внимание, что с точки зрения познавательного процесса, источник – это его начальный элемент [8, с. 250], то, тогда, скорее всего под результатами ОРД Конституционный Суд РФ подразумевает либо сведения, отражающие информацию об оперативном сотруднике, которому в рамках осуществляемой деятельности стали известны сведения о событии преступления или его обстоятельствах. Либо сведения о любом другом лице, предоставившем в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность информацию о преступлении. Коль скоро информация о событии или об обстоятельствах преступления отходит на второй план, то возникает еще один резонный вопрос, что принципиально важно для уголовного дела могут дать такие сведения? Полагаем, если говорить о сведениях об оперативном сотруднике, то, скорее всего они могут касаться его должности, соответствующих полномочий и разрешения на осуществление оперативно-розыскной деятельности в предусмотренных законом случаях. Если же сведения об иных лицах, то возможно они должны отражать анкетные данные тех лиц, которые предоставили оперативную информацию, их физические или моральные качества и т.п. Между тем, в последнем случае не исключена очевидная ситуация, когда информация о преступлении будет получена от лица, оказывающего, к примеру, содействие оперативным подразделениям на конфиденциальной основе и сведения о них – государственная тайна. В таких ситуациях сведения могут быть представлены отнюдь не всегда, а лишь тогда когда источник сам изъявит желание себя изобличить.

По нашему мнению, в рассматриваемом вопросе, все же уместнее рассуждать с точки зрения реального познавательного процесса, в котором собственно происходит формирование результатов ОРД как конечного информационного продукта данной деятельности. В этой связи, появление «источника» будет завершением, но никак не началом познавательного процесса, так как «источник» - это не что иное, как сформированный в познавательном процессе результат ОРД, облеченный в оперативно-розыскную форму, которая играет немаловажную роль в оценке допустимости полученных сведений. Такая форма может иметь абсолютно различные виды: оперативные документы (протокол опроса лица, объяснение, акт, рапорт, справка о результатах, полученных в ходе проведенного ОРМ); любой физический носитель на котором запечатлены ход проведенного ОРМ, преступные действия лиц заподозренных в совершении преступления; предметы (наркотические средства, технические средства фиксации, смывы, срезы, различные упаковки со следами наркотиков, денежные купюры с сопроводительными документами и пр.)

Таким образом, исходя из изложенного, представляется, что первостепенное значение все же будет иметь информация подтверждающая факт преступления и указывающая на лиц их совершивших, лишь, после чего приобретает значение информация о том, откуда, от кого и при каких обстоятельствах она была получена. В этой связи, наиболее логичнее говорить о результатах ОРД, как об источниках, содержащих в себе сведения о фактах, где источник будет служить критерием, определяющим оперативно-розыскную форму (вид результатов ОРД), а сведения о фактах – содержанием оперативно-розыскной информации.

Детальный анализ нормативного определения результатов ОРД также позволил выделить допущенную законодателем неточность в его предикативной части. А именно, в той, где перечислены возможные противоправные действия субъекта, которые могут быть обнаружены в результате ОРД: «...о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда» (п. 36¹ ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Из приведенной части определения видно, что, по своей синтаксической конструкции законодатель совершенно напрасно использует союз «и», которым обособил обстоятельство, связанное с указанием на то, что лицо непременно должно скрыться от органов дознания, следствия и суда, прежде чем о нем станут известны какие-либо сведения. Нельзя не согласиться, что грань между этими обстоятельствами тонка и не всегда обращает на себя внимание. Вместе с тем, касаясь смыслового значения рассматриваемого определения, формируется убеждение о том, что законом ограничена возможность получения оперативных сведений в отношении круга лиц только теми, кто изначально скрылся от органов дознания, следствия или суда. В то время как оперативная информация может быть получена также о лицах, не имеющих цели скрыться и о которых известно местонахождение.

Для устранения обозначенной неточности из содержания рассматриваемого определения представляется возможным исключить союз «и», заменив его на синтаксическую конструкцию, включающую оборот со словами «в том числе».

Интегрируя полученные представления о рассматриваемом понятии, и основываясь на логическом подходе к пониманию результатов ОРД, путем выделения его основных признаков, нами выработано и предложено следующее научное определение результатов ОРД: «это источники содержащие сведения о фактах, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, в том числе скрывшихся от органов дознания, следствия или суда».

Полагаем, что предложенная нами редакция определения результатов ОРД, не только способствует разрешению принципиального вопроса об их разграничении с процессуальными доказательствами, а также определяет правовую природу оперативных данных и допустимую возможность их использования в уголовно-процессуальной деятельности.

Список литературы

1. Белкин, Р. С. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов и др.; отв. ред. Н. В. Жогин, Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.
2. Бозров В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46-48.
3. Воробьева Ю.Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2006. - С. 22.
4. Доля, Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М. : Спарк, 1996. – 111 с.
5. Доля, Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе / Е. А. Доля // Российская юстиция. – 2007. – №6. – С. 38–42.
6. Доля, Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Доля. – М. : Проспект, 2015. – 376 с.
7. Зажицкий, В. И. Трудности представления прокурору и органам расследования результатов оперативно-розыскной деятельности / В. И. Зажицкий // Российская юстиция. – 2001. – №1. – С. 37-43.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – 22-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.
9. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие /Ю.К Орлов. - М.: Проспект, 2001. – 144 с.
10. О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд : приказ ФСНП России, ФСБ России, МВД России, ФСО России, ФПС России, ГТК России, СВР России № 175/226/336/201/286/410/56 от 13 мая 1998 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1998. – № 23.
11. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : приказ МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России № 368/185/164/481/32/184/97/147 от 17.04.2007 // Российская газета. 2007. 16 мая. № 101; Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд : приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек. № 282.
12. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда РФ от 4.02.1999 г. № 18-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 3.
13. Соловьев, А. Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии) : научно-практическое пособие / А. Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2003. – 264 с.
14. Тихомиров, Ю. А. Коллизионное право : учебное и научно-практическое пособие / Ю. А. Тихомиров. – М., 2000. – 394 с.
15. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1995. – 844 с.

16. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2008. – 240 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННЫХ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА

Картушина Д.В., Ефимова Е.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Саратовская государственная юридическая академия», г.Саратов

На сегодняшний день существуют такие достижения научно-технического прогресса при которых традиционные следственные действия, приобретают большую результативность. К числу подобного рода новшеств в отечественной практике борьбы с преступностью относится метод тестирования с помощью полиграфа (испытания на полиграфе).

Впервые в отечественной следственной практике проверка на полиграфе была проведена в октябре 1992 г.

В современной России научные исследования возможностей использования полиграфа в уголовном процессе проводятся с 1992 года (в ФСБ они начались ранее) [4, с.46]. В этих целях во ВНИИ МВД создан специальный отдел, укомплектованный юристами, психологами, биологами. Приоритетным направлением в его работе является изучение возможности и эффективности использования полиграфа в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений [7, с. 422-423].

Общую правовую основу тестирования с помощью полиграфа в РФ создают нормы УПК об участии специалиста в следственных действиях и о возможности применения технических средств для собирания, фиксации и использования информации, а также закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. В настоящее время действует приказ «Об обеспечении внедрения полиграфа в деятельность органов внутренних дел» (утвержден Министерством Внутренних Дел Российской Федерации 12 сентября 1995 г. N 353.). Кроме того, 24 декабря 2010 г. группа депутатов внесла в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона "О применении полиграфа". Настоящий Федеральный закон определяет цели, принципы и области проведения опросов с применением полиграфа в Российской Федерации, а также устанавливает основные требования к проведению таких опросов и порядок использования их результатов. [1] Однако, данному акту не была придана юридическая сила ввиду несоблюдения процедуры реализации законодательной инициативы при внесении законопроекта на рассмотрение в Государственную Думу.

Отсутствие специальных законодательных актов, допускающих признание в качестве доказательств результатов тестирования с помощью полиграфа во время допроса, сдерживает развитие научных исследований в этом направлении, не позволяет в полной мере использовать возможности указанного метода для сбора доказательств. Поэтому в настоящее время этот метод на практике реализуется в основном лишь в целях получения ориентирующей, а не доказательственной информации [4, с. 50].

Однако в виду своей неординарности данного метода возникли различные точки зрения по поводу целесообразности и эффективности его использования [9, с. 252]. Так «эксперт по «детекторам лжи», американский государственный деятель, занимавший пост директора Федерального бюро расследований на протяжении почти полувека, Эдгар Гувер признает, что «термин «детектор лжи» совершенно не соответствует действительности. Аппарат не является «детектором лжи». «Детектором лжи» является человек, управляющий аппаратом» [3, с. 108].

Авторы «Национальной энциклопедии полиции» признали, что в процессе применения этих аппаратов «большое количество ошибок возникает по вине самих лиц, проводящих испытание, либо потому, что они плохо владеют искусством допроса заключенных, либо потому, что они не умеют объяснить зарегистрированные результаты испытаний». Реакцию вины преступника и реакцию страха невинного не всегда можно отличить друг от друга. Поэтому «детектор лжи» не может служить средством доказывания.

Некоторые отечественные ученые в области криминалистики и процессуальной науки, так же негативно относятся к полиграфу. Например, по мнению М. С. Строговича: «ничего нового в этом «новом направлении» нет, все это хорошо было известно инквизиционному процессу: обвиняемого в убийстве подводили к трупу и наблюдали, как он реагировал на это, при допросе иногда велся «протокол поведения», в котором фиксировалось поведение допрашиваемого: дрожание голоса, побледнение и покраснение и т. п. «Новое направление» только

снабдило старые методы всяческими приборами, тестами, диаграммами и т. п., ничего не прибавив к их «научности» [5, с. 58-60].

На наш взгляд также актуальным и интересным является использование возможностей криминалистической гипнологии при подготовке допроса.

Очень эффективными при расследовании преступлений являются психоэнергетические методы. Например, при расследовании преступлений гипноз применяется в 32 странах мира. Однако в Российской Федерации гипноз не рассматривается в качестве такого метода. Наши ученые – криминалисты не уверены в безвредности его воздействия на человека. Вследствие этого считается негуманным применять гипноз к подозреваемым. Но и в тех странах, где он разрешен при расследовании, применяется только в отношении свидетелей. Однако, на наш взгляд использование гипноза при расследовании преступлений позволит существенно расширить возможности в расследовании и раскрытии преступлений подтверждением чему служит зарубежным опытом [6, с. 85].

Тем не менее, известны громкие дела с использованием гипноза, в частности, об изнасиловании малолетних. Потерпевшие не могли после стресса ничего рассказать следствию. Но под действием гипноза они вспоминали, скажем, и родинку на щеке, и порез, и шрамы, и зуб золотой и т.д. Память человека фиксирует все, просто он не может сразу это воспроизвести. Под гипнозом же выдается практически стопроцентная информация, даже о том, что происходило 20 - 30 лет назад. В Днепропетровске при расследовании изнасилования потерпевшая под гипнозом смогла дать информацию о преступнике, и благодаря этому группой из Генеральной прокуратуры Украины дело было раскрыто.

Известны несколько случаев привлечения экстрасенсов к расследованию преступлений. В частности, в Луганской области была мошенница, которая приходила в крупные организации, собирала деньги, якобы, на дешевые продуктовые наборы, и исчезала. Таким образом, она обманула массу людей во многих городах бывшего Союза. Поймать ее не могли. Однажды потерпевшие обратились к ясновидящему, который сказал, что в такое-то время в таком-то месте, зайдя в такой-то двор, в окне второго этажа дома можно увидеть ту, которую ищут. Потерпевшие направились в уголовный розыск, пригласили сотрудника, который занимался этим делом. Следователи скептически относятся к подобным «пророчествам», предпочитая реальные факты, но в этом случае действительно в том месте в указанное время оказалась разыскиваемая мошенница.

Пока еще неизвестен механизм экстрасенсорики, существование биополей не доказано, поэтому и не вызывает она доверия у криминалистов-практиков. Прежде чем найти применение на практике данные методы должны быть всесторонне изучены. Иначе, их использование не может быть законным и гуманным. Российской Федерацией делались попытки по введению данного метода, в соответствии с «Программой организационно-практических и научно-исследовательских мероприятий по усилению борьбы с преступлениями против личности и заказными убийствами (на 1996-1998гг.)», но на сегодняшний день она утратила силу, а использование гипноза в качестве метода расследования преступления так и не получило своей практической реализации [2, с. 36].

Еще одним нетрадиционным методом является биоритмология. На практике органы следствия и дознания сталкиваются что в одном психологическом состоянии обвиняемый признает себя виновным после предъявления ему доказательств, а в другом состоянии оказывается совершенно невосприимчивым к предъявлению ему точно таких же доказательств. Так, исследователи в различных странах пришли к выводам, что при увеличении геомагнитной активности увеличивается число больных в психиатрических лечебницах, растет частота случаев самоубийств и некоторых видов преступлений. Отмечена зависимость между количеством умышленных убийств и фазами Луны [2, с. 135].

Следовательно важно уметь использовать при допросе обвиняемого не просто отдельные эмоции, а его настроение. В отличие от эмоционального процесса настроение не связано с каким-либо частным событием, а представляет собой разлитое общечеловеческое состояние. Оно зависит от обстоятельств, сопровождающих сознательную деятельность, но человек осознает эту зависимость. И в этом ему могут помочь биоритмологи. Они в состоянии выявить наиболее благоприятный период для допроса правонарушителя, препятствующего установлению истины [10, с. 143-144].

По данным Н.Н. Китаева, 4 из 36 случаев экспериментального проведения допросов лиц, совершивших тяжкие преступления против личности, в 28 случаях (78%) были получены подробные показания о содеянном, хотя ранее допрашиваемые лгали либо вообще отказывались от контакта со следователем. В 8 случаях (22%) обвиняемые позицию не изменили, но допустили ряд проговорок, свидетельствующих об их непосредственной причастности к преступлению. Эти проговорки, запечатленные на аудиограммах и видеозаписях, использовались следователями в дальнейшем для изобличения виновных [8].

Изложенные выше методы зачастую критикуются со стороны как ученых-криминалистов, так и сотрудников органов следствия и дознания, из-за своей неординарности, недостаточной научной обоснованности. Однако, на наш взгляд это и является их положительными качествами, поскольку с помощью них возможно

получение такой информации, которую невозможно выявить при проведении традиционных следственных действия, что подтверждается практикой их использования в других странах. В связи с этим данные методы нуждаются в дальнейшей разработке и исследовании, и возможно в ближайшем будущем и в российской правоприменительной практике будут примеры их использования.

Список литературы

1. Проект Федерального закона N 478780-5 "О применении полиграфа" [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=82508>
2. Алесковский С.Ю., Аубакиров А.Ф. Нетрадиционная криминалистика: Учебное пособие. – Алматы: АЮ – ВШП «Адилет», 2003.- 135 с.
3. Алексеев Л.Г. Психофизиология детекции лжи. Методология. – М.: ООО «Галерея-Принт», 2011. – 108с.
4. Апостолова Н.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве// "Российская юстиция", 2012, N 6. 45-62 с.
5. Баринев Е.М. История полиграфа в России// "Российский Полиграф". 2007. № 1. 45-50 с.
6. Еникеев М.И. Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. – М.: «Проспект», 2010. - 210 с.
7. Ищенко Е.П. , Топорков А.А. Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. док тора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. -550 с.
8. Китаев Н.Н. Гипноз и раскрытие преступлений: возможность и законность применения [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1312119>
9. Комиссарова Я.В. Задачи, объект и предмет судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4). 251-275 с.
10. Образцов В.А. Криминалистическая психология. Образцов В.А., Богомолова С.Н. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. -258 с.

ПРЕНИЯ СТОРОН В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ И УЧАСТИЕ В НИХ ПРОКУРОРА ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Сеничева И.С.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г.Москва

Прения сторон – это самостоятельная часть судебного разбирательства, в рамках которой стороны путем выступления с речами высказывают суждения о ходе и результатах предварительного расследования, судебного следствия и предлагают решения по существу дела.

Порядок проведения прений сторон закреплен в ст. 292 УПК РФ с изъятиями, установленными ст. 389.14 УПК РФ для апелляционного разбирательства.

В отличие от суда первой инстанции в апелляции первой в прениях выступает сторона, обжаловавшая судебное решение. Так, в случае принесения апелляционного представления на оправдательный приговор первым будет выступать государственный обвинитель, который по смыслу закона не вправе отказаться от участия в прениях.

Следует сказать, что действующий уголовно-процессуальный закон не содержит указаний на то, в какой последовательности участники процесса произносят речи, если поданы, например, не только представление прокурора, но и жалобы потерпевшего и защитника. В таком случае по аналогии с ч. 4 ст. 389.13 УПК РФ порядок выступлений определяется судом с учетом мнения сторон. Однако, как представляется, в этой ситуации первым должен выступать государственный обвинитель, поскольку именно он первым представлял доказательства в ходе судебного следствия.

На это обстоятельство обращали внимание А.Н. Разинкина, которая отмечала, что «если решение ... обжаловано и обвинителем, и участником судопроизводства со стороны защиты, то первым должен выступать государственный или частный обвинитель»¹⁸, а также Е.С. Шмелева, указывавшая, что «если с приговором ... выразили «несогласие» и обвинитель и потерпевший ..., то в этом случае ... первым должен выступать

¹⁸ Разинкина А.Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве. - М.: изд-во «Юрлитинформ». - 2004.- С. 131

обвинитель, последовательность выступления остальных лиц со стороны обвинения определит районный судья с учетом мнения сторон»¹⁹.

Речь государственного обвинителя имеет большое значение, поскольку способствует формированию мнения суда, вынесению им законного и обоснованного решения. Участие в прениях дает государственному обвинителю возможность подвергнуть критике состоявшееся решение и изложить суду свои доводы о виновности лица. Основная цель выступления прокурора – убедить суд и иных участников процесса в своей правоте, «добиться внутреннего принятия ими позиции судебного оратора, их согласия с его точкой зрения по вопросам, разрешение которых относится к компетенции суда»²⁰. Это достигается путем тщательной подготовки к предстоящему выступлению.

Формы такой подготовки могут быть различны (написание речи целиком, составление письменного плана, написание тезисов и др.) и во многом зависят от сложности рассматриваемого уголовного дела, опыта и квалификации государственного обвинителя, особенностей его мышления.

«Поскольку речь идет о деле сугубо творческом, об искусстве речи на суде, какие-либо однозначные рецепты здесь неуместны и нельзя с определенностью рекомендовать поступать именно так или наоборот. Писать или не писать заранее вариант речи (ее тезисы, конспект), каждый прокурор должен решать самостоятельно, исходя из своего собственного опыта, знаний, способностей, учитывая обстоятельства конкретного дела»²¹.

Как обоснованно отмечала И.К. Севастьяник «структура и содержание речи не определены ни УПК РФ, ни приказами Генерального прокурора РФ»²². Вместе с тем, закон содержит определенное требование к выступлениям сторон. В соответствии с ч.1 ст. 389.14 УПК РФ прения проводятся в пределах, в которых дело рассматривалось в суде апелляционной инстанции, а следовательно, в своей речи государственный обвинитель не вправе касаться вопросов, которые не являлись предметом разбирательства суда апелляционной инстанции.

Структура речи государственного обвинителя в суде апелляционной инстанции похожа на речь в суде первой инстанции, но, учитывая, что по делу уже вынесено судебное решение, есть еще одна задача – указать суду на все нарушения, допущенные судом первой инстанции, обосновав, что именно они привели к постановлению незаконного и необоснованного оправдательного приговора.

В речи государственного обвинителя условно можно выделить три части: вступление, основная часть и заключение.

Во вступительной части, думается, целесообразно указывать, когда и каким судом принято решение об оправдании подсудимого; совершение какого преступления вменялось ему в вину органами предварительного следствия; какие основания к отмене приговора, предусмотренные ст. 389.15 УПК РФ, имеются по данному делу.

Как верно отмечала И.К. Севастьяник содержание основной части речи зависит от того, «какое решение просит принять государственный обвинитель. Так, если он просит изменить приговор только в части назначенного наказания, то особый акцент делается на оценку приговора с точки зрения его справедливости. Если просит отменить приговор из-за несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным судом первой инстанции, то акцент должен быть на оценке доказательств»²³.

Очевидно, что в случае, когда им ставится вопрос об отмене как незаконного и необоснованного оправдательного приговора основу выступления государственного обвинителя составляют исследованные во время судебного следствия доказательства, в том числе и новые, не исследованные ранее в суде первой инстанции.

Государственный обвинитель обобщает все, что изучалось в суде апелляционной инстанции, проводит тщательный анализ, сопоставление доказательств, исследованных в судебном заседании, оценивает их, указывает на нарушения, допущенные судом первой инстанции и предлагает соответствующие выводы по существу рассматриваемого дела вниманию суда и участников судебного заседания. Особое внимание при этом следует

¹⁹ Шмелева Е.С. Прения сторон в суде апелляционной инстанции/ Вестник ОГУ. – 2008. - № 83 (март) / [www. http://vestnik.osu.ru](http://vestnik.osu.ru) URL: http://vestnik.osu.ru/2008_3/30.pdf

²⁰ Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Судебная речь государственного обвинителя: Методическое пособие. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. – 2003/ [www.http://law.vl.ru](http://law.vl.ru) URL: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=801&pub_name=%D1%F3%E4%E5%E1%ED%E0%FF+%F0%E5%F7%FC+%E3%EE%F1%F3%E4%E0%F0%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E3%EE

²¹ Есина А.С., Семенов М.Э. Теоретические и прикладные аспекты деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции/ СПС «Консультант Плюс»

²² Севастьяник И.К. Участие прокурора в суде апелляционной и кассационной инстанции: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09/ Севастьяник Ирина Клавдиевна, Санкт-Петербург. – 2004. - С. 151

²³ Севастьяник И.К. Участие прокурора в суде апелляционной и кассационной инстанции: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09/ Севастьяник Ирина Клавдиевна, Санкт-Петербург. – 2004. - С. 151

уделить доказательствам, которыми подтверждена вина, и нарушениям, повлекшим вынесение судом первой инстанции незаконного и необоснованного оправдательного приговора.

Однако анализ и оценка доказательств не могут быть односторонними. Государственный обвинитель должен анализировать и оценивать не только доказательства, подтверждающие обвинение, но и те, которые подтверждают версию защиты. От него требуется в каждом случае обосновать, почему он доверяет одним доказательствам и не доверяет другим, почему он считает одни доказательства существенными и бесспорными, а другие – не имеющими значения по делу. Такой объективный подход к анализу и оценке доказательств повышает убедительность обвинительной речи.

Возникает вопрос: вправе ли государственный обвинитель в прениях ссылаться на те доказательства, которые непосредственно не исследовались, но положены в основу приговора суда первой инстанции?

С одной стороны, в соответствии с ч. 4 ст. 292 УПК РФ участники прений сторон не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми. С другой стороны, в соответствии с ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в суде апелляционной инстанции, если суд признает их вызов необходимым, а в соответствии с ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ с согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционную жалобу, представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции.

Учитывая изложенное, полагаю, что прокурор, равно как и иные участники прений сторон, вправе ссылаться как на доказательства, исследованные непосредственно в суде апелляционной инстанции, так и на те, которые были проверены судом первой инстанции и в соответствии с процедурой, предусмотренной ч. 5, 7 ст. 389.13 УПК РФ при рассмотрении дела в апелляционном порядке не исследовались, за исключением тех, что признаны судом недопустимыми.

Следует сказать, что речь государственного обвинителя в суде апелляционной инстанции безусловно связана с внесенным представлением, однако она не должна сводиться к пересказыванию его содержания. Государственный обвинитель обязан системно и аргументировано высказывать свое мнение о результатах проверки приговора с точки зрения вопросов права и вопросов факта, о доказанности или недоказанности предъявленного подсудимого обвинения. К тому же нельзя полностью исключать ситуации, когда прокурор, участвующий в заседании суда апелляционной инстанции, не согласившись со всеми доводами апелляционного представления, будет поддерживать его лишь в определенной части, о чем также необходимо сказать в своем выступлении в прениях.

Имеет свои отличия по сравнению с речью государственного обвинителя в суде первой инстанции и заключительная часть выступления прокурора. Это обусловлено полномочиями суда апелляционной инстанции, который не вправе, отменив оправдательный приговор, постановить вместо него приговор обвинительный. Так, в случае принесения представления на незаконный и необоснованный оправдательный приговор, государственный обвинитель, указав на ошибки, допущенные судом первой инстанции и обосновав доказательствами свое утверждение виновности подсудимого, в прениях, как правило, будет просить об отмене приговора суда первой инстанции и направлении дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. В этом случае государственному обвинителю нет необходимости затрагивать вопросы, связанные с назначением виновному того или иного наказания.

Однако, учитывая, что в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора суд отменяет ранее избранную меру пресечения, государственный обвинитель, выступая в судебных прениях, должен высказать свои предложения относительно необходимости избрания той или иной меры пресечения, обосновав свою точку зрения.

Следует отметить, что статья 389.14 УПК РФ не содержит в себе указаний на то, что стороны вправе выступить с репликой.

Ряд ученых (В.В. Вандышев²⁴, В.Ф. Крюков²⁵) расценивают это как законодательный пробел, отмечая необходимость внесения соответствующих изменений в УПК РФ.

Однако представляется это не совсем так. В соответствии со ст. 389.13 УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, предусмотренном главами 35-39 УПК РФ с изъятиями, установленными ст. 45.1 УПК РФ. Часть 6 ст. 292 УПК РФ предусматривает, что после

²⁴ Вандышев В.В. Некоторые проблемы, которые могут возникнуть в суде апелляционной инстанции после 1 января 2013 года // Выступление на Межвузовской научно-практической конференции "Формы пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы". 27 марта 2012 года, Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал Российской академии правосудия/ www.iuaj.net/node/975

²⁵ Крюков В.Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность). - 2012/ СПС Гарант

произнесения речей всеми участниками прений сторон каждый из них может выступить еще один раз с репликой. Таким образом действующее законодательство не лишает стороны права на реплику.

В соответствии с ч. 2 ст. 389.14 УПК РФ по окончании прений сторон суд предоставляет последнее слово лицу, в отношении которого проверяется судебное решение, если данное лицо участвует в судебном заседании, после чего удаляется в совещательную комнату для принятия решения.

Надо сказать, что наименование ст. 389.14 УПК РФ «прения сторон» не вполне соответствует ее содержанию, поскольку часть 2 названной нормы фактически регламентирует порядок предоставления последнего слова. При этом следует отметить, что в новом законе не используется термин «последнее слово подсудимого». Последнее слово предоставляется лицу, в отношении которого проверяется судебное решение.

Список литературы

1. Вандышев В.В. Некоторые проблемы, которые могут возникнуть в суде апелляционной инстанции после 1 января 2013 года // Выступление на Межвузовской научно-практической конференции "Формы пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы". 27 марта 2012 года, Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал Российской академии правосудия;
2. Есина А.С., Семененко М.Э. Теоретические и прикладные аспекты деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде первой инстанции/ СПС «Консультант Плюс»;
3. Крюков В.Ф. Прокурор в уголовном судопроизводстве России (история и современность). - 2012/ СПС Гарант;
4. Мельник В.В., Решетова Н.Ю. Судебная речь государственного обвинителя: Методическое пособие. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. – 2003;
5. Разинкина А.Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве. - М.: изд-во «Юрлитинформ». – 2004;
6. Севастьяник И.К. Участие прокурора в суде апелляционной и кассационной инстанции: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09/ Севастьяник Ирина Клавдиевна, Санкт-Петербург. – 2004;
7. Шмелева Е.С. Прения сторон в суде апелляционной инстанции/ Вестник ОГУ. – 2008. - № 83 (март);

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РОЗЫСКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИЕЙ)

¹Васильевым Ф.П., ²Лепехин Д.И.

¹Академия управления МВД России доктор юридических наук, доцент, полковник полиции, член Российской академии юридических наук (РАЮН)

²Адъюнкт кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России подполковник полиции - начальник комендантского отдела УМВД России по Астраханской области

Аннотация - Затронутый вопрос авторами по существу актуален тем, что вопросы защиты детей и их безопасность в России не на должном уровне. Суждения и предложения будут полезными прежде всего для аспирантов и лицам, интересующимся вопросами борьбы с преступностью, а также деятельностью полиции. И действительно административно-правовые вопросы ныне невозможно без комплексного подхода, а также без применения высокотехнологических электронных средств.

Ключевые слова: дети, закон, мероприятие, ОРД, орган, оперативный, ответственность, ОВД, процесс, ПДН, розыск, работа, ребенок, следователь, техника, уголовный, электроника.

MODERN LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF THE JUVENILE POLICE, THE MISSING BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

¹Vasilyev F.P., ²Dmitry I.L.

¹Russian Ministry of Internal Affairs Academy, doctor of law, Associate Professor, police Colonel, Member of the Russian Academy of law Sciences (RAÚN)

²Adjunct faculty organization operational-investigative activities of the Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Lieutenant Colonel of police management-the Chief Commandant of the INTERNAL AFFAIRS
of Russia on the Astrakhan area

Annotation - matter under discussion by the authors is actually urgent fact that questions of the protection of children and their safety in Russia not at the proper level. Judgments and proposals will be useful, first of all, for the graduate students and to those, who are interested in questions of crime control, and also by the activity of the police. And actually administrative-legal a question are now impossible without the integral approach, and also without the application of high(ly)-technological electronic means. The keywords: children, law, measure, HORDES, the organ, operational, responsibility, OVD, process, PDN, search, work, child, inspector, criminal.

The keywords: children, law, measure, HORDES, the organ, operational, responsibility, OVD, process, PDN, search, work, child, inspector, technology, criminal, electronics.

Розыскная работа является составной частью оперативной розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОРД ОВД) и на ряду с другими задачами ОРД, задача по осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших, направлена на обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, законных интересов общества и государства.

В теории ОРД с учетом научных изысканий выработаны иные подходы к определению понятия розыскной работы, которые в той или иной мере расширяют количественный состав ее элементов. Так, например, профессор Чечетин А.Е. дал следующее определение этому виду деятельности: «Розыскная работа органов внутренних дел – это базирующаяся на уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве и отдельных подзаконных актах комплексная система оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных, административно-правовых и иных мероприятий, осуществляемых в рамках особого делопроизводства (стадий оперативно-розыскного процесса) уполномоченными на то законом субъектами и направленными на обнаружение местонахождения подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, без вести пропавших лиц и иных категорий разыскиваемых, выявление и устранение условий, способствующих длительному укрывательству разыскиваемых и неизвестному исчезновению»²⁶.

В связи с тем, что розыскная работа ОВД, является составной часть ОРД ОВД, она регламентировано широким спектром различных правовых источников, основными из которых являются Конституция РФ, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным дела (Минск, 1993 г.), Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц от 10 декабря 2010 г., Уголовно-процессуальный кодекс РФ, федеральные законы об оперативно-розыскной деятельности, о полиции», о государственной дактилоскопической регистрации в РФ, о государственной геномной регистрации в РФ, указы Президента России 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» и № 249 Об утверждении типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту РФ, № 250 «Вопросы организации полиции». Также деятельность по осуществлению розыскной работы ОВД регламентирована рядом ведомственных приказов, наставлений и инструкций, основные из них: приказ МВД России № 213дсп-1993 г. «Об утверждении «Инструкции об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел» и «Инструкции об организации и тактике установления личности граждан по неопознанным трупам, больных и детей, которые по состоянию здоровья или возрасту не могут сообщить о себе сведения»; приказ МВД России № 1070-1999 г. «О внедрении программно-технического комплекса «Розыск-Магистраль»; совместный приказ МВД России и Генеральной прокуратуры РФ от 27 февраля 2010 г. № 70/122 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с неизвестным исчезновением граждан» и др.

²⁶ Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник/Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2012. С. – 392.

Важным элементом розыскной работы является наличие субъектов, уполномоченных на право осуществлять мероприятия, в рамках розыска.

Выполнение задач розыскной работы практически полностью лежит на государственных органах, но ведущая роль в данном направлении деятельности отведена подразделениям полиции. В тоже время основным субъектом, осуществляющим розыскную работу в ОВД, являются подразделения уголовного розыска территориальных органов МВД и их сотрудники. На них и на сотрудников входящих в их состав, где это предусмотрено организационно-штатным расписанием, подразделений (направлений, групп, отделений и отделов) по розыску лиц, лежит непосредственная и большая нагрузка по выполнению задач розыскной работы. Об организационно-структурном и кадровом обеспечении подразделений уголовного розыска ОВД по розыску лиц подробно рассмотрено во второй главе данного диссертационного исследования.

Подразделения полиции уголовного розыска ОВД (ГУТ МВД России) на транспорте и их сотрудников необходимо отнести к субъектам розыскной работы, т.к. они в пределах своей компетенции осуществляют выполнение задач розыскной работы.

К субъекту розыскной работы необходимо отнести и подразделения дознания²⁷, следствия²⁸, их сотрудников, а также судей и суд. На основании их постановлений происходит объявление в розыск лица, совершившего преступление и скрывшего. Так, следователь или дознаватель вправе ходатайствовать перед судом о получении разрешения на проведение обыска с целью розыска лиц или трупов²⁹.

Кроме вышеперечисленных подразделений и должностных лиц, к субъектам деятельности по линии розыска детей, пропавших без вести необходимо отнести подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) и их сотрудников. Так как они выполняют значительный объем мероприятий предупредительного характера с несовершеннолетними лицами, а также принимают непосредственное участие в мероприятиях по установлению местонахождения пропавших детей.

В соответствии со ст. 17 ФЗ Об ОРД для решения задач розыскной работы могут привлекаться лица, оказывающие содействие ОВД на гласной или конфиденциальной основе. А организацию розыскной работы осуществляют руководители территориальных ОВД и на транспорте, подразделений уголовного розыска полиции и подразделений по розыску лиц, штабные подразделения и их должностные лица, которые в виду своей деятельности также можно отнести к субъектам розыскной работы ОВД. В итоге:

Розыскная работа – это комплекс различных мероприятий, осуществляемых в рамках особого делопроизводства. Из этого следует, что:

- все, проводимые в рамках розыскной работы мероприятия (организационного, предупредительного, административно-правового, оперативно-розыскного, уголовно-процессуального характера) взаимосвязаны и взаимообусловлены;

- их применение подробным образом регламентируется отдельными нормативными правовыми актами (НПА) в основном ведомственного уровня, но основу розыскной работы, как мы уже говорили, составляют НПА федерального уровня;

- в комплексе используются силы и средства, находящиеся в распоряжение ОВД.

Не смотря на исторически сложившуюся практику о том, что розыск лиц является обязанностью государственных органов и не относится к деятельности частных детективов или иных частных лиц, все же в настоящее время различные общественные, волонтерские организации, частные лица и частные детективы³⁰ принимают меры к установлению места нахождения лиц, пропавших без вести. В некоторых случаях перечисленные лица сами разыскивают или принимают участие в мероприятиях по розыску лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Деятельность данных лиц довольно близка по своей сути к деятельности полиции по осуществлению розыска, но их деятельность не урегулирована какими-либо НПА, в отличие от нормативного регулирования розыскной работы государственных органов. Исключения составляет деятельность частных детективов, которым среди услуг, оказываемыми ими в целях сыска, предусмотрен поиск без вести пропавших граждан, но все же это направления деятельности частных детективов урегулировано не достаточно. На практике это часто приводит к нарушению прав человека, местонахождение которого устанавливается (часто общественные организации, занимаясь само пиаром, разглашают конфиденциальную информация без согласия разыскиваемого, а частные детективы сообщают место нахождения разыскиваемого не спрашивая его согласия на это), а в некоторых случаях их

²⁷ Дополнительно см. Тарасов М.Ю. Дознание во внутренних войсках МВД России // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. - М.: Акад. Следств. комитета РФ, 2014, Вып. 3. - С. 92-98.

²⁸ Васильев Ф.П. Доказывание по делу при привлечении к административной ответственности несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005, № 2. - С. 47-54.

²⁹ Статья 182 УПК Российской Федерации.

³⁰ См. ст. 3 Закон от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

деятельности наносит ущерб служебным интересам государственных органов, вмешиваясь без согласования в их деятельность, что может привести к тяжким последствиям и даже к гибели разыскиваемого лица.

В связи с этим в современном обществе возникла необходимость законодательного закрепления розыскной деятельности общественных и волонтерских организаций и иных лиц, которые по роду своей деятельности или по личной инициативе проявляют интерес к поиску лиц, пропавших без вести, или осуществляют их поиск.

С другой стороны на наш взгляд с учетом того, что Россия развивается по пути правового государства и тем самым и НПА база должна соответствовать стандартам, которые обеспечат и требуют издания единых федеральных законов или концепций. К этим позициям придерживаются ряда ученых и в качестве образца можно привести обоснованного характера примеров, некоторые из которых тем более опубликованы (в том числе в журналах ВАК). Например:

- переиздание Федерального закона «О безопасности» и придание статуса федерального конституционного закона³¹. В сущности, можно, ли вести государственную политику или проводить концептуальные правоприменительные действия (толкования) об обеспечении той или иной безопасности (в том числе и личной безопасности граждан) без наличия основного и главенствующего федерального конституционного закона. Наверное, если в конституционных нормах страны достаточной мере употребляются термины о безопасности, то первоначальным федеральным конституционным законом по обеспечению реализации норм Конституции Российской Федерации³² должно быть нормотворческий подход, предлагаемый нами вариант. По мнению авторов (Ф. Васильев), инициаторами внесения данного предложения должны быть Президент России (Аппарат), Госдума России или Совет Федерации.

- издание единого федерального закона «О порядке осуществления государственного административного надзора и контроля»³³. В целом ныне достаточно в большинстве федеральных законах (а также в НПА Президента и Правительства России, в НПА федеральных органов исполнительной власти) указываются о необходимости осуществления государственного надзора или контроля (авторы при этом не относят в данном случае прокурорского надзора). При этом зачастую законодатели не определяют границы методик действий (нет также дифференциации), методы и способы их осуществления. Тем самым отсутствие четких (постатейных, отдельных, примечаний т.д.) предписаний – требований позволяют правоприменителям толковать и применить в отношении юридических или физических лиц на их усмотрение. Тем самым можем ли говорить в административно-юрисдикционной деятельности о верховенстве права.

Кроме того, действительно в правовом государстве административный надзор требует толкованию более конкретно как в отношении граждан, так и юридических лиц. Пока что законодателями более конкретизированы только в отношении граждан, которые «нуждаются» после освобождения из мест лишения свободы. Но и то с учетом наличия терактов и личной безопасности граждан, а также безопасности юридических и физических лиц (государства) эти вопросы требуют комплексного разрешения и через применения в том числе высокотехнологической электронной техники. В частности они разработаны на высоком уровне на базе Волгоградской Академии МВД России. Качество (многоцелевое назначения и т.д.) эффективность и экономичности превышают зарубежным аналогам на многократном уровне (в том числе Французским, то, что закуплены Минюстом для ФСИН России в 2008 г.)³⁴.

- издание единого федерального закона «О дисциплинарной ответственности в Российской Федерации» по мнению авторов данный закон необходим в целях единого толковании в системе права, а также недопущения коррупционного характера подхода в процессе применения поощрений (денежных) со стороны руководителей и начальников или лишения премирования ими подчиненных. Например, при размере свыше 3х тыс. руб.³⁵ или лишении денежного премирования (вознаграждения) должны проходить также публичного характера;

³¹ Васильев Ф.П., Дугенец А.С., Дашко М.Н. (ДГСК МВД России, кандидат психологических наук), Мельников А.В. Вопросы административно-правового регулирования обеспечения безопасности в современной России. Научная статья г. Москва жур. ВАК Административное право и процесс № 3 – 2012. С. 65-67;

³² Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

³³ По данным проблемам см. Анохина С.Ю., Васильев Ф.П., Дугенец А.С., Николаев А.Г., Ускова А.С., Дембицкая И.Л., Ляtifова Т.С. Осуществление государственного надзорно-контрольных функций в России и их научно-теоретическое толкование в административном праве на современном этапе// жур. (ВАК) Вестник Московского университета МВД России № 5 - 2014 г. С. 146-153.

³⁴ См. труды доктора химических наук, профессора Лобачевой Г.К.

³⁵ Дополнительно см. Васильев Ф.П., Николаев А. Г. Отдельные проблемы правового обеспечения и реализации дисциплинарной ответственности в системе правоохранительных органов России // г.Владимир жур. (ВАК) Вестник Владимирского юридического института № 3 - 2014. С. 68-73.

- издание ведомственных концепций (прежде всего всеми правоохранительными органами и Минобрнауки России) - о Развитии правовой грамотности и правосознания граждан³⁶. Авторы в данном случае имеют в виду реализацию требования Президента России (2011) всеми правоохранительными органами, находящихся в ведении Президента России;

- издание единого федерального закона «Правовое регулирование деятельности психологов в Российской Федерации». Инициатор данного предложения Н.Ф. Бережкова (помощник прокурора Ленинского района г. Ульяновска Ульяновской области. Выводы ею сделаны на основании проведенного научно-практического анализа этических норм и принятия присяг, а также НПА, регулирующих прохождения государственной гражданской службы в России). Таких позиций придерживаются также Дашко М.Н., Арчибасова Л.А., Зубцова Е.Н.³⁷.

- издание единого федерального закона «Правовое регулирования в Российской Федерации по осуществлению розыскных (сыскных) мероприятий». В данном случае авторы (Д.Лепехин) учитывают о привлечении к розыскным (сыскным) мероприятиям граждан и общественных формирований (организаций).

Наверное, законодательное закрепление определения розыска необходимо изложить в следующей редакции: Розыск – это комплекс оперативно-розыскных, административно-поисковых, информационно-справочных мероприятий и иных определенных нормативными правовыми актами действий, осуществляемых гласно и не гласно государственными органами и их должностными лицами, уполномоченными на то федеральным законом, а также деятельность, осуществляемая в рамках своей компетенции, негосударственными организациями, зарегистрированными в установленном порядке, частными детективами и гражданами с целью установления местонахождения и обнаружения разыскиваемых лиц и иных объектов розыска, идентификации личности, предупреждения уклонения лиц от уголовной ответственности, отбывания наказания, исполнения определенных обязанностей и правил, безвестного исчезновения, ухода больных из дома, медицинских учреждений или несовершеннолетних из дома, образовательных организаций, а также побега их из специальных госучреждений для детей правонарушителей. Эти вопросы требуют их совершенствования с учетом их актуальности³⁸. Тем более технические возможности высоких технологий ныне как уже выше отмечалось, имеются собственные – Российские достижения, превышающие мировых аналогов.

Вышеперечисленные научно-практические суждения одновременно позволяют утверждать о том, что все правоприменительные государственные функции должны быть закреплены в соответствующих нормативных правовых актах, (административных регламентах, посланиях Президента России) как в частности отмечает в своих трудах Т.С. Ляtifова³⁹. При этом действительно, Н.Ф. Бережкова права в том, что все административно-правовые меры с учетом проводимой социальной политики государством, закономерно нуждаются в изменении и в дополнениях⁴⁰. А вопросы современного правового регулирования по осуществлению розыска несовершеннолетних, пропавших без вести органами внутренних дел (полицией) невозможно без совершенствования соответствующих нормативно-правовых и технических баз. При этом они должны проходить в комплексном порядке. Эти же правовые и практические факторы отмечаются в диссертации С.Д. Ковалева, что технический аспект оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) в современных условиях представляет собой достаточно многогранную проблему Развитие научно-технической составляющей потребовало значительного переосмысления основных положений теории и практики этой деятельности с позиции комплексного использования тех или иных технических средств и методов их применения для решения стоящих перед ОРД задач⁴¹.

³⁶ В частности, инициатор разработки проекта концепции в системе МВД России Л.М. Орехова. Например, см. Васильев Ф.П., Орехова Л.М., Яковлева В.В. Разработка ведомственных концепции о Развитии правовой грамотности и правосознания граждан как способ обеспечения реализации требований Президента России // жур. (БАК) Закон и право № 10 - 2014 г. С. 75-79.

³⁷ См. Бережкова Н.Ф., Дашко М.Н., Арчибасова Л.А., Зубцова Е.Н. Административно-правовое регулирование оказания психологической помощи гражданам. //Ежемес. жур. (БАК) № 8. Административное право и процесс. М.: 2011. - С. 23-26.

³⁸ Котязов Андрей Валерьевич. Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.12 / Котязов Андрей Валерьевич; [Место защиты: Академия управления МВД России]. - Москва, 2013.

³⁹ Ляtifова Т.С. Обеспечение прав и свобод человека в ходе исполнения правоохранительными органами государственных функций: Практическая значимость // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 года) В 3-х частях: Практическая значимость. - М.: Институт повышения квалификации СК РФ, 2013, Ч. 2. - С. 258-263; Ляtifова Т.С. Повышение эффективности исполнения государственных функций путем реализации посланий президента России // Пробелы в российском законодательстве. - М.: Медиа-БАК, 2013, № 3. - С. 163-166.

⁴⁰ Бережкова Н.Ф. Совершенствование административно-правовых норм современной России // Административное право и процесс. 2012 № 7. С. 67 – 69; Административный процесс. Учебное пособие. Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. М.: 2013. С. 108.

⁴¹ Ковалев С.Д. Дисс. Канд. ...юр наук. П.правовые и тактические аспекты применения технических средств оперативными подразделениями УИС. Владимирский юридический институт ФСИН. г. Владимир. 2008 г. - 127 с.

СУД КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Угренинова А.М.

Уральский государственный юридический университет, г.Екатеринбург

Проблемы доказывания всегда занимали центральное место в уголовном судопроизводстве. Это обусловлено, прежде всего, особой специфичностью познавательной деятельности, связанной с жесткой регламентацией процедуры, сроков и другими особенностями установления обстоятельств расследуемого преступления или рассматриваемого в суде уголовного дела. Особое внимание в действующем уголовно-процессуальном законе уделено органам и лицам, чьей нормативной обязанностью или правом является определение действительной картины происшедшего криминального события и документальное закрепление полученной в связи с этим информации.

В науке уголовного процесса такие его участники традиционно называются субъектами доказывания. В то же время среди ученых не наблюдается единства взглядов по поводу понятия субъектов доказывания, их классификации, процессуальных правомочий, особенностей удостоверения юридически значимых обстоятельств уголовного дела.

В практике предварительного расследования и судебного разбирательства указанные проблемы вызывают достаточно большие сложности, которые нередко способствуют неправильному правоприменению в конкретных ситуациях, что приводит к принятию незаконных и необоснованных процессуальных решений, производству нелегитимных процессуальных действий и нарушению прав, свобод и законных интересов участвующих в конкретных правоотношениях лиц.

В разное время к рассмотрению и научному анализу проблем доказывания в уголовном судопроизводстве обращались такие ученые, как В.А. Азаров, А.Р. Белкин, Г.Ф. Горский, Н.А. Громов, Л.Д. Кокорев, А.М. Ларин и целый ряд других ученых.

Уголовное судопроизводство в России в последние годы претерпело существенные изменения, связанные прежде всего с законодательным закреплением принципа состязательности и равенства прав сторон обвинения и защиты. Если в советский и ранний постсоветский периоды суд являлся органом борьбы с преступностью, что, безусловно, определяло его процессуальное положение и правомочия при осуществлении правосудия, то в настоящее время несвойственные суду процессуальные функции запрещены законом. Суд стал единственным государственным органом, рассматривающим и разрешающим уголовные дела по существу.

В теории уголовного процесса на этот счет высказаны различные суждения. Ряд ученых полагает, что в современных условиях осуществления состязательного правосудия на суд не может быть возложена процессуальная обязанность доказывания, достоверного и справедливого установления всего комплекса обстоятельств по уголовному делу. Учитывая, что раскрытие преступлений перестало быть задачей уголовного процесса, В.С. Шадрин полагает недопустимым, чтобы суд добывал доказательства для целенаправленного изобличения обвиняемого: «Возложение на суд, наряду с другими органами уголовного судопроизводства, обязанности устанавливать все обстоятельства совершения преступления, то есть устанавливать истину, что равносильно обязанности собирать как обвинительные, так и оправдательные доказательства, уже не соответствует его современной роли, противоречит принципу состязательности уголовного процесса» [11]. Подобный вывод сделал и С.А. Тумашов: «Не соответствует принципу состязательности возложение на суд обязанности собирать доказательства. Обязанность собирать доказательства должна лежать на сторонах обвинения и защиты» [9]. По мнению В. Бозрова, логическое толкование ст. 274 УПК, определяющей порядок исследования доказательств в судебном следствии, приводит к выводу о том, что предназначение суда в уголовном процессе состоит в разрешении дела по существу, но отнюдь не в доказывании. «То есть функция суда (судьи) в уголовно-процессуальном доказывании по отношению к сторонам должна носить субсидиарный характер - создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» [4].

А.Р. Белкин анализирует проблему участия суда в доказывании не только с точки зрения буквального понимания положений ст. 15 УПК о содержании принципа состязательности, но и с позиции отношения судебной деятельности к отдельным этапам доказывания: «Суд стоит над сторонами в процессе, он судит, а не доказывает, ему принадлежит лишь на стадии судебного следствия функция исследования и оценки представляемых сторонами доказательств. Но реализация этой функции еще не означает участия в доказывании, поскольку суд не должен собирать доказательства, т.е. формировать доказательственную базу обвинения и защиты» [3].

Определение роли суда в доказывании как пассивного рефери сторон обвинения и защиты «есть поощрение сильного, но не правого» [1]. Вряд ли можно согласиться с тем, что в настоящее время «существенно снижается публичный характер деятельности судебных органов. Теперь суд в судебном разбирательстве уподобляется судье на ринге, который в конечном итоге поднимает руку победителя» [6].

Вместе с тем нормативное закрепление в числе правомочий суда процессуальных положений, позволяющих ему при отправлении правосудия устанавливать обстоятельства рассматриваемого уголовного дела посредством самостоятельного собирания, проверки и оценки доказательств, дало возможность многим ученым сделать вывод об угрозе возникновения при этом определенной зависимости суда от одной из сторон уголовного процесса. Активность суда в доказательственной деятельности расценивается ими как нарушение принципа состязательности, попытку суда необоснованно оказать процессуальное содействие стороне обвинения или защиты. С другой стороны, пассивность суда при рассмотрении уголовного дела, его стремление использовать в доказывании лишь те доказательства, которые получены сторонами, могут привести к тому, что стороны не смогут без его помощи достичь достоверного знания о произошедшем уголовно-правовом событии.

Изложенные опасения во многом дезориентируют и судебную практику, вследствие чего не в полной мере обеспечиваются интересы государства, а также частных лиц, входящих в состав той или иной стороны уголовного процесса. При этом нередко не учитывается, что на суд возложена правовая обязанность разрешения уголовного дела по существу и отражения принятого решения в обоснованном, законном и справедливом приговоре. Принцип состязательности предполагает соблюдение определенного баланса при осуществлении доказательственной деятельности суда первой инстанции между полномочиями суда по доказыванию и правами сторон по представлению доказательств. Не следует также забывать, что современное законодательство позволяет суду в отдельных случаях рассматривать уголовное дело по существу без проведения судебного следствия, то есть основного этапа судебного разбирательства, в рамках которого осуществляется доказывание наличия или отсутствия искомых обстоятельств по уголовному делу. В частности, такое положение возникает в том случае, когда обвиняемый заявляет о рассмотрении уголовного дела в порядке особого производства.

До сих пор нет однозначного решения проблем участия суда в доказывании при рассмотрении им в досудебном производстве жалоб на незаконные действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования (ст. 125 УПК РФ), а также при даче им разрешения на производство органом предварительного расследования процессуальных действий принудительного характера.

Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Он создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ).

Приведенная нормативная формула участия суда в производстве по уголовному делу воспринимается многими юристами как отсутствие у суда обязанности доказывания, а значит, и правовой возможности его осуществления в полном объеме, т.е. собирания (формирования), проверки и оценки доказательств. Надо признать, что подобная убежденность имеет под собой определенные основания.

Прежде всего, в соответствии с принципом состязательности функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15 УПК). Это означает, что, если суд приступит к собиранию уголовных доказательств, он неизбежно станет помогать одной из сторон в осуществлении ее процессуальной функции, поскольку при осуществлении правосудия нет и не может быть "нейтральных" средств доказывания. Доказательства всегда ориентированы на подтверждение обвинительного тезиса либо на его опровержение (смягчение), ведь определяющая их содержание информация должна в любом случае соответствовать определенному вектору - обвинительной или защитной направленности. На это прямо указывает ч. 1 ст. 74 УПК, формулируя правовое определение доказательств как любых сведений, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств уголовно-правового события.

Роль суда, однако, не может заключаться в оказании односторонней помощи определенным участникам уголовного процесса. Осуществляя правосудие, он должен быть максимально объективным и в равной мере удаленным от сторон обвинения и защиты. По мнению В. Бозрова, предназначение суда в уголовном процессе состоит не в доказывании, а в разрешении уголовного дела по существу, поэтому "функция суда (судьи) в уголовно-процессуальном доказывании по отношению к сторонам должна носить субсидиарный характер - создавать необходимые условия для выполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав" [4]. К такому выводу он пришел на основе логического толкования ст. 274 УПК, определяющей порядок исследования доказательств в судебном следствии. Аналогичное по существу, но более радикальное по форме суждение высказал В.И. Зажицкий: "Теперь суд в судебном разбирательстве уподобляется судье на ринге, который в конечном итоге поднимает руку победителя" [6].

Оценивая эти и подобные им суждения, необходимо отметить, что разрешение уголовного дела по существу - это не абстрактная деятельность суда по формулированию и принятию итогового процессуального решения, но и вся предшествующая этому система процессуальных действий по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для дела. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК суд устанавливает наличие или отсутствие подобных обстоятельств на основе доказательств, т.е. процессуальная функция суда по разрешению уголовного дела выражается в форме установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию.

В свою очередь, доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях, предусмотренных ст. 73 УПК (ст. 85 УПК). При этом законодатель прямо называет суд в качестве субъектов доказывания на всех его нормативных этапах (ч. 1 ст. 86, ст. ст. 87, 88, 17 УПК). Очевидно, совсем не случайно суд наделен в этой связи правом производить по собственной инициативе в процессе судебного разбирательства различные следственные действия (ст. ст. 275 - 290 УПК). Это вполне логично, поскольку доказывание в уголовном процессе нельзя сводить только к юридическому удостоверению обстоятельств рассматриваемого криминального события. Не менее важным представляется и степень их собственного познания судом. Не может ведь он удостоверять событие, в действительном наличии которого не убежден. Суд обязан в полном объеме, определяемом пределами доказывания, познать исследуемые обстоятельства указанного события и принять на основе сформированного таким образом оценочного суждения определенное процессуальное решение. В соответствии со ст. ст. 305 и 307 УПК оправдательный или обвинительный приговор должны основываться только на исследованных судом доказательствах, а их совокупность должна быть достаточной для принятия обоснованного решения по делу (ст. 88 УПК).

Процессуальный порядок познания судом обстоятельств по уголовному делу должен быть отражен в протоколе судебного заседания (ст. 259 УПК), который, кстати, выступает в качестве самостоятельного уголовного доказательства (ч. 2 ст. 74, ст. 83 УПК). Получается, что даже из формальных соображений нельзя отказать суду в праве на активное участие в доказывании, причем не только в проверке и оценке доказательств, но и в их собирании.

Вместе с тем должны существовать нормативные пределы активности суда в познании обстоятельств по уголовному делу. Следует помнить, что судебное разбирательство может производиться только в отношении конкретного обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению, изменение которого в сторону ухудшения процессуального положения подсудимого не допускается (ст. 252 УПК). Правовые рамки исследовательской деятельности суда при доказывании по уголовному делу может определять только обвинение, которое сформулировано в обвинительном заключении (ст. 220 УПК), обвинительном акте (ст. 225 УПК) или заявлении по уголовному делу частного обвинения (ст. 318 УПК). Произвольное расширение или сужение пределов обвинения одинаково недопустимы.

В этой связи представляется, что имеющееся по уголовному делу обвинение лица в совершении преступления предопределяет не только право суда участвовать в доказывании, но и его правовую обязанность делать это в соответствующих рамках. Обязанность суда как органа государства, осуществляющего от его имени и по его поручению судебную власть, состоит в том, что он должен принимать по уголовным делам справедливые решения, основанные не только на анализе (толковании) представленных сторонами доказательств, но и полученными по собственному усмотрению с целью подтверждения их достоверности.

Учитывая столь широкие правовые возможности суда по действенному установлению обстоятельств инкриминируемого подсудимому деяния, М.Т. Аширбекова полагает, что «собрание доказательств, проверка и оценка их судом с целью установления обстоятельств предмета доказывания является обязанностью публично-правового порядка, вытекающей из природы суда» [2]. Об этом пишет и Н.Н. Ковтун: «Собирая доказательства по делу, суд одновременно обязан всесторонне, полно и объективно проверить их в ходе судебного следствия, оценить их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для законного и обоснованного решения, достижения стоящих перед ним задач» [7]. По мнению Ю.К. Орлова, «чистая» состязательность, при которой суд уподобляется своеобразному арбитру в спортивной борьбе, который в конце концов присуждает приз победителю, не учитывает российский менталитет, когда гражданин обращается к государству за защитой, а не борется с ним. Кроме того, отстраненность суда от процессуального спора сторон обвинения и защиты, его беспристрастность и пассивность при этом означают отсутствие правовой ответственности за результат разрешения спора по уголовному делу. «Суд не должен ограничиваться ролью беспристрастного и безынициативного арбитра, равнодушного к истине, а должен предпринимать все меры к ее установлению, особенно при недостаточности или недоброкачественности доказательственного материала, представленного сторонами» [8]. В организационно-правовом смысле - когда удовлетворяет заявленные ходатайства сторон об истребовании доказательств, когда осуществляет контроль за своевременным представлением доказательств и т.д. Далее, если исходить только из того, что суд несет ответственность за доказывание (а иного быть не может, так как в случае обжалования

решение может быть отменено), то уже этого достаточно для того, чтобы признать суд субъектом доказывания» [4].

Суд осуществляет свою доказательственную деятельность в рамках возникшего на основе обвинения правового спора между сторонами. С этой целью он вправе по инициативе сторон либо самостоятельно собирать (формировать) новые уголовные доказательства, проверять и оценивать их совокупность по собственному внутреннему убеждению в соответствии с законом и своей совестью (ст. 17 УПК). Вместе с тем собирание доказательств суд может, на наш взгляд, осуществлять не в качестве самостоятельного этапа доказывания, а в рамках другой его части - проверки имеющихся доказательств. В соответствии с положениями ст. 87 УПК проверка доказательств может производиться судом посредством получения (собираания, формирования) иных (новых) доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Эта правовая норма, по нашему убеждению, служит своеобразным ключом к разгадке специфики доказательственной деятельности суда в уголовном судопроизводстве. Собирая доказательства, суд осуществляет это не произвольно, а в определенных рамках, которые определены имеющимся правовым спором сторон по поводу предъявленного обвинения. При этом суд не выступает на чьей-то стороне, даже если его позиция в итоге совпадет с позицией обвинения или защиты. При подобном совпадении будет просто подтверждена или опровергнута обоснованность и справедливость процессуальных утверждений той или иной стороны.

Таким образом, суд выступает в уголовном процессе в качестве самостоятельного субъекта доказывания, обладающего специфической обязанностью доказывания и процессуальными полномочиями по собиранию, проверке и оценке уголовных доказательств, которые позволяют определить его точное положение в этой деятельности. Можно сказать, что полномочия суда по проверке и оценке доказательств, имеющихся в уголовном деле, дополнительно представленных сторонами или сформированных судом по их ходатайствам либо самостоятельно, практически ничем, кроме рамок закона и собственного правосознания, не ограничены. Что касается собирания доказательств, то эта доказательственная деятельность может производиться судом в полном объеме лишь на основании соответствующих ходатайств сторон. По своей инициативе суд вправе собирать дополнительные (новые) доказательства только с целью проверки относимости и достоверности имеющихся в уголовном деле доказательств.

Особенности доказательственной деятельности суда заключаются в определении его правовой возможности быть носителем обязанности доказывания в уголовном процессе, в осуществлении им полномочий по собиранию доказательств, в том числе инициативному, в рамках первоначального этапа доказывания либо проверки доказательств, представленных сторонами. Доказательственные полномочия суда также до конца не определены ни в законе, ни в теории, ни в правоприменительной практике. Это касается, в частности, возможности суда самостоятельно, в том числе по собственной инициативе, а не только по ходатайствам сторон, производить определенные следственные и иные процессуальные действия. Достаточно актуальным остается вопрос о природе и доказательственном значении протокола судебного заседания, поскольку, являясь одним из видов уголовных доказательств, он в то же время формируется после окончания судебного следствия, что практически нивелирует его доказательственную значимость.

С учетом изложенного от того, насколько правильно и объективно установит суд обстоятельства по уголовному делу, зависит справедливость, законность и обоснованность приговора суда, что существенно влияет на авторитет судебной власти в нашем государстве.

Список литературы

1. Алиев Т.Т., Громов Н.А. Основные начала уголовного судопроизводства. М., 2003. С. 127.
2. Аширбекова М. Т. Реализация судебной защиты в состязательном уголовном процессе // Защита субъективных прав: история и современные проблемы. Волгоград, 2000. С.10-11. См. также: Шейфер С.А. О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 9. С. 66.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания. М., 1999. С.26.
4. Бозров В. "Тактика судьи" в прошлом и настоящем уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. N 10. С. 32.
5. Будников В.Л. Участие суда в уголовно-процессуальном доказывании // "Российский судья", 2006, N 11
6. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. N 4. С. 31.
7. Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Государство и право. 1998. № 6. С.61.
8. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С. 19-20.

9. Тумашов С.А. Принцип состязательности сторон и его роль в обеспечении прав участников уголовного судопроизводства // Обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2003. С.73-74.
10. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2015) .
11. Шадрин В.С. Современные проблемы истины и ее установление в уголовном процессе // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания. Волгоград, 2000. С. 15.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.10)

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.11)

ПРЕДМЕТ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Рубцова М.В.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Прокурорский надзор – специфическая деятельность государственных органов прокуратуры, осуществляемая от имени РФ и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции и исполнения законов, действующих на её территории. Занимает особое место в системе органов государственной власти и управления. Не входят ни в одну из ветвей власти, является независимой и обособленной структурой, осуществляющей прокурорский надзор от имени государства в целом. Прокурор, осуществляя надзор, защищает интересы и действует от имени всех членов общества, объединенных общей системой государства. Прокурорский надзор как отрасль науки – сумма знаний о формах, средствах, методах, осуществления прокурорской деятельности. По мнению ученых, термином «прокурорский надзор» обозначается не только одна из отраслей научного российского права, но и одна из отраслей научного знания, или одна из отраслей юридической науки. Рассматриваемая наука представляет систему понятий, взглядов, идей, раскрывающих сущность прокуратуры, закономерности ее возникновения и развития. По мнению О.А. Галустяна, как отрасль юридической науки, «прокурорский надзор» имеет общий объект изучения—объективные закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права, а также общие методы изучения этого объекта. Самостоятельность (обособленность) науки прокурорского надзора, как и всякой иной юридической науки, определяется ее предметом (как частью объекта) и методом изучения.

Под предметом науки «прокурорский надзор» следует понимать объективные закономерности возникновения, развития и функционирования во взаимосвязи с иными государственными органами и негосударственными органами. Важно иметь в виду, что объективные закономерности возникновения, развития и функционирования прокуратуры могут быть предметом изучения и других отраслевых юридических наук, что свидетельствует о системности рассматриваемой нами юридической науки и ее взаимосвязи с другими юридическими науками [2.С.9].

В соответствии ч.1 ст.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее-Закон о прокуратуре) прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [3]. Прокуратура Российской Федерации выполняет и иные функции, установленные федеральными законами. Предмет надзора определен ст.21 вышеназванного закона о прокуратуре. Под предметом прокурорского надзора следует понимать сферу общественных отношений, на регулирование которой направлена деятельность прокурора. В рассматриваемом случае деятельность прокурора направлена на регулирование общественных отношений, связанных с соблюдением Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об

организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее - Федеральный закон № 210-ФЗ)[4]. Соблюдение данного закона федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также местными администрациями и иными органами местного самоуправления, осуществляющими исполнительно-распорядительные полномочия. Цель прокурорского надзора – результат, на достижение которого направлена вся деятельность прокуратуры в целом, и ее важнейшая функция – надзор за соблюдением законодательства, регулирующего сферу правовых отношений в сфере государственных и муниципальных услуг федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами, соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами. Необходимо учитывать, что при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. В соответствии с ч. 2 ст.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура Российской Федерации создана в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности; защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Целью деятельности прокуратуры является достижение точного и единообразного исполнения законов, действующих на территории страны, регулирующих правоотношения в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг всеми физическими и юридическими лицами, на которых распространяются полномочия прокуроров. На достижения этих целей направлена деятельность прокуратуры по осуществлению надзора за исполнением Федерального закона № 210-ФЗ.

Задачи прокурорского надзора – это категория по сравнению с целями более частная, более конкретная, ограниченная. Задачи надзора более многочисленны по сравнению с целями. Они существенно различаются между собой по содержанию, по средствам их решения, по кругу субъектов – органов прокуратуры, ставящих и решающих эти задачи. Задачи прокуратуры – обусловленные стоящими перед прокуратурой РФ целями и вытекающими из требований законов, а также складывающегося в стране или конкретных регионах состояния законности проблемные вопросы, решение которых достигается посредством осуществления прокурорского надзора, иных возложенных на прокуратуру функций и направлений (участков) деятельности. Задачи подразделяются на три уровня: общие, специальные и частные [1 С.61].

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является самостоятельной отраслью прокурорского надзора, предусмотренный главой 2 Закона о прокуратуре, который имеет собственный предмет и характеризуется свойственными ему полномочиями прокуроров. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора является приоритетным направлением прокурорского надзора, в том числе в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг. Предмет прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина определен в ст.26 Закона о прокуратуре. Он включает в себя соблюдение прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, законодательными (представительными) и исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления и др. При осуществлении прокурорского надзора за соблюдением прав граждан при получении государственных и муниципальных услуг прокурорами выявляются нарушения в деятельности органов власти при предоставлении субъектам предпринимательской деятельности государственных и муниципальных услуг.

В каждом обществе существует потребность выполнения социальных дел. Часть из них требует использования властно-распорядительных полномочий, часть связана с оказанием социальных услуг. Социальные услуги означают юридически и социально значимые действия в интересах общества, государства и граждан. Их оказание обусловлено публичными функциями государства и деятельностью государственных структур, обладающих определенной компетенцией.

В соответствии со ст.5 Федерального закона № 210-ФЗ при получении государственных и муниципальных услуг заявители имеют право на получение государственной или муниципальной услуги своевременно и в соответствии со стандартом предоставления государственной или муниципальной услуги. Практика прокурорского надзора показывает, что наиболее характерные нарушения заключались в необеспечении надлежащего нормативного регулирования данной сферы; несоблюдении порядка предоставления услуг, установленного административными регламентами, в том числе сроков предоставления услуг; истребовании излишних документов, не предусмотренных правовыми актами; отсутствии возможности предоставления услуг в электронной форме; нарушениях при информационном обеспечении предоставления услуг. Одна из насущных проблем, стоящих сегодня перед прокуратурой, - освобождение прокуратуры от несвойственных ей функций и смещение акцентов в ее деятельности на правоотношения, приобретающие повышенное общественное значение.

Список литературы

1. Винокуров А.Ю., Винокуров К.Ю., Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2013. С.61.
2. Галустьян О.А., Ендольцева А.В., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: учебник.-6-е изд. перераб. и доп. – М.:ЮНИТИ-ДАНА:Закон и право, 2010 г.С.9-10.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.14)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ В ОБЛАСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕАЭС

Трунина Е.В.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г.Саранск

Относительно понятия и признаков государственных услуг федеральных органов исполнительной власти в науке административного права нет единства мнений. Законодательное определение государственной услуги появилось только с принятием Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Его анализ позволяет вычленить следующие признаки государственной услуги: 1) относится к функциям органа, предоставляющего государственную услугу; 2) предоставляется только по запросам заявителей; 3) ее предоставление осуществляется в пределах полномочий органа. К сожалению, данное определение не раскрывает самой сущности государственной услуги, а только указывает на формальные признаки ее предоставления, используя которые вычленить из полномочий государственных органов собственно услуги невозможно. Эти же признаки равным образом можно отнести и к государственным функциям. В связи с этим стоявший перед учеными и практиками вопрос об отграничении государственных услуг от государственных функций так и остается открытым. Как следствие, однотипные полномочия государственных органов в одних административных регламентах определены как государственные функции, в других – государственные услуги. Нормотворческая практика федеральных органов исполнительной власти наглядно демонстрирует возможность изменения статуса данных полномочий от государственных функций к государственным услугам, и наоборот. Для примера можно назвать осуществление федеральными органами государственной власти полномочий по информированию и консультированию. Остро данная проблема стоит и в таможенной сфере.

На сегодняшний день ФТС России приняты следующие административные регламенты по предоставлению государственных услуг: 1) по информированию об актах таможенного законодательства Таможенного союза, законодательства Российской Федерации о таможенном деле и об иных правовых актах в области таможенного дела и консультированию по вопросам таможенного дела и иным вопросам, входящим в компетенцию таможенных; 2) по принятию предварительных решений о стране происхождения товара; 3) по принятию предварительных решений по классификации товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза; 4) по ведению реестра таможенных представителей; 5) по ведению реестра таможенных перевозчиков; 6) по ведению реестра уполномоченных экономических операторов; 7) ведения реестра владельцев таможенных складов; 8) по ведению реестра владельцев магазинов беспошлинной торговли; 9) по ведению реестра владельцев складов временного хранения; 10) по выдаче и отзыву квалификационных аттестатов специалистов по таможенным операциям; 11) по ведению реестра банков, иных кредитных организаций и страховых организаций, обладающих правом выдачи банковских гарантий уплаты таможенных пошлин, налогов.

Нормотворческая практика ФТС России по принятию административных регламентов также демонстрирует отсутствие четко выработанных критериев отнесения государственных услуг к таковым. Примечательно, что первоначально статус государственных услуг, предоставляемых таможенными органами

имели три первых вышеуказанных услуги, что, на наш взгляд, полностью соответствовало их сущности: в основе их предоставления лежит добровольность обращения в таможенные органы, их предметом выступают определенные блага, предоставляемые таможенными органами исключительно в интересах обращающихся лиц, удовлетворение которых не связано с выполнением требований таможенного законодательства. Однако в последующем, к числу государственных услуг было отнесены полномочия таможенных органов, которые ранее в административных регламентах ФТС России обозначались в качестве государственных функций.

Вместе с тем не все подобные изменения следует признать, на наш взгляд, обоснованными. Прежде всего, это касается придания статуса государственных услуг ведению реестров лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела. Следует обратить внимание на то, что ведение данных реестров представляет собой не техническую процедуру, направленную на формирование реестров, а разрешительную процедуру. Без включения в данный реестр юридические лица не имеют право оказывать соответствующие таможенные услуги, что указывает на их принудительный характер. В соответствии с административными регламентами ФТС России ведение реестров как государственная услуга состоит из пяти процедур: 1) включение в реестр, 2) внесение изменений в реестр, 3) приостановление деятельности лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, 4) возобновление данной деятельности, 5) исключение из реестра. Перечисленные процедуры не являются последовательно сменяющимися друг друга этапами, ведущими к единому конечному результату. Это отдельные самостоятельные процедуры, различающиеся основаниями, временем проведения, конечным результатом. Не всех из них иницируют юридическими лицами, что характерно для услуг. Полностью в инициативном порядке осуществляется только включение юридического лица в соответствующий реестр. В данном случае у юридического лица имеется свобода выбора: заниматься деятельностью в сфере таможенного дела или нет. В отношении же иных административных процедур не предусмотрен исключительно заявительный (добровольный) порядок их реализации, например, в случае приостановления деятельности в сфере таможенного дела либо исключения лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, из соответствующего реестра. Таким образом, процедуры, входящие в содержание анализируемых государственных услуг, могут иницироваться не только юридическими лицами, но и таможенными органами, причем даже вопреки интересам данных юридических лиц, например, в случае нарушения условий включения в реестр или невыполнения обязанностей. В данных обстоятельствах приостановление деятельности (свидетельства), исключение из реестра вряд ли возможно считать государственной услугой. Установление длящихся отношений между таможенными органами и лицами, получившими разрешение на осуществление деятельности в сфере таможенного дела, связанных с реализациями в отношении последних полномочий по контролю, также подтверждает, что ведение реестров осуществляется в рамках контрольно-надзорной деятельности таможенных органов.

Рассматривая услуги по ведению реестров лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, хотелось бы обратиться к определению понятия «публичные услуги» в германской правовой доктрине (аналог отечественных государственных услуг), «предоставление публичных услуг гражданину осуществляется субъектами государственного управления в рамках позитивного государственного управления... В отличие от субъекта принудительного государственного управления, субъект позитивного публичного управления при предоставлении публичных услуг вправе выбирать организационную форму: публично-правовую или частноправовую» [1]. Здесь усматриваются очень полезные идеи относительно определения сущности государственных услуг. Государственные услуги не должны навязываться гражданам и их объединениям, по своей сущности они должны четко отграничиваться от монопольных видов деятельности государства, осуществляемых исходя из публичных интересов. Разрешительная деятельность государства является его исключительной монополией, осуществляемая в публичных интересах. Полностью разделяем точку зрения А.В. Кирина о том, что главным изъяном положений Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» является «внутренняя понятийная (а потому имеющая концептуальное значение) противоречивость его основных положений, из буквального прочтения и анализа которых следует, что государство сначала установило требования к гражданам и хозяйствующим субъектам на получение от уполномоченных государством тех же органов исполнительной власти различных разрешений, лицензий, справок, согласующих актов, экспертных заключений и множества иных, необходимых в большинстве случаев самим же органам исполнительной власти, документов, а потом установило в законе, что реализация органами исполнительной власти своих собственных функций (то есть служебных обязанностей) в части, предусматривающей наличие заявлений от «просителей» на получение этих разрешительных и иных документов, теперь называется государственными и муниципальными «услугами» [2]. В связи с этим хотелось бы привести высказывание Н.В. Путило: «Лицензия не представляет интереса для гражданина как таковая, он вынужден обратиться за ней, т.к. в противном случае он не сможет осуществить лицензируемый вид деятельности. Лицензирование – это действие в интересах общества. Собственного, имеющего конечную цель и причину

именно в получении (а не в занятии лицензируемым видом деятельности) интереса у гражданина нет» [3]. Равным образом данная мысль применима к включению лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, в соответствующий реестр. Интерес для лица представляет не выполнение необходимых процедур, связанных с включением в реестр, а непосредственно осуществление определенного вида деятельности в сфере таможенного дела. В основе обращения за включением в реестр отсутствует добровольность обращения, что препятствует на наш взгляд рассмотрению ведения реестров лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, в качестве государственной услуги. Вместе с тем, ведение таможенными органами отдельных реестров имеются основания считать государственной услугой, например, ведение реестра уполномоченного экономического оператора. Несмотря на то, что получение статуса уполномоченного экономического оператора также относится к разновидности разрешений, выдаваемых таможенными органами, тем не менее его правовая природа несколько иная. Получение данного статуса предоставляет данному субъекту ряд существенных льгот при таможенном декларировании товаров, связанных с использованием специальных упрощенных процедур.

Рассматривая сущность государственных услуг в области таможенного дела, нельзя не обратиться к практике правового регулирования указанного вопроса в иных интегрируемых государствах. Так, в Республике Казахстан существует достаточно обширная правовая база по государственным услугам. Базовые положения установлены в Законе Республики Казахстан «О государственных услугах» от 15 апреля 2013 г. № 88-V, согласно которому государственная услуга – одна из форм реализации отдельных государственных функций, осуществляемых в индивидуальном порядке по обращению услугополучателей и направленных на реализацию их прав, свобод и законных интересов, предоставление им соответствующих материальных или нематериальных благ [4]. В отличие от Российской Федерации, в Республике Казахстан порядок оказания государственных услуг регулируется двумя видами нормативных правовых актов: регламентами и стандартами. Регламент устанавливает требования по соблюдению стандарта государственной услуги и порядок деятельности услугодателей, а стандарт – требования к оказанию государственной услуги, а также характеристики процесса, формы, содержание и результат оказания государственной услуги. Согласно реестру государственных услуг Республики Казахстан в сфере таможенного дела предоставляется одиннадцать услуг [5]. Анализ последних позволяет выявить только пять услуг, содержательно совпадающих с государственными услугами в РФ: присвоение статуса уполномоченного экономического оператора; включение в реестр таможенных представителей; включение в реестр таможенных перевозчиков; принятие предварительных решений относительно определения страны происхождения товара при применении преференциального и непреференциального режимов; принятие предварительных решений по классификации товаров. Еще одна услуга – включение авторских и смежных прав, товарных знаков, знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности в Российской Федерации рассматривается в качестве государственной функции таможенных органов [6]. Нельзя не обратить внимание на такие государственные услуги Республики Казахстан, как «таможенная очистка и выпуск товаров», «осуществление безбумажного таможенного декларирования товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза (таможенная процедура – экспорт). Во-первых, следует отметить, что понятие «таможенная очистка» в таможенном законодательстве Таможенного союза не используется, но раскрывается Кодексом Республики Казахстан «О таможенном деле в Республике Казахстан» (ст. 271), что также, на наш взгляд, не способствует унификации понятийно-категориального аппарата в области таможенного дела. Во-вторых, получается, что статус услуг в Республике Казахстан получили предусмотренные ТК ТС таможенные операции, связанные с таможенным декларированием товаров, относящиеся к числу основных видов обязанностей лиц, перемещающих товары через таможенную границу Таможенного союза. Следует отметить, что в отличие от российского законодателя, законодательство Республики Казахстан предусматривает возможность предоставления как бесплатных, так и платных услуг. Примечательно, что платой за оказание таких государственных услуг, как таможенная очистка и выпуск товаров, осуществление безбумажного таможенного декларирования являются таможенные сборы, т.е. таможенные платежи. Таким образом, несмотря на совпадение по ряду позиций, следует констатировать использование в Республике Казахстана несколько иного подхода к сущности и соответственно к перечню государственных услуг в области таможенного дела.

Законодательство Республики Беларусь в области таможенного дела не использует понятия «государственная услуга», а оперирует понятием «административная процедура», которое по своему содержанию достаточно близко перекликается с первым. В единый перечень административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, входит двадцать четыре административные процедуры, осуществляемые на платной и бесплатной основе таможенными органами Республики Беларусь [7]. Сюда входят процедуры по включению в различные реестры (уполномоченных экономических операторов, таможенных перевозчиков, владельцев СВХ и

др.), совершение отдельных таможенных операций (создание временной зоны таможенного контроля, принятие решения о таможенном сопровождении, возврат сумм обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов и др.). Часть указанных процедур, например, связанные с включением в реестры, в той или иной степени совпадает с содержанием ряда государственных услуг, предоставляемых таможенными органами РФ, некоторые – с государственными функциями, например, принятие решения о принятии таможенными органами мер по защите прав на объект интеллектуальной собственности. Таким образом, в Республике Беларусь к административным процедурам относится более широкий перечень действий, совершаемых в пределах своей компетенции таможенными органами Республики Беларусь. Отдельный перечень административных процедур предусмотрен в отношении граждан, в соответствии с которым таможенными органами осуществляется выдача справки об отсутствии (наличии) задолженности по таможенным платежам, процентам, пеням, экономическим санкциям [8]. Выдача подобных документов, в частности, подтверждения о наличии излишне (ошибочно) уплаченных сумм таможенных пошлин, налогов и таможенных сборов; выдача акта сверки расчетов по таможенным пошлинам, налогам, таможенным сборам и пеням, в Республике Казахстан относится к государственным услугам в сфере таможенного дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что в государствах-членах Таможенного союза практика использования категории «государственная услуга» не является общепринятой. В России и Республике Казахстан, несмотря на введение национальными законодателями указанной категории, отсутствует единый подход к определению ее сущности, соответственно их перечню, механизму правового регулирования. Не способствует выработке единого понимания применения в интегрируемых государствах понятий «административная процедура» в области таможенного дела, ее соотношения с понятием «государственная услуга». Нельзя не отметить, что непосредственно таможенное законодательство Таможенного союза, законодательство в области таможенного дела государств-членов Таможенного союза не оперирует вышеуказанными понятиями, в связи с чем следует констатировать отсутствие единообразного подхода к обозначению закрепленных наднациональными нормами права таможенных операций, реализации таможенными органами своих полномочий. Придание в области таможенного дела единым действиям (операциям) с учетом национальных особенностей административно-правового регулирования властных отношений между органами государственной власти и гражданами, хозяйствующими субъектами различного статуса («административных процедур», «государственных услуг», «государственных функций»), различные подходы к использованию указанных понятий применительно к области таможенного дела не только не способствует унификации его понятийно-категориального аппарата, но и обуславливает создание различного правового механизма реализации участниками таможенных правоотношений своих прав и обязанностей.

Представляется, что имеющиеся различия в рассматриваемом понятийно-категориальном аппарате административного права интегрируемых государств не способствуют созданию единого правового режима для граждан и юридических лиц интегрируемых государств; ясности, прозрачности правового механизма совершения таможенных операций, реализации прав и обязанностей в сфере таможенного дела, а также выработки единообразной правоприменительной практики предоставления в государствах-членах Таможенного союза ЕАЭС государственных услуг в области таможенного дела.

Список литературы

1. Килина А.Ф. Понятие публичных услуг в российском и немецком праве // Информационные проблемы в сфере административной реформы. ИГП РАН. 2005. С. 109.
2. Кирин А.В. Актуальные проблемы теории и практики регулирования сферы государственных и муниципальных услуг // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013. № 2. С. 129.
3. Путило Н.В. Публичные услуги: между доктринальным пониманием и практикой нормативного закрепления // Журнал российского права. 2007. № 6.
4. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31376056
5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 18 сентября 2013 года № 983 «Об утверждении реестра государственных услуг» // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31448948
6. приказ ФТС РФ от 13.08.2009 № 1488 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по исполнению государственной функции по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности»// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 6. 08.02.2010

7. ¹Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 года № 156 «Об утверждении единого перечня административных процедур, осуществляемых государственными органами и иными организациями в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, внесении дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 февраля 2009 года №193 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь»// http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=50657
8. Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30787652

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ КАК КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫЙ ОРГАН

Воронов Е.Н., Лагутин И.Б., Ювченко С.В.

ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», г.Курск

В 2004 г. в России начала проводится административная реформа, в результате которой, была принята следующая типология функций органов исполнительной власти: 1) функции по принятию нормативных правовых актов; 2) функции по контролю и надзору; 3) функции по управлению государственным имуществом; 4) функции по оказанию государственных услуг. Функциями по контролю и надзору, согласно указу Президента РФ 2004 г. были наделены федеральные службы[5]. Однако при реформировании органов исполнительной власти в части совершенствования контрольной деятельности не были приняты во внимание мнения и рекомендации ученых и практиков относительно различий в терминах «контроль» и «надзор»[9, с. 55].

Следует отметить следующие различия контроля и надзора. Так контролирующие органы вправе вмешиваться в оперативно хозяйственную деятельность контролируемого объекта, а должностные лица этих органов вправе сами привлекать к ответственности правонарушителей. При осуществлении надзора не допускается вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного субъекта, а должностные лица надзорных органов не вправе сами непосредственно применять меры взыскания за нарушения законности[9, с. 56]. То есть это есть различные виды деятельности, которые существуют самостоятельно и объединять их в рамках одного органа как минимум не корректно.

Между тем в 2004 г. Федеральная служба судебных приставов РФ (далее – ФССП) на законодательном уровне такими функциями так и не была наделена [6]. Хотя законодательство об исполнительном производстве и о судебных приставах такие функции ФССП предоставляло [1,2]. Так, судебные приставы-исполнители наделялись правом проводить у работодателей проверку исполнения исполнительных документов на работающих у них должников и ведения финансовой документации по исполнению указанных документов, а также контролировать исполнение исполнительных документов, направленных в банк или иную кредитную организацию. Неисполнение требований, содержащихся в исполнительном документе о взыскании денежных средств с должника, банком или иной кредитной организацией, осуществляющими обслуживание счетов должника, в случае предъявления им исполнительного документа при наличии денежных средств на счетах должника являлось основанием для наложения судом на указанные банк или иную кредитную организацию штрафа в размере 50 процентов от суммы, подлежащей взысканию. Однако отсутствие законодательно закрепленных контрольно-надзорных полномочий затрудняло осуществление административной практики.

В 2007 г., после очередной реформы исполнительного производства в КоАП РФ были введены ст.ст. 17.14 и 17.15 («Нарушение законодательства об исполнительном производстве» и «Неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера»)[3,4]. Причем по ч. 1 и 3 ст. 17.14 и ст. 17.15 производство осуществляется должностными лицами ФССП РФ. Ч. 2 ст. 17.15 КоАП РФ устанавливала ответственность банков и иных кредитных организаций за Неисполнение содержащегося в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств с должника. Однако по этой части судебные приставы-исполнители имеют право только составлять протокол, рассмотрение же дела осуществляется судом.

21 апреля 2008 г. после издания указа Президента РФ о внесении изменений в Положение о службе судебных приставов ФССП был придан статус контрольно-надзорного органа [7]. Это привело к расширению полномочий судебного пристава-исполнителя, в частности, в вопросах административной практики. Должностные лица ФССП были наделены правом составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 19.4 (Неповиновение законному распоряжению должностного лица органа,

осуществляющего государственный надзор (контроль)), ч. 1 ст. 19.5 (Невыполнение в срок законного предписания (постановления, представления, решения) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль)), ст. 19.6 (Непринятие мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения), ст. 19.7 (Непредставление сведений (информации)) КоАП РФ. Также на Службу возлагалось осуществление межведомственной координации деятельности органов и организаций, исполняющих требования судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также обеспечение в пределах своей компетенции защиты персональных данных.

По сути, с приданием ФССП РФ статуса контрольно-надзорного органа произошло ее полное оформление как федерального органа государственной власти в форме федеральной службы и тем самым логически, в рамках административной реформы заканчивалось реформирование органов принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов.

Статьи гл. 19 КоАП стали применяться ФССП с 2009 г. Однако, по мнению правоприменителя, наделение судебных приставов функцией государственного контроля осуществлено без учета положений ФЗ «Об исполнительном производстве» 2007 г. и КоАП РФ. Это повлекло конкуренцию норм – ст.ст. 17.8, 17.14, 17.15 с ч. 1 ст. 19.4, ч. 1 ст. 19.5 и со ст. 19.7 КоАП РФ[8, с. 23]. Квалификация административных правонарушений осложняется возможным неоднозначным определением признаков объективной стороны состава правонарушения. К примеру, в случае воспрепятствования деятельности должностных лиц ФССП России могут быть применены нормы ст. 17.8, 19.4 или 17.14 КоАП РФ.

Довольно часто судебные приставы-исполнители применяли положения гл. 19, тогда как целесообразнее было бы использовать статьи гл. 17 КоАП РФ[8, с. 25]. Использование положений гл. 19 КоАП РФ в исполнительном производстве усложняется необходимостью обращения в суд, тогда как по ч. 1 и 3 ст. 17.14 постановления могут выноситься непосредственно должностными лицами ФССП РФ, к тому же ст. 17.14 устанавливает более жесткие меры наказания.

Список литературы

1. ФЗ «О судебных приставах» от 21 июля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.
2. ФЗ «Об исполнительном производстве» от 21 июля 1997 г. // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3591.
3. ФЗ «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
4. ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 2 октября 2007 г. // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4845.
5. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.
6. Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» от 13 октября 2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 42. Ст. 4111.
7. Указ Президента РФ от 21 апреля 2008 г. «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе судебных приставов, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1316» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1815.
8. Воронов Е.Н. Особенности применения административной ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия история и право. 2012. № 1. Ч. 2. С. 22-27.
9. Контроль в современной России: вопросы теории и практики правового регулирования: монография / авт. Беляев В.П., Брежнев О.В., Лагутин И.Б., Хорошильцев А.И. М.: Юрлитинформ, 2013. 312 с.

**СЕКЦИЯ №11.
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 12.00.15)**

АКТУАЛЬНОСТЬ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Хуснутдинова С.А.

(Научный руководитель – Ахметова А.Т.)

Стерлитамакский филиал Башкирский государственный университет, г.Стерлитамак

Согласно Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, то есть любое заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. Это гарантировано наличием судебной системы и гражданской процессуальной формой рассмотрения споров.

Реализация права истца на судебную защиту его интересов при неявке ответчика на рассмотрении дела образует заочное производство.

Заочное производство за историю развития судопроизводства зарекомендовало себя как практичный и эффективный способ защиты прав заинтересованных лиц. Его плюсом является то, что данный вид судопроизводства способствует ускорению рассмотрения гражданских дел, побуждает ответчика к активному участию в судебном процессе.

Институт заочной формы рассмотрения спора в суде давно известен мировой практике. Его основой является фактическое отсутствие ответчика в судебном заседании, если он об этом надлежаще извещен.

Еще в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР от 30 ноября 1995 года была включена глава 16-1 «Заочное решение». В Российской Федерации с 1 февраля 2003 года вступил в силу Гражданский процессуальный кодекс РФ, где заочному производству посвящена глава 22.

Заочное производство относится к исторически сложившимся формам ускорения правосудия. Введение данного института позволяет разрешить дело более эффективно без снижения уровня процессуальных гарантий.

В литературе заочное производство называют упрощенной процедурой, так как в нем наблюдаются некоторые отступления от установленных процессуальных форм обычного гражданского процесса, то есть некоторые процессуальные действия не осуществляются. Однако, необходимо отметить, что порядок заочного производства подчиняется общим правилам судебного разбирательства, за исключением ряда особенностей.

В связи с отсутствием ответчика в судебном заседании, судебное разбирательство влечет за собой устранение из судебного разбирательства процессуальных действий, составляющих осуществление права судебной защиты. Особенность заочного производства проявляется в том, что в судебном заседании нет словесных дебатов между сторонами, отсутствует состязание. Однако, это не говорит о том, что в судебном разбирательстве отсутствует принцип состязательности, данный принцип осуществляется здесь не полно, то есть объяснения берутся только у одной стороны, только одна сторона принимает участие в исследовании доказательств.

Признаками заочного производства являются:

- 1) Спор рассматривается на основе исследования доказательств, предоставленных лицами, участвующими в деле, а также устных объяснений присутствующей стороны – истца;
- 2) В исследовании всех обстоятельств дела участвует только истец;
- 3) Отсутствуют устные состязания сторон;
- 4) Ответчику предоставляется право ходатайствовать об отмене заочного решения.

Необходимо также отметить, что существуют обязательные условия для преобразования обычного судебного заседания в форму заочного производства. К ним относят:

1. Отсутствие просьбы ответчика о разбирательстве дела в его отсутствие;
2. Наличие согласия истца на рассмотрение дела в заочном производстве.

Определение данных условий обусловлено тем, что для истца заочное производство – это способ преследования противной стороны в ее отсутствие, а для ответчика – средство защиты права в случае неявки в заседание истца. Неявка равносильна признанию иска ответчиком. В случае неявки истца на судебное заседание исковое заявление с согласия других лиц, участвующих в деле, суд может оставить без рассмотрения согласно

ст.222 ГПК РФ, но если другие лица, участвующие в деле, настаивают на разбирательство дела, то оно может быть рассмотрено без участия истца в соответствии со ст.167 ГПК РФ.

Особенностью заочного производства также является содержание резолютивной части заочного решения. Его отличает от обычного решения то, что в заочном решении предусмотрены два способа его обжалования ответчиком и один способ для истца. Процедура обжалования закреплена в ст.237 ГПК РФ, в соответствии с которой в суд, принявший заочное решение ответчик вправе подать ходатайство об его отмене в течение 7 дней со дня вручения ему копии заочного решения в суд его принявший. Однако, истец в данном случае не оповещается о вручении ответчику копии решения, что для истца имеет значение при исчислении срока на обжалование в вышестоящий суд. Заочное решение может быть отменено тем же судом, который его принял. Такое правило в обычном исковом производстве не установлено.

Заочная форма судопроизводства – это одна из гарантий осуществления принципа состязательности на судебном заседании. Данный институт повышает ответственность участников гражданского процесса за свои действия, способствует предотвращению волокиты и злоупотребления своими процессуальными правами ответчиком. Введение заочного производства оправдано. Нормы главы 22 Гражданско-процессуального кодекса РФ применяется судами довольно эффективно. Также одним из плюсов заочного производства является ускорение разрешения гражданско-правовых споров.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.//Российская газета. - №197. – 25.12.1993. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Российская газета. - № 6299. - 07.02.2015)
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014) / Собрание законодательства РФ. 2002, № 46, ст. 4532
3. Коршунов Н.М. Лабыгин А.Н. Мареев Ю.Л.Гражданский процесс. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». Серия «Юриспруденция для бакалавров». - Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012
4. Мохов А.А. Филиппов П.М. Коваленко А.Г.Гражданский процесс: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. Серия: Высшее образование.- М.: Юнити-Дана, 2010
5. Власов А.А.Гражданский процесс Российской Федерации. – М.:Юрайт-Издат, 2003

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО НОВЫМ ИЛИ ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Назарычева Л.В.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г.Москва

Институт пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам представляет собой нормы-предписания, являющиеся элементом отрасли права, и может быть охарактеризован рядом особенностей, которые являются общими для объединения процессуально-правовых институтов, охватывающих соответствующие виды производств по пересмотру судебных актов арбитражных судов. Есть и черты, присущие только самому институту пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в арбитражном процессе.

Положения действующей редакции АПК РФ показывают, что главной новеллой последних лет является введение в кодекс понятия новых обстоятельств как оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов.

Как видно из статьи 311 АПК РФ, законодатель поместил в нее вновь открывшиеся обстоятельства и новые обстоятельства в качестве оснований для пересмотра судебных актов.

Сочетание в одной процессуальной правовой общности разных по своей правовой природе обстоятельств и специфика процедуры установления новых или вновь открывшихся обстоятельств позволяет прийти к выводу о сложном характере рассматриваемого института. В содержании рассматриваемого института присутствуют самостоятельные нормы о вновь открывшихся и новых обстоятельствах, которые не могут быть сведены лишь к общим нормам. Самостоятельность этих норм обуславливает их относительное обособление в субинституты.

Чем же было вызвано такое усложнение структуры института пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам? И каковы возможные тенденции развития норм рассматриваемого института?

В 2007 году Европейский суд по правам человека, рассматривая дело «Булгакова против Российской Федерации», указал на то, что следует отделять вновь открывшиеся обстоятельства от новых обстоятельств (Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 января 2007 г. по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации», жалоба № 69524/01).

Думается, что российский законодатель не учел должным образом правовые позиции, выработанные Европейским судом по правам человека по этому и другим делам.

Обратившись к истории внесения изменений в АПК РФ в 2010 году, можно обнаружить, что, вводя в главу 37 АПК РФ новые обстоятельства в дополнение к вновь открывшимся, законодатель руководствовался известным Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 года № 1-П по делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор». В пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в АПК РФ говорится о предложении «модифицировать институт пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. В частности, предлагается разграничить обстоятельства, которые являются основанием для пересмотра, на новые и вновь открывшиеся. При этом к вновь открывшимся обстоятельствам законопроектом отнесены такие обстоятельства по делу, которые существовали на момент принятия судебного акта, а к новым - обстоятельства, хотя и возникшие после принятия судебного акта, но имеющие существенное значение для правильного разрешения дела» [6, С.1].

Желание законодателя освободить суд от пересмотра большого количества дел объяснимо. Представляется, однако, что осуществление модификации института пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам путем добавления к вновь открывшимся обстоятельствам новых обстоятельств приводит к выхолащиванию сущности правового института, давно известного в процессуальной науке и практике под названием пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам.

Если обратиться к понятию модификация, то можно увидеть, что модификация определяется как «видоизменение предмета или явления, не затрагивающее его сущности»[2, URL]. Вместе с тем, как нам видится, пересмотр судебных актов по новым обстоятельствам имеет иную сущность, обусловленную иными по природе своей основаниями, нежели пересмотр на основании вновь открывшихся обстоятельств. И использование единого процессуально-правового механизма пересмотра судебных актов в главе 37 АПК РФ сущности правового института не меняет.

На наш взгляд, не было существенных, в том числе технико-юридических оснований для внедрения норм о пересмотре в связи с возникновением новых обстоятельств в имеющий свою правовую природу институт пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам.

Если проследить высказанные в литературе взгляды на обновленное в 2010 году производство, урегулированное в главе 37 АПК РФ, то можно увидеть, что авторы рассматривают в арбитражном процессе стадию по пересмотру судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам по сути также, как рассматривалась ранее в учебниках стадия пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, не приводя при этом особенностей, присущих пересмотру по новым обстоятельствам.

Так, в учебнике по арбитражному процессу под ред. проф. В.В. Яркова высказано суждение о том, что «сущность пересмотра судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам как института арбитражного процессуального права составляет надзор за законностью и обоснованностью судебных актов при получении арбитражным судом, их вынесшим, сведений о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств»[1, С.596]. Автор исходит из того, что «основной целью такого пересмотра является самостоятельная ревизия судом судебного акта, принятого им самим». В связи с этим право на пересмотр предоставляется не вышестоящей судебной инстанции, а этому же суду[7, С.445].

Правовой институт, указывает С.С. Алексеев, представляет собой первичную правовую общность. В процессуальном праве под институтом понимается законодательно обособленная совокупность закономерно связанных однородных и однопорядковых по сфере действия норм этой отрасли права, обеспечивающих законченное регулирование элементов гражданских процессуальных отношений, направленных на осуществление правосудия по гражданским делам[9, С.65].

Опираясь на указанные выводы ученых, мы полагаем, что и арбитражный процессуальный правовой институт должен обладать своими признаками, выделяющими его в качестве самостоятельного подразделения

правовой системы, и главной функцией института при этом является обеспечение цельного, законченного регулирования в пределах своего участка арбитражных процессуальных правоотношений.

Представляется, что действующая редакция главы 37 АПК РФ, включающая в себя новые обстоятельства и вновь открывшиеся обстоятельства и процедуры их установления, не выглядит как цельное регулирование пересмотра судебных актов.

В некоторой степени эти два пересмотра схожи потому, что появление (возникновение) обстоятельств после принятия судебного акта, вступившего в законную силу, не означает необходимости подачи нового, самостоятельного иска, а влечет исключительную стадию процесса – пересмотр вступившего в силу, т.е. окончательного судебного акта. Эта схожесть, а также изложение норм в одной общей главе АПК РФ позволяют многим ученым говорить о наличии правового института пересмотра судебных актов в связи с возникновением (наличием) новых или «вновь открывшихся» обстоятельств.

Однако правомерно ли на этом основании помещать по сути два разных пересмотра в одну общую главу (или общий раздел) Кодекса? С таким юридико-техническим подходом, по нашему мнению, согласиться трудно. Нет необходимости в техническом совмещении правил для двух разных по существу своему пересмотров – по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Не случайно процессуалисты отмечают, что две группы обстоятельств, которые могут выступать основаниями для пересмотра – это «два различных законодательных концепта»[8, С.12].

Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам – исторически сложившийся самостоятельный процессуально-правовой институт. Институт пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам – это новое образование, первичная процессуально-правовая общность, обусловленная развитием и дифференциацией арбитражных процессуальных норм, усложнением арбитражных процессуальных отношений.

Специфика пересмотра по новым обстоятельствам обусловлена центральным элементом данного института – новыми обстоятельствами, как основаниями для пересмотра, возникающими после судебного акта, оспариваемого заинтересованным лицом [5, С.217].

Отличия могут быть найдены и среди условий возбуждения пересмотра по новым обстоятельствам и по вновь открывшимся обстоятельствам. Для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам необходимо наличие неосведомленности суда о существовавшем на момент рассмотрения дела и принятия оспариваемого решения обстоятельстве.

Для пересмотра по новым обстоятельствам это не имеет значения, так как в этом случае суд не знал, да и никак не мог знать об обстоятельстве, которое возникнет (или нет) только после принятия судебного акта и вступления его в законную силу.

Таким образом, пересмотр вступившего в законную силу судебных актов в связи с возникновением новых обстоятельств – новое образование в науке арбитражного процесса и практике арбитражных судов, которое обладает своими чертами в арбитражном процессе.

Представляется, в связи с наличием специфики возникновения новых обстоятельств, и различием оснований для пересмотра судебных актов, правильным разделить производство, определенное в гл.37 АПК РФ, на два отдельных вида производства, выделив их в самостоятельные главы (подразделы) Кодекса. Это, в конечном счете, будет способствовать повышению эффективности принимаемых арбитражными судами решений, выполнению предъявляемых к решению суда требований[4, С.46].

В настоящее время группа специалистов проводит работу над созданием нового, называемого единым, Гражданского процессуального кодекса РФ. Вполне возможно, что в ближайшие годы на основе действующих ГПК РФ и АПК РФ появится один кодекс, регулирующий осуществление гражданского судопроизводства. К сожалению, в утвержденной 8 декабря 2014 года Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации структуре института пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствам посвящены всего два небольших абзаца, не содержащих ничего концептуально нового[3, С.192].

Между тем, арбитражные процессуальные нормы, регулирующие пересмотр в гл.37 АПК, находятся в активном процессе своего развития и, по нашему мнению, регулирование производства по пересмотру судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам нельзя считать законченным. Тенденция развития института пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам сводится к тому, что происходит постепенная дифференциация норм этого института. Развитие двух объединенных в главе 37 АПК РФ субинститутов позволяет предположить, что их разделение на два самостоятельных правовых института – вопрос *delegiferenda*.

Список литературы

1. Арбитражный процесс / Отв. ред. В.В. Ярков. М., 2012. С.596 (автор главы – М.Л. Скуратовский).
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000 // http://www.efremova.info/word/modifikatsija.html#.VQD9_fmsXs0
3. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2015. С.192.
4. Лебедь К.А. Решение арбитражного суда / Отв. ред. Т.Е. Абова. М.: ИГП РАН. 2005. С.46.
5. Назарычева Л.В. Новые обстоятельства как основания для пересмотра судебного решения в арбитражном процессе // Юридическая наука. 2014. Выпуск 3. С.217.
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 343802-5 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (о производстве по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам) // Источник СПС «Консультант Плюс».
7. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / Отв. ред. И.В. Решетникова. М., 2012. С.445.
8. Сахнова Т.В. Пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу: о сущности и законодательных противоречиях // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С.12.
9. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права. М., 1989. С.65.

СВОЙСТВА СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Лебедь К.А.

Институт государства и права Российской академии наук

Согласно ч.1 ст.13 ГПК РФ, суды принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции.

Таким образом, решение суда в гражданском процессе рассматривается в качестве вида судебного постановления. Однако, как справедливо находят авторы Концепции единого ГПК РФ, если суды выносят решения, определения и постановления, то обобщающий их термин не должен совпадать с перечисленными. Логичнее говорить о судебных актах, которые объединяют решения, определения и постановления [2, С.15].

Законность и обоснованность – основные свойства судебного решения. Известно, что наукой гражданского и арбитражного процесса предложен довольно длинный (не менее трех десятков) ряд требований к решению суда, на что нами указывалось ранее [4, С.74], но проверенные на практике законность и обоснованность остаются главными показателями, в которых выражается правосудный судебный акт. Достижение целей гражданского процесса обеспечивается законными и обоснованными судебными решениями.

Решение суда также приобретает ряд свойств (качеств) при вступлении в законную силу [1, С.202]. Однако свойства законной силы судебного решения следует строго отделять от свойств судебного решения, которыми оно характеризуется с момента изготовления в окончательной форме.

Законность судебного решения – это свойство, которое данный судебный акт приобретает в результате правильного применения материальных норм права и надлежащей реализации норм гражданского процессуального права. Законность во многом зависит от того, насколько успешно суд осуществляет правоприменительную деятельность, т.е. разрешает конкретную жизненную ситуацию посредством подведения спорного факта и отношения под соответствующее правило, выраженное в правовой норме.

Ошибочное применение норм материального права состоит в неприменении закона, подлежащего применению, применении закона, не подлежащего применению, и неправильном истолковании закона (ч.2 ст.330 ГПК РФ).

Неприменение подлежащего закону встречается, если суд не применил и одновременно не указал в решении тот закон, который должен быть применен по делу, а также вследствие ошибки в выборе подлежащей правовой нормы. Не делая ссылку на закон, которым необходимо руководствоваться при принятии решения, суд пренебрегает правовой квалификацией. Между тем, отсутствие правовой оценки фактических обстоятельств усложняет понимание выводов суда лицами, участвующими в деле, а также судами вышестоящих инстанций при проверке законности решения.

Ошибка суда в выборе надлежащей правовой нормы предполагает, что суд дал неверную правовую оценку фактическим обстоятельствам. В данном случае имеет место совпадение двух форм нарушения закона – судом, во-первых, не применен надлежащий закон, а во-вторых, применен закон, не подлежащий применению.

К применению ненадлежащего закона (помимо случаев совпадения с первым основанием) относятся также случаи, когда суд указывает в решении на два закона или более, один из которых применен верно, а другой применению не подлежал.

В настоящее время Российская Федерация расширяет свое участие в международных соглашениях, все более активно используя институты международного права. Таким образом, не может являться законным решение, при принятии которого суд неправильно применил общепризнанные принципы и нормы международного права.

В процессе судебного разбирательства происходит реализация не только материально-правовых, но и процессуально-правовых норм.

Осуществление норм гражданского процессуального законодательства происходит в форме их применения, использования, исполнения и соблюдения, в отличие от материальных норм, которые реализуются в гражданском процессе только в форме применения.

Использование гражданских процессуальных норм судом предполагает такое их осуществление, при котором суд использует возможности, предоставленные ему гражданским процессуальным законодательством. Использование тех или иных процессуальных норм происходит судом постоянно, так как само гражданское судопроизводство возможно только при этом условии. В стадии судебного разбирательства это может выразиться, в частности, в предложении сторонам представить дополнительные доказательства, или отложении рассмотрения дела в случае необходимости. На стадии принятия решения суд может, признав необходимым дополнительно исследовать доказательства или продолжить выяснение обстоятельств, возобновить разбирательство дела.

Исполнение гражданских процессуальных норм проявляется, в частности, в действиях суда по извещению заинтересованных лиц о производстве по делу, разъяснении участвующим в деле лицам и иным участникам гражданского процесса их процессуальных прав и обязанностей, исследованию доказательств по делу.

Соблюдение гражданских процессуальных норм судом означает, что суд строго следует установленным гражданским процессуальным законодательством правилам, не нарушает их. Например, суд соблюдает сроки принятия решения. Можно сказать, что суд соблюдает только те нормы, которые регламентируют его собственное поведение.

Внешнее выражение в судебном решении действий суда по применению гражданских процессуальных норм обеспечивает соблюдение законности в гражданском судопроизводстве и дает возможность участвующим в деле лицам обжаловать в случае необходимости процессуальные действия суда, а вышестоящим судам – проверить законность и обоснованность применения норм процессуального права.

Обоснованность решения суда – это подтвержденное доказательствами соответствие выводов суда полностью установленным, на основании представленного суду фактического материала, обстоятельствам.

Предпосылками обоснованного судебного решения, исходя из контекста ч.1 ст.330 ГПК РФ, являются: правильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела; доказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела; соответствие выводов суда, изложенных в решении, обстоятельствам дела.

Неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела, является по сути неправильным определением судом предмета доказывания. Как известно, в общем плане под предметом доказывания по делу в гражданском и арбитражном процессе можно понимать обстоятельства (юридические факты), устанавливаемые в целях разрешения дела [4, С.128].

Доказанность имеющих значение для дела обстоятельств означает, что установленные и изложенные в судебном решении обстоятельства основаны на доказательствах, выбранных судом из тех, которые субъекты доказывания (как правило, стороны) представили суду для исследования. Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. Согласно ч.1 ст.67 ГПК РФ, суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.

Несоответствие выводов суда обстоятельствам дела будет означать, что суд при принятии решения неверно установил, каковы права и обязанности лиц, участвующих в деле. Данная ошибка совершается при переходе от этапа по установлению фактических обстоятельств к выбору правовой нормы.

Список литературы

1. Гражданский процесс / Под ред. С.В. Никитина. М.: РАП, 2014. (автор главы – К.А. Лебедь).
2. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2015.
3. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Под ред. М.А. Фокиной. М., 2014. (автор главы – Р.О. Опалев).
4. Лебедь К.А. Решение арбитражного суда. М.: ИГП РАН. 2005.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях»**, г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом»**, г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

Межвузовская ежегодная научно-практическая конференция с международным участием **«Актуальные вопросы юриспруденции»**, г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

Международная межвузовская научно-практическая конференция **«Теория и практика современной юридической науки»**, г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения»**, г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях»**, г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции»**, г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

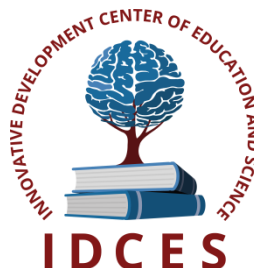
Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(7 апреля 2015г.)**

**г. Самара
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 08.04.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,37.
Тираж 250 экз. Заказ № 138.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58